Дж. Кервуд, У. Кингстон, Л. Русселе
Р. Баллантайн, Р. Киплинг
ГРИЗЛИ

Джеймс Кервуд

Гризли (сборник)

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
1857, 1878, 1908, 1916,

УДК 821.111(73) + 821.111 + 811.133.1
ББК 84.7США + 84.4ВЕЛ + 84.4ФРА

Кервуд Д. О.

Гризли (сборник) / Д. О. Кервуд — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1857, 1878, 1908, 1916,

На севере Канады, в суровом и безлюдном краю, осиротевший медвежонок Муква встречает огромного раненого медведя Тира. Их ждут невероятные приключения и открытия, но трогательная дружба поможет преодолеть все опасности! В сборник также вошли приключенческие повести и рассказы различных авторов: «Охотники на волков» (Дж. Кервуд), «Приключения юного раджи» (У. Кингстон), «Заклинатель змей» (Л. Русселе), «Коралловый остров» (Р. Баллантайн), «Маленький Тумаи» (Р. Киплинг).

УДК 821.111(73) + 821.111 + 811.133.1
ББК 84.7США + 84.4ВЕЛ + 84.4ФРА

© Кервуд Д. О., 1857, 1878, 1908, 1916,
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1857, 1878, 1908, 1916,

Содержание

С замиранием сердца… 6
Дж. Кервуд 10
Охотники на волков 10
Глава I 10
Глава II 15
Глава III 18
Глава IV 21
Глава V 25
Глава VI 32
Глава VII 37
Глава VIII 42
Глава IX 45
Глава X 50
Глава XI 56
Глава XII 60
Глава XIII 65
Глава XIV 68
Глава XV 73
Глава XVI 77
Глава XVII 80
Глава XVIII 83
Гризли 88
Глава I 88
Глава II 91
Глава III 94
Глава IV 97
Глава V 99
Глава VI 104
Конец ознакомительного фрагмента. 107

Гризли (сборник)

© ООО «РИЦ Литература», состав тома, вступительная статья, 2015
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2015

* * *

С замиранием сердца…

По оценке ряда литературоведов, понятие «приключенческая литература» начинает складываться в середине XIX века. Именно ко второй половине позапрошлого столетия и к началу прошлого века относятся произведения, объединенные под одним переплетом в этой книге.

В 1850–1860-е годы появляется массовый детский читатель, интересы и предпочтения которого во многом совпадают с интересами взрослого читателя, то есть с модой на ту или иную литературу. И книги о приключениях были востребованы читателями разных возрастных групп. Более того, в те времена они способствовали формированию нравственности, представлений о поведении человека в обществе.

Одним из главных признаков приключенческого жанра является острый, динамичный сюжет, и именно сюжет здесь определяет характеры, диктует, каким быть герою. А если действие происходит, как правило, в экзотических местах – в джунглях, горах, в бурных волнах океана – это дает и познавательный, и сильнейший эмоциональный эффект.

* * *

Три из шести произведений, включенных в этот сборник, объединяет место действия – Индия, а два из них – и время: период восстания сипаев (1857–1859), которое началось вследствие недовольства колонизаторской политикой Англии. (Сипаи – солдаты-индусы, служившие у англичан, под началом английских офицеров.) А еще во всех трех произведениях главным героям – людям помогают их верные друзья – животные.

Итак, перед нами «Заклинатель змей». Автор книги, Луи Русселе (1845–1929) – французский географ и путешественник. В 1863 году он был направлен в Индию с поручением выявить и описать памятники французского влияния в Декане – так называется плоскогорье во внутренней части полуострова Индостан. Франция не желала забывать того, что еще не так давно, в XVIII веке, пользовалась серьезным влиянием в этой далекой стране… В 1865–1868 годах Русселе при содействии уже английского правительства предпринял поездку во внутренние области Индии, остававшиеся под влиянием местных князей. Он проводил этнографические и археологические изыскания, одним из первых исследовал буддийские памятники в Санчи, в том числе первую в истории ступу, возведенную в III в. до н. э. Результаты исследований Русселе изложил в ряде статей в журнале «Tour du monde». Выполненные им во время индийских путешествий уникальные фотографии представлены в музее издательства «Гупиль» (Бордо, Франция).

Свои богатейшие впечатления от экзотической страны Русселе использовал в художественных произведениях. Главный герой «Заклинателя змей» пятнадцатилетний Андре Буркьен – потомок французского генерала и знатной индийской принцессы, сын плантатора, занимающегося разведением индиго. Один из вождей восстания сипаев, принц Нана-Сагиб, бьет ножом в спину отца Андре, похищает его юную сестру Берту, сжигает факторию Буркьенов. Чудом оставшийся в живых молодой человек в компании двух преданных ему индусов отправляется на поиски сестры. В опасном путешествии немало полезных услуг друзьям оказала дрессированная обезьяна…

В повести Луи Русселе проявляет себя и как блестящий рассказчик, и как исследователь. В стремительно развивающееся действие он умело вплетает замечательные описания индийской флоры и фауны, светских и религиозных обрядов, легенды и предания.

* * *

Автор «Приключений юного раджи» Уильям Генри Джайлс Кингстон (1814–1880) родился в Лондоне, но значительную часть жизни провел в Португалии, в Опорто (ныне Порту) – «городе портвейна», где у его отца был винный бизнес. Уильям тоже участвовал в этом бизнесе, но нередко отлучался и в Англию, и в морские путешествия, ведь море манило его с детства. А еще он пробовал себя в литературной деятельности. Его первая книга вышла в 1844 году, но настоящая известность пришла к нему после написанного для детей «Китобоя Питера» (1851), который пользовался таким успехом, что Кингстон решил оставить бизнес и целиком посвятить себя созданию приключенческих произведений. В этом жанре он написал более 130 книг.

В «Приключениях юного раджи» мы с волнением следим за тем, как преодолевает всяческие препятствия главный герой книги Реджинальд Гамертон, прибывший в Индию на поиски документов, свидетельствующих о его происхождении и о правах на наследство. Молодой человек оказывается в водовороте трагических событий: начинается восстание сипаев, которые не щадят не только англичан, но и своих соплеменников, симпатизирующих колонизаторам. В среде индийцев предательство становится нормой. К счастью, у Реджинальда есть верные друзья и самая надежная спутница, не раз спасавшая его от смерти, – ручная тигрица…

* * *

Трудно найти другого европейского литератора, который рассказывал бы об Индии с такой же художественной конкретикой, как английский поэт и прозаик Джозеф Редьярд Киплинг (1865–1936). Он родился в Бомбее, в Британской Индии. В пятилетнем возрасте был отправлен на учебу в Англию, но в 16 лет вернулся и устроился помощником редактора газеты в Лахоре (ныне Пакистан). В 1886 году вышла его первая книга стихов, а в 1888-м – «Простые рассказы с гор». В конце 1880-х годов Киплинг много путешествовал, а затем обосновался с молодой женой в Америке, в штате Вермонт. В 1890 году был опубликован его первый роман «Свет погас». В 1894–1895 годах выходят его знаменитые «Книга джунглей» и «Вторая книга джунглей», написанные на основе ярких впечатлений об Индии. Благодаря этим книгам писателя считают основателем нового литературного жанра рассказов о животных. Потом Киплинги вернулись в Англию. В 1901 году вышел роман «Ким» – прощальное слово писателя к Индии, а через год – книга для детей «Сказки просто так», материалы для которой Киплинг начал подбирать в Южной Африке, где провел по совету врачей несколько зим. Еще были два сборника сказок Старой Англии, объединенные рассказчиком – героем английского фольклора эльфом Паком.

Но вернемся к «Книгам джунглей». Обе они наполнены радостью проникновения в мир, не тронутый цивилизацией. В этих книгах возвеличиваются жизненные условия, основанные на суровой борьбе за существование. В них воспеваются Законы Джунглей, утверждающие неограниченное право сильного и обязательное послушание для слабого. В них прославляется идеал «естественного» человека, ощущающего свое родство с животным миром. И в конечном счете в них сильнее всех зверей оказывается человек.

Несколько историй, включенных в «Книги джунглей», рассказывают о Маугли – ребенке, воспитанном волками. Но, помимо всем известного Маугли, в этих книгах есть другие интересные персонажи. Один из них – Маленький Тумаи, герой одноименного рассказа. Потомственный погонщик слонов, мальчишка с любовью и уважением относится к этим огромным благородным животным. И один из его «подопечных» платит добром за добро –

берет Тумаи с собой полюбоваться не виданным ни одним человеком зрелищем – танцем слонов…

* * *

Огромный вклад в литературу о животных внес американский писатель Джеймс Оливер Кервуд (1878–1927). Он родился в городке Оуоссо, затерявшемся в лесах штата Мичиган. Он часто пропускал уроки ради увлекательных прогулок по лесным дебрям. Исключенный за это из школы, Джеймс сумел поступить в Мичиганский университет, по окончании которого стал редактором газеты «Ньюс трибьюн» в Детройте. Страсть к путешествиям – на лыжах, на собачьих упряжках, на каноэ – осталась у Кервуда на всю жизнь. И большинство его книг созданы под непосредственными впечатлениями того, что он видел, слышал, переживал лично. В 1908 году, когда Кервуду было уже тридцать лет, вышел его первый роман «Мужество капитана Плюма». За последующие 19 лет он написал более тридцати повестей и романов – анималистических, приключенческих, исторических. Наибольший успех имели его книги о животных. В них Кервуд рассказывает об удивительном мире зверей, их поведении и психике, а также о сложных отношениях их с человеком. Действие подавляющего большинства его произведений разворачивается в суровых природных условиях на севере Американского континента. Под стать природе и герои книг – мужественные, аскетичные люди, всегда готовые, если это необходимо, пойти на риск.

Именно такими предстают перед нами персонажи «Охотников на волков» – молодые американцы Вабигун и Родерик, собравшиеся в нехоженые, дикие северные леса на длительную, многонедельную зимнюю охоту в сопровождении старого индейца Мукоки. Они бьют и пушного зверя, и волков – за каждый скальп серого хищника власти платят по 15 долларов, очень неплохие по тем временам деньги. Наибольшую опасность для охотников представляют, как выясняется, не только страшные снежные бураны, не только свирепые четвероногие разбойники, а индейцы из племени вунги, ставшие на путь грабежа и разбоя. А тут еще в руки главных героев попадает план с местонахождением золотоносной жилы…

Заглавный герой книги «Гризли» – Тир, огромный бурый медведь гризли, близкий родственник наших сибирских косолапых. Он обитает в Скалистых горах, в местах, куда доселе не забирались ни охотники, ни золотоискатели. «Медведь этот был личностью весьма своеобразной», – пишет о нем Кервуд. Впрочем, все изображенные этим писателем животные – личности, даже маленький черный медвежонок, волею судьбы ставший спутником Тира. Медведя-великана пытается выследить вместе со своими товарищами охотник, литератор-натуралист Джим Лангдон. Противостояние зверя и людей заканчивается весьма неожиданным образом…

* * *

Еще севернее, в лесных дебрях и на снежных равнинах Канады, в одной из меховых компаний начал свою карьеру восемнадцатилетний Роберт Майкл Баллантайн (1825–1894), будущий писатель и художник. Он родился и получил образование в Эдинбурге (Шотландия), туда же и вернулся в 1847 году, работал там в издательской фирме. Первая его книга «Гудзонов залив» была во многом автобиографичной. После ряда произведений, посвященных похождениям в Канаде, в 1858 году Баллантайн выпустил свой «Коралловый остров», имевший огромный успех у читателей. Он создал более 80 повестей и романов, не похожих друг на друга; действие в них разворачивается на море и на суше: в Бразилии, Новой Зеландии, Индии… Его имя одно время было настолько популярно в Англии, что его называли соперником Жюля Верна.

«Коралловый остров» относится к литературному жанру «робинзонад» – повестей, получивших такое название по «Робинзону Крузо» Дефо и повествующих об изоляции одного человека или группы людей от цивилизации, об их борьбе за жизнь. Герой «Кораллового острова» Ральф, сын моряка и внук капитана, в 15 лет решает совершить путешествие по южным морям Тихого океана. Корабль терпит крушение, и Ральф вместе с двумя своими юными приятелями оказывается на необитаемом острове. Здесь присутствуют все атрибуты «робинзонады»: заброшенная хижина со скелетом, кровожадные туземцы, жестокие пираты и, конечно, незабываемые описания природы, в том числе подводного мира. Оптимизм, храбрость, трудолюбие, крепкая дружба помогают подросткам преодолевать трудности…

* * *

И сегодня, в начале XXI века, когда в массовой литературе правят бал детективы и фантастика, приятно посидеть вечерком с книгой, рассказывающей о героях и авантюристах былых времен, проследить с замиранием сердца, как в детстве, за их удивительными приключениями, окунуться в тот наполненный светом мир, когда жизнь виделась полной романтических тайн, когда добро и зло различались очень легко и когда добро обязательно побеждало…

Наталия Дорохина

Дж. Кервуд

Охотники на волков

Глава I
Бой в лиственницах

Суровая зима раскинула свой первый покров над Великой Канадской Пустыней. Красный шар луны всходил, освещая слабым светом безмолвную белую ширь. Ни один звук не нарушил ее унылого покоя. Дневная жизнь замерла, и не настал еще час, когда пробуждаются голоса блуждающих во тьме жителей ночи.

На переднем плане при блеске луны и рассеянном свете миллионов звезд поднимались амфитеатром массивы скал, у подножия которых спало замерзшее озеро. На склоне горы высился сосновый лес, черный и зловещий.

Несколько ниже лиственницы, наполовину согнувшиеся под тяжестью придавившего их снега и льда, стеной окаймляли озеро, окутывая его непроницаемым мраком. Со стороны, противоположной горе, соснам и лиственницам, скалистый амфитеатр переходил в безбрежную белую равнину, совершенно открытую и лишенную деревьев.

Огромная белая сова вынырнула из темноты, широко взмахнув крыльями. Потом она испустила хриплый и заунывный крик, который, казалось, возвещал, что близится наступление таинственного часа властителей ночи.

Снег, в изобилии падавший в течение целого дня, теперь перестал. Ни малейшего дуновения ветерка не чувствовалось в воздухе, и хлопья снега, уцепившись за самые тоненькие веточки, так и остались висеть на деревьях. Хотя ветра и не было, но мороз был суровый. Человек, простоявший неподвижно в течение часа, должен был замерзнуть.

Вдруг молчание нарушилось. Раздался крик, громкий и печальный, как невыразимая жалоба, жалоба нечеловеческая. Если бы она донеслась до ушей человека, то заставила бы кровь быстрее биться в его жилах и пальцы судорожно сжать приклад ружья.

Крик исходил из белой равнины и отдавался в ночи. Наконец он замер, и молчание, последовавшее за ним, показалось еще более глубоким. Белая сова, как большой снежный ком, молча пронеслась, быстро взмахивая крыльями, над замерзшим озером.

Потом, спустя несколько минут, жалобный крик возобновился, но уже слабее.

Человек, привыкший к Великой Белой Пустыне, напрягая слух и всматриваясь в темноту, не колеблясь признал бы в нем дикий вопль боли и агонии раненого и наполовину сраженного зверя.

В самом деле, в лунном сиянии медленно приближался великолепный лось-самец с той осторожностью, которая свойственна животным, измученным долгими часами травли. Его гордая голова, склонявшаяся под тяжестью массивных рогов, оборачивалась в сторону лиственного леса, расположенного на другом берегу озера. Животное втягивало воздух, его ноздри расширялись. Оно оставляло за собой следы крови. Раненное насмерть, оно с трудом тащилось по мокрому снегу, который покрывал лед, по-видимому, надеясь найти под сенью деревьев свое последнее пристанище.

Когда лось уже почти достиг своей цели, он вдруг остановился, закинул голову назад и, подняв кверху морду, насторожил свои длинные уши. Это обычная поза лосей, когда они прислушиваются. А слух их так тонок, что они различают на расстоянии мили всплески воды, встревоженной игрой речных форелей.

Но, казалось, ни один звук не нарушал молчания, только время от времени доносились зловещие крики белой совы, которая была еще недалеко. Однако мощное животное продолжало стоять неподвижно, к чему-то прислушиваясь, в то время как лужица крови под его грудью расплывалась по снегу. Какие таинственные звуки, неуловимые для человеческого слуха, долетали до его тонких, заостренных ушей? О какой опасности, таившейся в засаде черного соснового леса, они вопрошали?

Фырканье животного возобновилось. Втягивая ноздрями ночной мрак, оно поводило мордой то на восток, то на запад, чаще всего поворачиваясь к северу.

Вскоре можно уже было различить звуки, которые до тех пор слышны были одному лосю. Отдаленный вой, заунывный и в то же время дикий, нарастал, потом замирал, становясь с минуты на минуту все более определенным. Это был вой волков.

Петля палача для убийцы, осужденного на смерть, ружье, взятое на прицел, для шпиона, попавшего в руки врагов, то же, что этот волчий вой для раненого зверя Великой Канадской Пустыни. Старый лось снова опустил свою голову и свои широкие рога и, собрав все силы, побежал мелкими шажками к сосновому лесу.

Он отстоял дальше, но был гуще, чем маленький лесок из лиственниц, и животное инстинктивно понимало, что, если бы ему удалось добежать, оно нашло бы там более безопасное убежище.

Но вот… Да, вот оно прервало свой бег и снова остановилось. Так неожиданно, что передние ноги подогнулись и оно рухнуло на снег. На этот раз прозвучал ружейный выстрел.

Выстрел мог быть дан по меньшей мере за милю, а может быть, и за две. Но его отдаленность нисколько не ослабила страха, заставившего затрепетать издыхающего царя Севера. Утром того же дня он уже слышал этот звук, нанесший неведомую и глубокую рану самым жизненным частям его тела. Худо ли, хорошо ли, но он поднялся на ноги и скрылся в промерзшей массе лиственниц.

После ружейного выстрела снова воцарилось молчание. Оно длилось около десяти минут, когда внезапно вопль прорезал воздух. Но теперь он был уже значительно ближе. Другой ответил ему, потом третий, четвертый, и скоро это был уже целый хор дико ревущей волчьей стаи.

Почти тотчас же силуэт человека выплыл из лиственного леса. Лицо его было цвета меди, как у индейцев.

Он прошел несколько ярдов. Потом, обернувшись к темной стене, закричал:

– Идите, Род. Мы на верной дороге, и наша стоянка уже недалеко.

Голос ответил:

– Я здесь, Ваби.

Прошло несколько минут, и показался другой молодой человек, белолицый.

Ему было не больше восемнадцати лет. Левой рукой он опирался на толстую палку. Его правая рука, которая казалась серьезно раненной, была обернута большим платком, исполнявшим роль импровизированной повязки. Лицо было все исцарапано и кровоточило. Весь его вид свидетельствовал о том, что он дошел до последней степени изнеможения.

Он сделал еще несколько шагов, шатаясь и судорожно глотая воздух. Потом палка выскользнула из его пальцев, потерявших чувствительность, и он даже не попытался поднять ее. Сознавая свою слабость, он согнул колени и опустился на снег.

Ваби протянул ему руку, чтобы помочь подняться.

– Как вы думаете, Род, сможете вы идти дальше?

Молодой человек встал на ноги.

– Очень боюсь, что нет, – пробормотал он. – Я дошел до предела.

И он снова повалился на землю.

Ваби положил ружье и опустился на колени возле товарища.

– Мы вполне могли бы, – сказал он, – расположиться здесь до утра, если бы у нас оставалось больше чем три заряда.

– Всего три? – спросил Род.

– Ни штуки больше. Этого хватит, чтобы убить двух или трех волков. Я не думал, когда шел искать вас, что вы забрались так далеко.

Встав перед Родериком, он перегнулся пополам, как перочинный нож, наполовину закрытый.

– Обнимите меня за шею, – сказал он, – и держитесь крепко.

Ваби поднялся со своим грузом, держа Рода на могучих плечах. Он уже готов был пуститься в путь, когда раздался охотничий клич волков настолько близко, что он остановился в сомнении.

– Они вышли на наш след, – заявил он. – Нечего и думать, что мы сможем удрать. Раньше чем через пять минут они будут здесь.

Страшное виденье пронеслось в его мозгу: смерть другого юноши, на его глазах растерзанного на куски этими хищниками Севера. И он задрожал. Значит, такова же будет участь его товарища и его собственная… Если только… Сбросив раненого с плеч и оставив его, он еще мог убежать. При этой мысли по лицу его прошла судорога, и он сурово усмехнулся. Покинуть Родерика! Не в это ли самое утро, в первой стычке с индейцами, они бок о бок разряжали свои ружья? Не рядом ли с ним упал Родерик в этой битве с раздробленной рукой? Если им суждено через минуту встретиться лицом к лицу со смертью, то и здесь их будет двое. Они умрут вместе.

Решение Ваби было принято моментально. Он вернулся обратно в лиственный лес, неся Рода на плечах. Для них оставался еще единственный шанс на спасение: взобраться на одно из деревьев и ждать, пока волки не разбегутся с наступлением дня. Правда, они подвергались бы тогда риску умереть в течение этого времени от холода. Эта битва между ними и волками была бы испытанием на выносливость.

Ваби остановился у подножия большой лиственницы, ветви которой под тяжестью снега пригибались до самой земли, и положил Рода. При свете луны, которая теперь стояла в небе и ярко блестела, он взглянул на белого юношу, лежавшего почти без сознания с полузакрытыми глазами и безжизненными членами. Лицо его было смертельно бледно, и при виде этого призрачного лица верное сердце Ваби сжалось от тоски.

Но еще прежде, чем он успел подумать, как поднять раненого в надземное убежище, его ухо, привычное к звукам пустыни, насторожилось. Волки приближались! Он скорее почуял их, чем услышал. Ибо, приближаясь, кровожадные охотники прекратили свой вой. Не дожидаясь их, бесстрашно, с громким криком он выскочил им навстречу.

Они были не больше чем в нескольких шагах от леса, когда он преградил им путь. Это была лишь небольшая шайка, без сомнения авангард. Не теряя ни минуты, Ваби прицелился и выстрелил. Крик боли дал ему понять, что выстрел не пропал даром. Он снова приложился и прицелился так метко, что второй волк подскочил в воздухе, как на пружине, и плашмя повалился на снег, не издав ни чвука. Тогда остальные разбежались, не забыв, однако, захватить с собою труп товарища, чтобы растерзать его где-нибудь поблизости.

Вернувшись к Роду, Ваби с радостью увидел, что тот, преодолев свою страшную слабость, стал понемногу приходить в себя. Тогда он вскарабкался на дерево и втащил его за собой.

– Второй раз вы спасаете меня, – сказал Род. – Первый раз, когда я тонул. Теперь от волков. Я никогда не забуду этого!

Он нежно опустил руку на плечо своего друга.

– Вы вполне отплатили мне сегодня утром, – ответил Ваби. – Ведь если вы так искалечены, так только из-за меня. Кровавая рана предназначалась мне. Мы с нами квиты. – И их взгляды обоих юношей встретились, полные дружескою доверия.

Волчий концерт начался снова. Ваби добрался до верхушки дерева, чтобы наблюдать за происходящим. Стая только что вышла из соснового леса, немного повыше, на горе, и теперь спускалась во весь опор по ее склону, рассыпаясь среди снега множеством черных точек, похожих на муравьев.

Ответный рев несся со стороны озера, по которому бегом приближалась вторая стая. Оба отряда хищников имели, казалось, в виду одну цель: лиственницы, где они должны были соединиться. Всего их было около шестидесяти.

Ваби с трудом втащил Рода несколько выше. Оба они, с единственным зарядом, который у них оставался, молча ждали. В утренней схватке Род лишился своего ружья и боевых припасов.

Между тем Ваби снова взобрался на свой наблюдательный пункт. Вскоре он убедился, что обе волчьи стаи действительно соединились и окружили лес. Казалось, что звери охва-

чены страшным возбуждением. Они только что наткнулись по дороге на лужицу крови, оставленную издыхающим лосем, и напали на его след.

– Что там происходит? – спросил Род вполголоса.

Черные глаза Ваби расширились и загорелись жарким пламенем. Кровь билась в его жилах, и сердце колотилось до боли.

– Это они не за нами, – ответил он после минутного молчания. – Нас они не выследили и не почуяли. Есть какая-то другая добыча. Наше счастье!

Не успел он договорить, как кусты и ветви затрещали в нескольких шагах от их дерева, и юноши увидели огромную тень, которая пронеслась галопом прямо под ними. Ваби успел распознать лося, но он не подозревал, что это тот самый, которому он послал днем пулю, не сразившую его на месте. Волки с хриплым воем и голодным рычанием, временами вырывавшимся из их огромных пастей, преследовали по кровавому следу несчастное животное, пригнувшее голову почти до земли.

Для Ваби это зрелище не было ново, но Род видел его впервые и, хотя все произошло с молниеносной быстротой, жуткая картина надолго запечатлелась в его памяти. Долго еще потом грезилось ему во сне огромное животное, которое, чувствуя себя осужденным на смерть, мчалось в снежной ночи, испуская жалобные вопли агонии, и настигающая его дьявольская стая хищников пустыни, мощных и быстрых, с худощавыми телами, опьяненных близостью добычи.

Ведь он был уверен, что лось будет побежден в этом неравном поединке и что волки сожрут его до последнего клочка.

– А теперь, – спокойно сказал Ваби, – мы можем спуститься на землю и без страха продолжать наш путь. Они слишком заняты, чтобы интересоваться нами.

Он помог Роду сойти на землю, поддерживая его за ноги. Потом согнулся перед ним, как раньше, и взвалил его себе на спину.

Они вышли из леса лиственниц и прошли около мили до небольшого потока, поверхность которого была покрыта льдом.

– Ваби, – сказал Род, – отдохните, я пойду сам. Я чувствую, что силы мои возвращаются. Поддержите меня только немного.

Оба продолжали путь. Ваби обхватил раненого за талию. Так они прошли вторую милю.

На одном из поворотов долины они вдруг заметили огонь, который весело сверкал близ соснового леска. Костер был еще на расстоянии доброй мили, но им казалось, что до него рукой подать. Они приветствовали его радостным криком. Ваби, положив ружье и отпустив товарища, сложил обе руки около рта в виде рупора и кинул вдаль свой обычный сигнальный клич:

– Уа-у-у-у-у! Уа-у-у-у-у!

В тишине ночи призыв долетел до огня. Туманная фигура показалась при свете пламени и вернула клич.

– Это Мукоки, – сказал Ваби.

– Мукоки, – повторил Род со смехом, счастливый, что его тяжелые испытания приходят к концу.

Но почти тотчас же Ваби заметил, как он пошатнулся, близкий к обмороку. Ему пришлось снова поддержать товарища, чтобы тот не упал на снег.

Если бы в этот вечер взоры юных охотников, лежавших у огня стоянки на замерзшей Омбакике, могли прозреть тайну будущего и предвидеть все трагические переживания, которые оно им готовило, то, быть может, они отступили бы и вернулись назад к покинутой цивилизации. Но возможно также, что счастливый исход, который должен был увенчать их

долгие злоключения, несмотря на все, повлек бы их вперед. Ибо любовь к сильным ощущениям живет в сердцах юношей, полных жизненных сил.

Но перед ними не стояло такой альтернативы, так как будущее было от них скрыто. Только много позднее, когда протекли уже долгие годы и они, сидя перед весело потрескивающими дровами домашнего очага, могли снова увидеть в целом всю захватывающую картину своих приключений и восстановить ее в своем воображении, они поняли, что ни за какое золото мира не расстались бы до конца дней с этими неизгладимыми и дорогими для них воспоминаниями.

Глава II
Как вабигун-сын получил вкус к цивилизации

Почти за тридцать лет до времени нашего повествования молодой человек по имени Джон Ньюсом покинул большой город Лондон, чтобы отправиться в Новый Свет. Судьба была жестока к нему. После смерти отца и матери он увидел, что разорен и что ему не остается ни гроша из небольшого семейного наследства.

Он высадился в Монреале, и так как это был юноша хорошо образованный, деятельный и предприимчивый, то он быстро создал себе положение. Хозяин, у которого он служил, оказал ему доверие и послал его в качестве уполномоченного, или фактора, в свою факторию Вабинош-Хоуз, лежавшую очень далеко на севере, в пустынной области озера Нипигон, в направлении Гудзонова залива.

Директор фактории является фактически королем своих владений. На второй год управления Джона Ньюсома ему нанес визит вождь племени краснокожих Вабигун. Он приехал в сопровождении своей дочери Миннетаки, именем которой, в честь ее красоты и добродетели, впоследствии был назван город. Миннетаки была тогда во всем блеске своей расцветающей молодости и сияла красотой, редкой среди индейских молодых девушек.

Она поразила Ньюсома, как удар молнии, и он с первого взгляда влюбился в божественную принцессу. С тех пор он зачастил в индейскую деревушку, вождем которой был Вабигун и которая лежала в тридцати милях от Вабинош-Хоуза, в глубине Великой Белой Пустыни.

Миннетаки не осталась нечувствительной к любви молодого директора. Но их брак, быстро решенный с самого начала, натолкнулся на серьезное препятствие.

Молодой индейский вождь, по имени Вунга, также влюбился в Миннетаки. Она же в глубине души ненавидела его. Но Вунга был могущественный вождь, более могущественный, чем Вабигун, который находился от него в зависимости, так как обычно пользовался его территорией для охоты. Значит, надо было с ним ладить. Миннетаки не смела вступить в брак с тем, кого любила.

Неистовое соперничество возникло между обоими претендентами. Двукратное покушение на Ньюсома явилось его результатом, и Вунга отправил Вабигуну ультиматум, требуя, чтобы он отдал за него свою дочь. Миннетаки лично ответила решительным отказом на это требование, и пламя ненависти еще ярче разгорелось в груди Вунги.

В одну черную ночь, во главе отряда из мужчин своего племени, он напал неожиданно на лагерь Вабигуна. Старый вождь был убит и с ним десятка два из его людей, но главная цель нападения – похищение Миннетаки – не была достигнута. Вунга был отброшен, прежде чем успел завладеть молодой девушкой.

Гонец был спешно отправлен в Вабинош-Хоуз, чтобы сообщить Ньюсому о нападении и о смерти Вабигуна. Молодой директор с дюжиной смелых людей полетел на помощь своей невесте. Вторая атака Вунги окончилась для него полной неудачей, и он вынужден был позорно отступить в пустыню с тяжелыми потерями среди людей.

Три дня спустя Ньюсом женился на Миннетаки. Начиная с этого момента открылась кровавая эра, воспоминания о которой надолго сохранились в летописях фактории. Ненависть, рожденная из любви, превратилась в неискупимую и нескончаемую ненависть рас.

Вунга смело поставил себя и свое племя вне закона и начал истреблять до последнего всех, кто был прежде подвластен Вабигуну. Те, кому удалось спастись, покинули свою старую территорию и укрылись в окрестностях фактории. Тогда для индейских охотников, приглашенных на службу в факторию, наступила очередь жить под постоянной угрозой облавы или убийства из засады.

Ненависть за ненависть, угроза за угрозу воздавались Вунге и людям его племени. И скоро все индейцы, кто бы они ни были, стали рассматриваться в Вабинош-Хоузе как враги. Всех их принимали за людей племени Вунга и в обыденном разговоре называли не иначе как «вунгами». Они были объявлены хорошей мишенью для любого ружейного выстрела.

Между тем двое детей осветили союз Ньюсома и его прелестной краснокожей. Старший был мальчик, которого в честь старого вождя, его деда, назвали Вабигуном, или короче, Ваби. Вторая была девочка, на четыре года моложе, которую Ньюсом по имени матери назвал Миннетаки.

Странная вещь: казалось, что почти чистая индейская кровь бежала в жилах Ваби. Ребенок по виду был настоящим индейцем с макушки головы до кончика своих мокасин. Он был медного цвета и мускулистый, тонкий и быстрый как рысь, хитрый как лиса, и все в нем говорило, что он рожден для жизни в пустыне. Но вместе с тем он был очень интеллигентен и часто изумлял даже своего отца.

Миннетаки, напротив, по мере того как росла, все меньше сохраняла от дикой красоты своей матери и все больше походила своими манерами и грацией на белую женщину. Если ее волосы были черны как смоль и столь же черны ее большие глаза, то по тонкости кожи она принадлежала к расе своего отца.

Одним из лучших удовольствий для Ньюсома было заниматься воспитанием своей дикой жены. Вместе с тем оба они стремились к одному: дать маленькой Миннетаки и ее брату такое образование, какое получают современные белые дети. Мальчик и девочка начали с посещения в Вабинош-Хоузе школы фактории. Потом их отослали на две зимы в более современную и лучше поставленную школу Порт-Артура, самого близкого из культурных центров. Оба обнаружили блестящие способности.

Так вступил Ваби в свой шестнадцатый год, а Миннетаки – в двенадцатый. Ничто в их обыденной речи не выдавало их принадлежности к индейской расе. Но по желанию своих родителей они владели также и языком предков старого Вабигуна.

В эту пору их ранней юности вунги сделались еще более дерзки в своих набегах и преступлениях. Они совершенно отказались от всякой честной работы и жили только грабежами и воровством. Маленькие дети всасывали с молоком матери наследственную ненависть к хозяевам Вабинош-Хоуза, ненависть, о происхождении которой помнил сейчас разве только сам Вунга. Так что в конце концов канадское правительство вынуждено было назначить цену за головы вождя краснокожих и его главных сообщников. Была организована экспедиция, которая отбросила поставленных вне закона индейцев в более отдаленные области. Но сам Вунга не был захвачен в плен.

Когда Ваби исполнилось семнадцать лет, было решено, что он поедет на год в Соединенные Штаты, в какую-нибудь высшую школу. Молодой индеец (действительно, почти все считали его за такового, и он этим гордился) энергично боролся против этого проекта, выдвигая тысячу аргументов. У него была, говорил он, подлинная страсть к Великой Белой Пустыне, всосанная с молоком матери. Все его существо восставало против тюрьмы боль-

ших городов с их сутолокой, шумом и грязью. Нет, нет, никогда не смог бы он приспособиться к этой жизни.

Тогда вмешалась сестра его, Миннетаки. Она просила, умоляла его поехать всего на один год, не больше. Потом он вернется и расскажет ей все, что видел, научит и ее всему, чему сам учился. Ваби любил свою милую сестренку больше всего на свете. Чтобы убедить его, она сумела сделать больше, чем его родители, и он поехал.

Он отправился в Детруа, в штат Мичиган, и в течение трех месяцев отдавался работе вполне добросовестно. Но с каждой неделей росла в нем тоска одиночества, томительная печаль по покинутой сестре и по Великой Белой Пустыне, которая не расстилалась уже перед его глазами со своими широкими просторами и лесами. Каждый день ложился новой тяжестью на его душу, и единственным утешением были письма, которые он три раза в неделю писал своей любимой сестре. Миннетаки, в свою очередь, писала ему не менее длинные письма, в которых поддерживала и одобряла его. Она делала это также три раза в неделю, хотя почтовый курьер отправлялся из Вабинош-Хоуза всего два раза в месяц.

Именно в это время своей одинокой школьной жизни молодой Вабигун и завязал знакомство с Родериком Дрюи.

Как и Ньюсом, Родерик был дитя горя. Когда его отец умер, он был еще так мал, что даже не сохранил о нем воспоминания. Мать воспитала его, но небольшой капитал, который у них был, мало-помалу растаял. До последней минуты боролась она с нуждой, чтобы держать сына в школе. Теперь все источники иссякли, и Родерик готовился бросить свои занятия к концу текущей недели. Нужда стала его неумолимым господином, и он должен был зарабатывать, чтобы жить.

Мальчик рассказывал о своем тяжелом положении молодому индейцу, который ухватился за него, как утопающий хватается за спасательный круг, и с тех пор они стали неразлучны. Когда Родерик вернулся домой, Ваби тотчас же навестил его.

Миссис Дрюи была женщина культурная. Она приняла Ваби дружески и скоро начала относиться к нему почти с материнской лаской. Под этим живительным влиянием он стал находить ненавистную цивилизацию не такой уж безобразной, и изгнание показалось ему менее горестным. Эта перемена в настроении отразилась в его письмах к Миннетаки, в которых он с восторгом описывал семью своего друга.

Миссис Дрюи получала строки, полные трогательной благодарности, от матери Ваби, и регулярная переписка завязалась между обеими семьями.

Как только Ваби, не знавший теперь одиночества, заканчивал свой школьный день, он шел к своему другу, который к этому времени также возвращался из торгового дома, где служил. Долгие зимние вечера мальчики коротали вместе. Они усаживались рядом перед огнем камина, и молодой индеец начинал свои бесконечные рассказы о несравненной жизни, которой живут обитатели Великой Белой Пустыни. Род слушал обоими ушами, и мало-помалу в нем зарождалось и росло непреодолимое желание познакомиться с этой жизнью. Они строили планы, придумывали множество всяких похождений. Миссис Дрюи слушала то с улыбкой, то со смехом и не говорила «нет» на все эти сногсшибательные проекты.

Но наступает день, когда всему приходит конец. Ваби вернулся в Великую Белую Пустыню к своей краснокожей матери и к своей сестре Миннетаки. Глаза юношей наполнились слезами, когда они прощались, и миссис Дрюи тоже заплакала, видя, как поезд уносит молодого индейца.

Время, за этим последовавшее, было крайне тяжелым для Родерика. Восемь месяцев дружбы с Ваби пробудили в нем как бы вторую натуру, и ему казалось, что товарищ, уезжая, увез с собой частицу его собственной души. Наступила весна, потом лето. Каждый почтовый курьер увозил из Вабинош-Хоуза пакет писем для Дрюи и привозил пакет из Детруа.

Пришла осень, и сентябрьские морозы начали окрашивать в золотые и красные тона листву северной земли, когда длинное письмо, полученное от Ваби, вызвало в маленькой квартирке Дрюи сильное волнение, смешанное с радостью и тревогой. Оно сопровождалось вторым письмом от самого директора, третьим – от краснокожей матери Ваби и, наконец, маленькой припиской от юной Миннетаки. Все четыре послания настойчиво требовали, чтобы Родерик и миссис Дрюи приехали провести зиму в Вабинош-Хоузе.

«Не бойтесь, – писал Ваби, – что немедленное оставление места будет связано для вас с денежными потерями. Мы здесь в течение зимы заработаем больше долларов, чем вы сумеете получить их за три года службы. Мы будем охотиться за волками. Наша область изобилует ими, и правительство дает за каждый скальп премию в пятнадцать долларов. За зиму прошлого и позапрошлого года я убил их по сорок штук. Да я считаю еще, что охота была неважная. У меня есть прирученный волк, который служит мне сторожем и приманкой. Что касается ружья и прочей экипировки, то не беспокойтесь об этом. У нас здесь найдется все, что нужно».

Миссис Дрюи и ее сын обсуждали в течение нескольких дней это предложение, прежде чем послать ответ в Вабинош-Хоуз. Родерик умолял принять приглашение. Он рисовал яркими красками счастливую жизнь, которая им предстояла, говорил о чудесном здоровье, которого они там наберутся. Он приводил тысячу самых разнообразных доводов, чтобы добиться желательного ему решения. Мать его была настроена менее восторженно. При том неустойчивом материальном положении, в котором они сейчас находились, не было ли неосторожностью отказаться от скромного, но все же верного заработка, который обеспечивал им в общем приличную и спокойную жизнь? Жалованье Родерика должно было с течением времени возрастать, и даже этой зимой ему уже обещана была прибавка в десять долларов в неделю.

В конце концов миссис Дрюи уступила. Она согласилась на отъезд Рода, сама же, несколько опасаясь столь дальнего путешествия, решила остаться дома и беречь квартиру. Письмо соответствующего содержания было отправлено в Вабинош-Хоуз с просьбой дать точные указания о маршруте, которого следует держаться Роду.

Ответ пришел через три недели. Десятого октября Ваби встретится с Родом в Шпрусвуде, расположенном на реке Эстюржон, по которой они поднимутся в лодке до озера с тем же названием. Там они возьмут билеты на пароход, курсирующий по озеру Нипигон, и прибудут в Вабинош-Хоуз прежде, чем начинающиеся морозы успеют сковать воды озера.

Времени для необходимых приготовлений к поездке оставалось мало, и четыре дня спустя Род уже прощался с матерью, чтобы сесть на поезд, который должен был умчать его в Шпрусвуд. Там, выходя из вагона, он встретил Ваби, который ждал его в сопровождении одного из индейцев фактории. В тот же день после полудня они начали подниматься по реке Эстюржон.

Глава III
Родерик убивает своего первого медведя

В первый раз в жизни Родерик углублялся в самое сердце Великой Пустыни Севера.

Сидя на носу лодки из березовой коры рядом с Ваби, он жадно впивал в себя дикую красоту лесов с их разнохарактерной растительностью и блестящих, как зеркало, болот, мимо которых они скользили по воде, подобно теням, под приглушенные всплески весел. Его сердце трепетало от радостного волнения, и настороженные глаза готовились ежеминутно к встрече с крупной дичью, которой, по словам Ваби, изобиловали берега Эстюржона.

На коленях его лежало ружье Лебеля, привезенное Ваби. Воздух был холодный из-за мороза, ударившего ночью. Время от времени буковые леса, облаченные в пурпур и золото,

смыкали над их головами свои густые вершины. За ними тянулись другие леса, из черных сосен, которые сбегали к самым берегам реки. Болотные воды просачивались сквозь землю, поросшую лиственницами.

Это безбрежное пустынное одиночество, полное какой-то тайны, успокаивающе действовало на душу. Молчание нарушалось только разрозненными звуками своеобразной жизни пустыни. Куропатки с кудахтаньем убегали в кусты. Почти на каждом повороте реки стаи уток поднимались от воды, громко хлопая крыльями.

Один раз Род подскочил, услышав среди прибрежного кустарника, на расстоянии брошенного камня, какой-то странный треск. Он увидел, как ветки раздвинулись и пригнулись к земле.

– Лось, – прошептал Ваби за его спиной.

При этом слове Рода охватил трепет, и дрожь пробежала по всему его телу от напряжения и волнения.

Он не обладал еще ни пресыщенным хладнокровием старых охотников, ни тем стоическим равнодушием, с каким жители Северной Земли воспринимают раздающиеся вокруг них многочисленные крики диких животных. Род был еще новичком в охоте на крупную дичь. Но скоро ему пришлось познакомиться с ней, и притом очень близко.

После полудня на одном из изгибов реки, по которому они плыли в своей лодке, легко скользя по воде, внезапно показалась целая масса палых деревьев, сперва отнесенных течением, а потом снова прибитых к берегу. Солнце заходило за лесом, заливая его горячим желтым светом. На плавающих деревьях, по которым скользили косые солнечные лучи, лежал зверь.

Пронзительный крик непроизвольно сорвался с губ Родерика. Это был медведь. Он грел свои бархатные члены при последних лучах дневного светила, как это любят делать все его сородичи с приближением долгих зимних ночей.

Животное было застигнуто врасплох и на очень близком расстоянии.

С быстротой молнии, едва сознавая, что делает, Род приложил ружье к плечу, прицелился и выстрелил.

Медведь с неменьшей быстротой начал уже карабкаться на берег. Он остановился на мгновение, как будто собираясь упасть, потом продолжал свое отступление.

– Вы ранили его, – крикнул Ваби. – Скорей посылайте вдогонку вторую пулю.

Род дал второй выстрел, но он, казалось, не произвел на медведя никакого впечатления. Тогда, вне себя, забыв, что находится на утлой лодчонке, он резким движением вскочил на ноги и выпустил последний заряд в чернеющий силуэт зверя, который уже скрывался среди деревьев.

Ваби и индеец поспешили перейти на противоположный конец лодки, чтобы переместить центр тяжести. Но их старания были напрасны. Род уже потерял равновесие и, покачнувшись от отдачи ружья, полетел в реку.

Прежде чем он успел скрыться под водой, Ваби схватил ружье, которое Род еще не успел выпустить из рук.

– Не делайте лишних движений и держитесь крепко за ваше ружье. А главное, не старайтесь влезть в лодку, а то мы все вылетим за борт…

Индеец по его приказанию медленно повел лодку к берегу. Пока это длилось, Ваби с трудом удерживался от смеха при виде торчавшей из воды мокрой головы своего друга и его растерянной физиономии.

– Черт побери! Это был первый выстрел для начинающего. Вы уложили вашего медведя.

Несмотря на всю плачевность своего положения, Род пришел в хорошее настроение от этой приятной новости. Не успел он почувствовать под собой твердую почву, как стрем-

глав понесся в лес за своим медведем, вырвавшись из объятий Ваби, который, под влиянием только что пережитого волнения, хотел прижать его к своей груди.

Он нашел медведя на вершине холма, уже издохшего от двух пуль, из которых одна ранила его в бок, а другая попала прямо в голову. Тогда, перед трупом этого первого крупного зверя, сраженного его выстрелом, мокрый с головы до ног и дрожа всеми членами, он бросил в сторону своих компаньонов, причаливавших лодку, торжествующий победный клич, разнесшийся на полмили в окружности.

Ваби прибежал.

– Чудесное место для стоянки на сегодняшнюю ночь, – сказал он. – Нам здорово повезло. Благодаря вам у нас будет сегодня настоящий пир, а дров здесь хватит, чтобы разложить костер и изжарить мясо. Вот видите, как я был прав, когда говорил, что жизнь хороша у нас на Северной Земле.

Потом он позвал старого индейца:

– Олла, Муки!

Этот индеец был родственником старого Вабигуна. Его настоящее имя было Мукоки, но звали его сокращенно Муки. С раннего детства Ваби он был его верным товарищем и спутником.

– Муки, ты выпотрошишь нам по всем правилам искусства этого молодца. Ладно? А я займусь тем временем устройством стоянки.

– Можно будет сохранить шкуру? – спросил Род. – Это мой первый трофей, и, конечно…

– Ну разумеется, можно, – отвечал Ваби. – А пока помогите мне развести огонь. Иначе вы можете простудиться.

Действительно, Родерик, радуясь своей первой ночной стоянке, почти позабыл, что промок до костей и что уже наступила холодная ночь.

Скоро длинные языки пламени вырывались уже из потрескивавшего костра и разливали на тридцать футов вокруг свои свет и тепло. Ваби принес из лодки тюк с одеялами и, заставив Родерика раздеться, тепло закутал его, а снятое с него мокрое платье развесил близ огня, чтобы оно просохло.

После этого, к великому восхищению Рода, Ваби занялся устройством убежища на ночь, которая обещала быть холодной. Не переставая слегка насвистывать, юноша взял из лодки топор, направился к группе кедров и начал срезать сучья с их веток. Род не хотел оставаться без дела и присоединился к Ваби, подвязав вокруг себя одеяло, отчего он все время спотыкался и имел довольно забавный вид.

Две большие раздвоенные на концах ветки были вертикально вкопаны в землю на расстоянии восьми футов друг от друга. На их разветвлениях было положено горизонтально маленькое дерево, которое должно было послужить основой для крыши. По правую и левую стороны, наклонно к земле, поставили еще около полдюжины больших веток в виде остова, и на них набросали сучья кедра. После получаса работы хижина уже приняла определенную форму.

Постройка была почти готова, когда Муки кончал обдирать и разрезать на части медведя. На пол хижины были набросаны ветки, испускающие смолистый запах, которые должны были служить кроватями.

Скоро большие куски медвежьего мяса были положены на раскаленные уголья, а аромат кофе, кипящего в котелке, смешался с аппетитным запахом мучных лепешек, поджаривавшихся в шипящем жиру на маленькой печке, и тут Род понял, что самые прекрасные из его снов осуществились.

Последовавшие затем три дня пути Род продолжал набираться опыта.

* * *

В одно прекрасное морозное утро, прежде чем его спутники проснулись, он, ни слова не говоря, оставил стоянку, вскинув на плечо ружье Ваби. Он дал два выстрела по красной лани и оба раза промахнулся. Потом он запыхался, преследуя оленя, но с тем же результатом, так как олень спасся от него, бросившись вплавь по озеру Эстюржон, а он три раза безуспешно выстрелил в него с далекого расстояния.

Глава IV
Родерик отбивает Миннетаки от похитителей

Пароход, на котором они ехали, рассекал спокойные воды озера Нипигон. В один чудесный день Ваби первый заметил своим острым взглядом бревенчатые домики Вабинош-Хоуза, столпившиеся у опушки огромного леса, терявшегося вдали.

В то время как они приближались к берегу, он с радостью показывал Роду магазины фактории, маленькую группу домиков, где жили служащие, и дом директора, который должен был открыть перед Родом свои двери и принять его под свой кров.

Когда берег был уже недалеко, от него отделилась лодка и поплыла навстречу пароходу. Юноши увидели, что кто-то машет им белым платком в знак приветствия. Ваби ответил радостным криком и дал выстрел в воздух.

– Это Миннетаки! – воскликнул он. – Она мне обещала, что будет сторожить наш приезд и сама выедет к нам навстречу.

Миннетаки! Легкая нервная дрожь пробежала по телу Рода. Тысячу раз в вечера, проведенные перед огнем в квартирке миссис Дрюи, Ваби описывал ему молодую девушку. Вечно он вплетал свою сестру в разговор, связывал ее со всеми проектами, которые они строили, и мало-помалу, сам этого не сознавая, Родерик воспылал мечтательной любовью к той, которую он не видел никогда в жизни.

Молодые люди и Мукоки тотчас же подъехали к ней в береговой лодке.

Вся сияющая, с радостным возгласом, Миннетаки наклонилась к брату, чтобы поцеловать его. В то же время ее черные глаза бросили любопытный взгляд на того, о ком она так много слышала.

Ей было в то время пятнадцать лет. Подобно всем индейским девушкам ее возраста, она была гибка и стройна и походила на вполне сформировавшуюся женщину, особенно своей бессознательной грацией и женственностью своих движений. Волна слегка завивавшихся черных волос обрамляла прелестное личико, как решил про себя Род, одно из самых привлекательных, какие ему когда-либо приходилось встречать. Тяжелая коса, переплетенная красными осенними листьями, падала на плечи Миннетаки.

Она выпрямилась в своей лодке и улыбнулась Роду. Он тоже встал, чтобы вежливо ответить на ее приветствие, сняв шляпу, как полагается среди цивилизованных людей. Но в этот самый момент порыв ветра унес его головной убор в озеро.

Последовал взрыв смеха со стороны юношей и молодой девушки, и старый индеец не замедлил к нему присоединиться.

С этого момента лед был сломан, и, хохоча Роду прямо в лицо, Миннетаки направила свою лодку к его плавающей шляпе. Она выудила ее и протянула молодому человеку на конце весла.

– К чему это, – сказала она, – кутать голову до наступления больших холодов? У Ваби тоже есть такая привычка. У меня нет.

– В таком случае и я не стану этого делать, – галантно ответил Род.

И оба, среди взрывов веселого смеха, почувствовали, что краснеют.

Полное охотничье снаряжение ждало белого юношу в приготовленной для него комнате Вабинош-Хоуза: ружье системы Ремингтон с пятью зарядами, весьма страшное на вид, совсем такое же, как у Ваби, револьвер большого калибра, лыжи и десяток других принадлежностей, необходимых всякому, кто собирается предпринять длительную экспедицию в Великую Белую Пустыню. Род в первый же вечер примерил свое снаряжение.

Ваби тем временем отметил на карте их предполагаемый маршрут и обвел границы территории их будущей охоты. Волки, постоянно преследуемые в ближайших окрестностях фактории, стали здесь очень редки и слишком осторожны. Но на расстоянии сотни миль к востоку, на землях, почти еще девственных, они водились в изобилии, истребляя массу лосей, ланей и оленей.

Туда-то и предполагал направиться Ваби, там и собирался он зазимовать. Надо было не откладывая двигаться в путь и, напав на звериные тропы, в их центре построить как можно скорее, прежде чем начнутся большие снегопады, бревенчатую хижину, в которой охотники смогли бы укрыться в период сильных морозов.

Поэтому было решено, что мальчики в сопровождении Мукоки уже через неделю отправятся в свою экспедицию.

Родерик употребил наилучшим образом те несколько дней, которые ему оставалось провести в Вабинош-Хоузе, и в то время как Ваби, по случаю краткого отсутствия своего отца, заменял его в торговых делах, он получал от хорошенькой маленькой Миннетаки свои первые уроки вольной жизни.

Плывя в лодке с ружьем в руке или же изучая с ее помощью таинственные сигналы лесной жизни, молодой человек не переставал смотреть на девушку с нескрываемым восхищением.

Когда он видел ее склонившейся к свежему следу, всю трепещущую, с внезапно загоревшимися и сверкающими, как раскаленные угли, глазами, с тяжелой копной пропитанных теплыми отсветами солнца волос, которые мели вокруг нее землю, она казалась ему очаровательной и живой картинкой и могла, конечно, тронуть сердце восемнадцатилетнего юнца. Сотни раз он призывал небеса в свидетели, что, начиная с кончиков ее хорошеньких ножек, обутых в мокасины, и кончая макушкой ее головы, не было в мире ей равной.

Не один раз делился он своими чувствами с Ваби, который восторженно соглашался с ним. Поэтому-то неделя не успела еще окончиться, как Миннетаки и Род стали уже неразлучными товарищами. И не без некоторого сожаления встретил молодой охотник занимавшуюся в небе зарю того дня, когда они должны были углубиться в самое сердце Великой Белой Пустыни.

Миннетаки вставала обыкновенно одной из первых в Вабинош-Хоузе. Но Род большею частью поднимался еще раньше ее. В это утро, однако, он немного запоздал, и, в то время как он одевался и занимался своим туалетом, он слышал свист Миннетаки, доносившийся снаружи. Ибо молодая девушка умела свистеть с таким совершенством, которое возбуждало его зависть.

Когда он спустился из своей комнаты и вышел, Миннетаки уже не было. Он нашел только Ваби, который вместе с Мукоки собирался увязывать мешки с провизией и снаряжением.

Утро было чистое, ясное и холодное, и Род заметил, что тонкий слой льда за ночь покрыл озеро. Раз или два Ваби повернул голову к опушке и дал свой обычный сигнал Миннетаки. Никто не ответил.

– Хотел бы я знать, – сказал он, продолжая затягивать ремни вокруг одного тюка, – почему это она не приходит? Скоро уже подадут завтрак. Род, пойдите-ка поищите ее. Хорошо?

Родерик не заставил себя просить вторично. Он быстро побежал по маленькой тропинке, по которой, он знал, всегда гуляла Миннетаки.

Прежде чем скрыться в лесу, эта тропинка тянулась по усеянному камнями песчаному берегу озера.

Так он дошел до того места, где Миннетаки привязывала свою лодку из березовой коры, и понял, что не так давно она должна была пройти здесь. Действительно, лед вокруг лодки был разбит, и молодая девушка очистила от него воду на протяжении нескольких футов.

С этого места тропинка, на которой запечатлелись следы маленьких ножек, поднималась по береговому склону и подходила к лесу.

Род пошел по ней, и, прежде чем вступить под деревья, он закричал в несколько приемов:

– Олла, о, Миннетаки, Миннетаки!

Он начал звать снова, на этот раз во весь голос. Никакого ответа.

Беспокойство, смутное предчувствие, которого он не мог осознать, заставили его продолжать свой путь через лес, куда вела та же узенькая тропинка.

Он шел пять, десять минут. Потом позвал снова. То же молчание. Тогда он подумал, что, быть может, молодая девушка пошла другой тропинкой и что сам он забрел слишком далеко в чащу леса. Но все-таки он продолжал идти еще несколько минут и вскоре добрался до места, где тропинку преграждал огромный ствол упавшего дерева, которое медленно гнило, оставляя на земле слой мягкого, густого, черноватого перегноя. Мокасины Миннетаки отпечатались на нем, как на воске.

Род остановился в недоумении. Он прислушивался, сам не производя ни малейшею шума; но ветер не доносил до него никаких особенных звуков. Одно было несомненно – это то, что он находился сейчас на расстоянии более чем мили от фактории и что ни он, ни Миннетаки не могли бы уже поспеть к обычному часу завтрака. Рассматривая в перегное отпечатки следов молодой девушки, он, несмотря на все свое беспокойство, не мог удержаться от восхищения ее маленькими ножками. Кроме того, он обнаружил, что мокасины Миннетаки, вопреки общепринятому обычаю, были снабжены каблучками.

Он дошел до этого пункта своих размышлений, как вдруг вздрогнул. Не отдаленный ли крик донесся до него? Сердце его перестало биться, кровь загорелась, и в ту же секунду он устремился вперед с быстротой оленя.

Очень скоро он добрался до прогалины, выжженной лесным пожаром.

И тут, посредине прогалины, глазам его представилось зрелище, от которого кровь застыла в его жилах. По тропинке шла Миннетаки. Ее длинные волосы распустились по плечам, глаза были завязаны, рот затянут платком, два индейца с обеих сторон стремительно тащили ее вперед.

Род застыл от ужаса. Но это продолжалось одно лишь короткое мгновение. Он быстро овладел собой, и каждый мускул его тела напрягся в ожидании борьбы.

В течение недели он упражнялся в стрельбе из своего револьвера, с которым теперь никогда не расставался. Он вынул его из кобуры. Но мог ли он выстрелить в этих двух негодяев, не рискуя попасть в Миннетаки? Осторожность не позволяла ему отважиться на такой риск. Огромная ветка валялась на земле тут же рядом. Он поднял ее, рассчитывая воспользоваться ею, как дубиной, и побежал вперед. Сырая почва заглушала шум его шагов.

Он был уже на расстоянии не более десяти футов от поразившей его ужасом группы, когда Миннетаки сделала отчаянное усилие, чтобы освободиться. Один из краснокожих, стараясь удержать ее, случайно обернулся назад и вдруг увидел разъяренного, как демон, юношу, который, размахнувшись, опустил на него дубину. Рычание Рода, предостерегающий крик индейца – и бой завязался.

Палка Рода опустилась с глухим ударом на плечо второго индейца, который повалился на землю. Но прежде чем молодой человек успел занять оборонительную позицию, второй противник схватил его сзади и стал душить смертельной хваткой. Неожиданная атака вернула свободу Миннетаки, и она поспешно сорвала повязку со рта и глаз. С быстротой молнии она сориентировалась в положении. Род и его противник катались по земле и боролись врукопашную не на живот, а на смерть. Первый индеец, выйдя из своего оцепенения, начал приподниматься и пополз к месту схватки, чтобы оказать помощь своему товарищу. Миннетаки поняла, что это была верная смерть для ее спасителя; лицо ее побледнело, а глаза страшно расширились. С судорожным рыданием она схватила палку, брошенную Родом, подняла ее и изо всех сил ударила ею по голове краснокожего, который боролся с Родом. Один раз, два раза, три раза поднималась и опускалась палка, и человек разжал свои объятия. Юноша, наполовину уже задушенный, начал дышать.

Однако сражение еще не окончилось. Второму индейцу удалось подняться на ноги, и, когда храбрая девушка в четвертый раз занесла свою палку, сильный толчок отбросил ее назад, и она почувствовала, что ее схватили за горло.

Передышка, которую она дала Роду, оказалась ненапрасной. Он мог теперь дотянуться до кобуры своего револьвера. Приставив револьвер к груди своего противника, он выстрелил в упор. Раздался глухой треск, крик боли, и индеец упал навзничь. Увидев это, краснокожий, оставшийся в живых, выпустил Миннетаки и со всех ног пустился бежать в лес.

Миннетаки, совершенно разбитая столько же страхом и тревогой, как и нечеловеческим напряжением воли, которое она только что проявила, как подкошенная упала на землю, заливаясь горючими слезами. Род, забыв о себе, подбежал к ней, гладил ее по растрепавшимся волосам и успокаивал, как только мог.

Ваби и Мукоки нашли их на том же месте. Они услышали крик Родерика, бросающегося в атаку, и стремглав кинулись на помощь. Крики Миннетаки во время схватки помогли им определить направление, какого следовало держаться. Еще двое служащих фактории, совершавшие обход, пришли к тому же месту.

Убитый индеец был признан одним из людей племени Вунга. Миннетаки рассказала, что она отошла еще недалеко от Вабинош-Хоуза и ее крики легко могли быть там услышаны, если бы два индейца, неожиданно на нее набросившиеся, не завязали ей тотчас же рот. С дьявольской хитростью они заставляли ее все время идти по узкой тропинке, а сами, держа ее с двух сторон за руки, шли сбоку по мху. Поэтому только ее следы отпечатались на тропинке там, где почва была помягче. Всякий, кто пошел бы, как это сделал Род, по следу молодой девушки, неизбежно должен был подумать, что она была одна и прогуливалась в полной безопасности.

Эта попытка похищения Миннетаки, героическое вмешательство Родерика, смерть одного из похитителей вызвали в фактории чрезвычайное волнение. Для всех было очевидно, что сам Вунга должен был блуждать где-то поблизости в окрестностях фактории. Несколько белых семейств, живших в Вабинош-Хоузе, решили организовать облавы на двадцать миль в окружности. Этот район казался достаточным для обеспечения безопасности Миннетаки и других молодых девушек. Четверым из самых искусных следопытов колонии было дано специальное поручение разыскать следы поставленных вне закона индейцев. Ваби, Род и еще пара десятков мужчин проводили целые дни, рыская по лесам и болотам. Отъезд молодых охотников из-за этого был временно отложен.

Но вунги исчезли так же внезапно, как и появились. Снова стали говорить об отъезде. Не раньше, однако, чем Миннетаки обещала Роду и Ваби быть впредь более осторожной и прекратить свои одинокие прогулки по лесу.

Глава V
Перед лицом пустыни

Четвертого ноября, в понедельник, Род, Ваби и их старый проводник Мукоки оставили наконец факторию и вступили на стезю приключений, которые ждали их в Великой Белой Пустыне.

Мороз стал крепчать. Озера и реки уже глубоко промерзли, и снег разостлал по земле свой первый тонкий покров.

Молодые охотники, которые запоздали на две недели сравнительно со своим первоначальным планом, достигли форсированным маршем северной окраины озера Нипигон и через шесть дней добрались уже до реки Омбакики. Там они были задержаны сильной снежной метелью.

Была разбита временная стоянка. Во время работы Мукоки открыл первые волчьи следы. Тогда он решил, что они останутся здесь день-два, чтобы обследовать окрестности.

На второй день Род и Ваби, отделившись от Мукоки, решили до наступления ночи сделать большой обход и, воспользовавшись благоприятными условиями, еще до начала больших снегопадов обследовать более отдаленные места.

Старый индеец остался один на стоянке.

В течение шести дней, как мы уже сказали, маленький отряд шел безостановочно, и единственной его пищей было копченое сало и консервированная дичь. Мукоки, чудовищный аппетит которого мог сравниться разве только с тем искусством, которое он проявлял для его удовлетворения, решил, если удастся, пополнить съестные припасы за время отсутствия своих друзей.

Кроме ружья, он взвалил на плечи два капкана для волков и отправился на час, на два. Осторожно скользил он вдоль реки, зорко всматриваясь и чутко прислушиваясь в ожидании случайной дичи.

Вдруг он наткнулся на замерзшее и наполовину объеденное туловище оленя. Ясно было, что животное убито волками в этот самый день или накануне. Следы от лап, оставшиеся на снегу, убедили индейца, что в убийстве и в пиршестве приняли участие четыре волка.

Он ни минуты не сомневался, на основании своего долголетнего охотничьего опыта, что волки должны вернуться на следующую ночь, чтобы закончить свой кутеж. Воспользовавшись этим, он расставил капканы и покрыл их сверху тремя или четырьмя дюймами снега.

Продолжая свой путь, Мукоки напал на свежий след карибу. Уверенный в том, что животное не могло убежать очень далеко по мягкому снегу, он пошел по его следу с быстротой, на какую только был способен. Пройдя с полмили, он вдруг остановился, охваченный бесконечным изумлением. Другой охотник также преследовал зверя по его следам.

С удвоенной осторожностью Мукоки продолжал подвигаться вперед. На двести футов дальше вторая пара мокасин присоединилась к первой, а немного подальше и третья.

Руководимый скорее любопытством, чем надеждой найти свою долю добычи, индеец молча шел вперед между деревьями. Когда он выходил из густой заросли молодых сосен, его ожидал новый сюрприз. Он чуть не полетел, наткнувшись на тушу карибу, которого выслеживал.

Краткий осмотр убедил его, что животное было убито не больше чем два часа тому назад. Трое охотников выпотрошили его, унеся сердце и печень. Кроме того, они отрезали и забрали с собой всю заднюю часть, бросив остатки мяса и шкуру. Почему они удовлетворились такой незначительной частью добычи? Мукоки снова начал рассматривать отпечатки

мокасин. Он констатировал явную поспешность торопливых шагов. Неведомые охотники, забрав самые лакомые кусочки дичи, не хотели больше задерживаться и быстро удрали.

Это послужило новым поводом для изумления индейца. Ворча, вернулся он к мертвому карибу, быстро ободрал шкуру с его передней части, завернул в нее лучшие кусочки оставшегося мяса и, нагруженный своей добычей, вернулся на стоянку.

Род и Ваби еще не возвращались. Он развел на свободе большой костер, пристроил близ огня на вертеле кусок жаркого и стал ждать. Он ждал долго, и ночь давно уже спустилась, а мальчики все еще не показывались.

Беспокойство овладело Мукоки, и он начал опасаться, не случилось ли уже какое-нибудь непоправимое несчастье, когда услышал призыв Ваби. Он побежал и нашел его держащим на руках, как мы описывали выше, почти безжизненное тело Рода.

Раненый был тотчас же перенесен на стоянку. Как только он был уложен на свою постель в построенной из веток хижине, против веселого огня, который вливал в него жизнь, Ваби дал некоторые разъяснения старому индейцу.

– Я очень боюсь, – сказал он, – не сломана ли у него рука. Муки, есть у тебя теплая вода?

– Ранен выстрелом из ружья? – спросил Мукоки, не отвечая на поставленный ему вопрос.

И он опустился на колени рядом с Родом, протянув к нему свои длинные коричневые пальцы.

– Выстрел из ружья? – повторил он.

Ваби покачал головой.

– Нет, палочный удар. Мы встретили трех индейцев, которые расположились на привал. Они пригласили нас закусить вместе с ними. В то время, как мы ели, ничего не подозревая, они напали на нас сзади. Род получил этот удар и, кроме того, лишился своего ружья.

Мукоки уже раздел мальчика и осматривал его. Левая рука сильно распухла и почти совершенно потемнела. С той же стороны, несколько повыше пояса, виден был большой синяк. Старый проводник был случайным, но не лишенным ловкости хирургом, какие встречаются в Великой Белой Пустыне, где нет иных учителей, кроме наблюдения за природой и опыта. Он поставил свой диагноз, тиская и щипля мышцы, нажимая на кости так основательно, что Род стал в конце концов громко кричать. Но исследование оказалось благоприятным.

– Все кости целы, – с торжеством воскликнул наконец Мукоки. – Здесь, – и он показал на синяк, – самая большая рана. Почти сломанное ребро. Но не совсем. Этот удар мешать ему дышать и сделать его больным. Дать ему хороший ужин, горячий кофе, натереть медвежьим жиром. Тогда ему чувствовать себя лучше.

Род с полузакрытыми еще глазами слабо улыбнулся, Ваби облегченно вздохнул.

– Вот видите, Род, – сказал он, – дело не так уж плохо, как мы думали. Вы можете смело верить Муки. Если уж он утверждает, что рука не сломана, значит, она не сломана. Вот и все. Давайте-ка я подоткну под вас одеяло. А потом примемся за ужин. Это самое лучшее лекарство от всех ваших болезней. Я уже чувствую запах мяса. Да еще свежего мяса!

Мукоки вскочил на ноги с радостным кудахтаньем и поспешно вернулся к своему жаркому. Оно уже приняло чудесный золотистый оттенок, и сок, который оно пустило, раздражал ноздри своим аппетитным запахом.

Ваби, следуя указаниям старого индейца, занялся перевязкой ран своего друга. Не успел он справиться с этим делом, как все приготовления к пиру были закончены. Он принес Роду кусок жаркого весьма приличных размеров, а также лепешку из ржаной муки и чашку дымящегося кофе. Род весело расхохотался.

– Мне просто неловко, что вы за мной так ухаживаете, – сказал он. – Сколько хлопот я причиняю вам обоим, как будто я какой-то беспомощный ребенок. И подумать только, что я даже не могу сослаться в свое оправдание на сломанную руку. По правде сказать, я действительно голоден как волк. Вы не находите, Ваби, что я немножко струсил? И испугался так, как будто уже умираю! Я начинаю, в конце концов, жалеть, что у меня и в самом деле не сломана рука. Мукоки был занят в это время огромным куском жирного мяса, в который запустил свои зубы. Он перестал есть и, подняв свою лоснящуюся физиономию, сказал вполголоса:

– Да, надо ему много больной. Еще много больной, страшно больной. Ему больше больной, чем он думает…

– Правильно, – закричал Ваби. – Великолепная штука – болезнь. И общая веселость раскатилась по пустыне взрывами громкого хохота.

Но вдруг молодой человек стал серьезен. Он бросил подозрительный взгляд в темноту, за пределы освещенного костром круга.

– Вы предполагаете, – спросил Род, – что они способны преследовать нас и здесь?

Ваби вместо ответа приложил палец к губам, и все голоса невольно понизились.

Потом Ваби рассказал старому проводнику о событиях дня. Он снова повторил, как они с Родом, в глубине леса, на расстоянии нескольких миль от озера, приняли приглашение троих индейцев и как стали жертвой предательского нападения. Нападение было столь быстро и столь неожиданно, что один из индейцев имел полную возможность сразу же удрать с ружьем Рода, его патронташем и револьвером. В схватке, которая завязалась, Ваби был повержен наземь двумя остальными индейцами, и именно тогда-то, придя ему на помощь, Род получил два жестоких удара не то палкой, не то ружейным прикладом. Целью нападавших было завладеть ружьем Ваби, как они это сделали с ружьем Рода. Но мальчик вцепился в него крепко, и ничто не заставило бы его выпустить из рук свое оружие. Видя это, оба индейца после короткой борьбы быстро скрылись в зарослях, удовлетворившись своей первой добычей.

– Я думаю, – закончил Ваби, – что это люди племени Вунга. Но я спрашиваю себя, почему они с самого начала не убили нас, ведь это так легко было сделать. Казалось, что они это и имеют в виду. Может быть, они боялись мести наших…

Ваби умолк, и в глазах его отразилась внутренняя тревога.

Тогда наступила очередь Мукоки рассказать обо всем, что случилось с ним за день, и об оставленной неведомыми охотниками части убитого ими карибу.

– Любопытная история, – сказал Ваби. – Не думаю, чтобы это были те самые индейцы, которых встретили мы. Но ручаюсь головой, что они принадлежат к той же шайке. Надо полагать, что Вунга имеет в этих краях одно из своих обычных пристанищ. Мы попали в осиное гнездо. Самое лучшее, что мы теперь можем сделать, это как можно скорее выбраться из этой области.

– Мы послужили бы для них великолепной мишенью, – подтвердил Род.

В самом деле, устроившись вначале в конусе тени, отбрасываемой горой, они были теперь, когда луна поднялась выше, освещены яркими лучами ночного светила, тогда как другой берег реки, напротив, был погружен во мрак.

Тем временем послышался слабый звук, как будто кто-то задел снаружи ветки их хижины. За ним последовало странное фырканье, а потом глухой стон.

– Молчите и слушайте, – приказал Ваби приглушенным голосом.

И он раздвинул сосновые ветки, проделал небольшое отверстие и просунул через него голову.

– Олла, волк! – прошептал он чуть слышно. – Что там такое?

В нескольких шагах от хижины к одному из кустов было привязано худощавое животное, которое смутно напоминало собаку. Оно вытянулось вперед, мускулы ног были напряжены, уши настороже.

Присмотревшись к нему ближе, можно было заметить, что это была не собака, а взрослый волк, самый настоящий волк. Взятый в плен еще детенышем, он получил воспитание подлинной собаки, но дикий инстинкт никогда не покидал его. Если бы оборвалась привязь, которая его удерживала, если бы его ошейник соскользнул с шеи, волк одним прыжком очутился бы в лесу и присоединился к стае своих собратьев.

Но пока что волк был здесь. Он дергал за веревку и с полуоткрытой пастью прислушивался к чему-то, подняв кверху морду.

– Совершенно ясно, что-то происходит недалеко отсюда, – сказал Ваби, просовывая голову обратно в хижину. – Что ты об этом думаешь, Муки?

Протяжный и заунывный вой пленного волка прервал его слова.

Мукоки встал с быстротой кошки и, вскинув ружье на руку, выскользнул наружу, Родерик не испугался и продолжал лежать, а Ваби, взяв второе ружье, последовал за Мукоки.

– Оставайтесь здесь и лежите спокойно, – сказал он тихо. – Ваша постель в тени, и пуля не может попасть в вас. По всей вероятности, это просто какое-нибудь животное, напавшее случайно на нашу стоянку. Но все-таки осторожность требует, чтобы мы убедились в этом.

Десять минут спустя Ваби показался снова.

– Ложная тревога, – сказал он, весело смеясь. – Эта первая оленья туша, на которую вчера наткнулся Муки, привлекла, как он и предполагал, нескольких волков. Наш волк почуял своих сородичей и пришел в волнение. Капканы, расставленные Муки, без сомнения, снабдят нас первыми скальпами.

– А где Муки?

– Для большей безопасности он держит караул снаружи и останется там до полуночи. А потом я пойду сменить его. Надо остерегаться вунгов.

Род повернулся не без труда на своем ложе.

– А завтра? – спросил он.

– Завтра мы отправимся восвояси, дорогой дружище. Если только вы в состоянии будете передвигаться… Еще два-три дня мы будем подниматься по течению Омбакики и только тогда устроим более основательную стоянку. Завтра рано утром мы сможете отправиться в путь вместе с Муки, держась этого направления.

– А вы? – спросил Род опечаленным голосом.

– Я? О, я прежде всего вернусь обратно, чтобы подобрать скальпы тех волков, которых мы с вами убили. Они стоят по меньшей мере вашего месячного жалованья. А теперь повернемся-ка на другой бок. Покойной ночи, Род, и спите крепко. Вам придется завтра подняться спозаранку.

Оба мальчика, истощенные событиями этого длинного и драматического дня, не замедлили погрузиться в глубокий сон. И, когда наступила полночь, верный Мукоки не пошел будить Ваби, чтобы он сменил его на карауле. Часы проходили за часами, а он и не думал отлучаться со своего поста. Потом, при первых проблесках дня, он стал раздувать пламя костра, пока оно не ожило, и, собрав горячие уголья, занялся приготовлением завтрака.

Когда Ваби проснулся, он застал его на корточках за этим занятием.

– Я никогда не думал, – сказал он, и его доброе лицо залилось легкой краской смущения, – что ты сыграешь со мной такую штуку, Муки. Конечно, ты очень добр ко мне, но когда же ты перестанешь смотреть на меня как на маленького мальчика, мой старый друг?

Его рука ласково легла на плечо Мукоки, и старый охотник, повернув голову, взглянул на него счастливым взглядом. Довольное выражение появилось на его суровом, морщинистом от долгих лет, проведенных в Великой Белой Пустыне, лице, изъеденном непо-

годами и бурями, как дубленая кожа. Ведь он первый на своих плечах таскал маленького Ваби по рощам и лесам. Он первый научил его играм и заботился о нем, когда тот был еще совсем крошкой, и он же приобщил его к нравам и обычаям Пустыни. Когда Ваби отослали в школу, никто не страдал от этой разлуки так, как старый индеец, если не считать маленькой Миннетаки. Для обоих детей он был вторым отцом, одновременно и сторожем и товарищем, внимательным и молчаливым. Прикосновение руки Ваби было для него вполне достаточным вознаграждением за долгие часы бодрствования, и он выразил свою радость двумя или тремя глухими ворчливыми звуками.

– Вы иметь худой день, – сказал он. – Много устать. Мне быть здоров. Не спать для меня лучше спать.

Он поднялся на ноги и протянул Ваби длинную вилку, с помощью которой переворачивал мясо на угольях.

– Вы делать это, – прибавил он. – Я пойти посмотреть капканы.

Род также проснулся. Он слышал конец разговора и крикнул из хижины:

– Подожди меня минутку, Мукоки. Я пойду с тобой. Если ты поймал волка, я хочу посмотреть на него.

– Конечно же я поймать волка, – проворчал Мукоки.

Родерик не замедлил явиться, совершенно одетый и с лицом гораздо более свежим, чем когда он лежал. Он потянулся перед огнем, вытянул одну руку, потом другую, поморщился от боли и сообщил своим компаньонам, что чувствует себя лучше, чем когда бы то ни было, если не считать довольно сильной боли в левой руке. Короче говоря, он опять стал самим собой, как выразился Ваби.

Итак, они отправились вместе с Мукоки вдоль реки, подвигаясь очень медленно и с предосторожностями. Утро было серое и хмурое, и время от времени начинали летать большие хлопья снега, верный признак того, что к концу дня должна была разыграться новая снежная метель.

Капканы Мукоки были не очень далеко. Громкое ворчание, которое должно было означать удовольствие, вырвалось из груди индейца, и он ускорил шаги.

Род скоро догнал его. Черная масса лежала перед ним на снегу.

– Есть! – воскликнул индеец.

Увидев, что они подошли, черная масса ожила. Она стала биться, задыхаясь в судорогах агонии.

Мукоки осмотрел свою добычу.

– Волчица! – воскликнул он.

Взяв в руки топор, который он захватил с собой, Мукоки приблизился к животному, распростертому перед ним.

Род мог теперь видеть, что один из больших стальных зажимов захватил переднюю лапу зверя, а второй погрузил свои зубья в его заднюю лапу. Захваченный таким образом пленник не мог ничего сделать для своей защиты и лежал молчаливый и испуганный, в мрачном спокойствии обнажив блестящую полосу своих белых зубов. Глаза его лихорадочно сверкали от боли и от бессильной ярости, и, когда индеец занес руку, чтобы нанести удар, дрожь ужаса сотрясла все его тело.

Это было страшное зрелище, и Род почувствовал, как в нем поднимается волна жалости, но в ту же минуту он вспомнил об опасности, которой избежал накануне, и о своем стремительном бегстве от волчьей стаи.

Двумя или тремя быстрыми ударами Мукоки прикончил животное. Потом, с ловкостью, характерной для его расы, он вытащил нож и решительным взмахом надрезал кожу вокруг головы волчицы, пройдя как раз под ушами. Легкое встряхивание сверху вниз, потом снизу вверх, потом вправо, влево – и скальп отделился.

Это было сделано так искусно, что Род, сам не сознавая, что говорит, не мог удержаться от восклицания:

– Ты так же скальпируешь и людей, Муки?

Старый индеец поднял глаза, посмотрел на него пристально одно мгновенье и широко раздвинул свои челюсти. Раздался какой-то звук, который Роду уже приходилось слышать и который у Мукоки больше всего походил на смех, на тот смех, каким смеются обыкновенные люди. Действительно, обычно, когда Мукоки хотел смеяться, он издавал звук, которому не было названия, нечто вроде кудахтанья; ни Род, ни Ваби никак не могли научиться подражать ему, хотя очень старались в течение целого месяца. Но на этот раз веселость его была беспредельна.

– Никогда не скальпировать белых. Мой отец делать это, когда был молодой. Никогда не делать потом. Я никогда.

И смех его, снова перешедший в гортань, превратился в обычное кудахтанье, которое еще продолжалось, когда оба спутника подошли к стоянке.

Не больше десяти минут употребили они на сборы и на легкий завтрак. Начинался сильный снег. Отправившись немедленно в путь, они могли быть уверены, что следы их будут сейчас же заметены. А это было наилучшее, чего только можно желать, поскольку речь шла о возможном преследовании вунгами. С другой стороны, нечего было бояться, что Ваби не сумеет найти их, так как было решено, что они должны все время неуклонно следовать по течению замерзшей Омбакики. Ваби должен был нагнать их до наступления ночи.

Ваби тоже не терял времени. Вооружившись своими ружьями, револьвером и охотничьим ножом, с топором за поясом он дошел до окраины озера, до того места, где в лиственницах разыгрался неравный поединок между старым лосем и волками. Он увидел развязку его несколько дальше, на снегу, по которому рассеяны были остатки огромного скелета, а рядом с ними лежала пара колоссальных рогов.

Стоя на этом необычайном поле сражения, Ваби много дал бы, чтобы и Род мог увидеть его. Несколько костей – вот все, что осталось от старого героического лося. Но голова и поднимавшиеся на ней рога были нетронуты. Это были самые великолепные рога, какие молодому человеку когда-либо приходилось встречать в Великой Белой Пустыне. И ему пришло в голову сохранить этот роскошный трофей и отвезти его позднее в цивилизованную страну, где за него можно будет получить сто долларов, если не больше.

Взяв в руки топор, который он захватил с собой, Мукоки приблизился к животному, распростертому перед ним.

Легко было видеть, что бой был горячий. Рядом со скелетом лося лежало два волчьих трупа, наполовину объеденных другими волками. Обе головы были целы, и Ваби оскальпировал их. Потом он продолжал свой путь.

Там, где, как он помнил, он израсходовал свои последние два заряда, лежали еще два убитых волка. На опушке леса из лиственниц он нашел третьего. Без сомнения, этот последний волк был ранен в течение того же дня им или Родом и пришел умирать в это место, после чего, по всей вероятности, был прикончен своими собратьями. На расстоянии полумили, там, где стрельба развернулась вовсю, шестой и седьмой волчьи трупы дополняли коллекцию. Ваби взял все эти скальпы и вернулся к останкам старого лося.

Голова животного была во многих местах прокушена зубами. Но так как на ней было мало мяса, то она не возбуждала в волках особой кровожадности, и они скоро перестали набрасываться на нее. В тех местах, где шкура была повреждена, ее легко можно было зашить и заштопать. Индейцы фактории были искусными мастерами в такого рода работе.

Но как сохранить эту голову до возвращения, то есть в течение нескольких месяцев? Если подвесить ее к ветке дерева, то есть опасение, что она испортится при наступлении первых же теплых дней будущей весны. Была и другая опасность – ее мог украсть какой-нибудь охотник, случайно проходящий мимо.

Ваби знал, что индейцы имеют обыкновение сохранять замороженные головы лосей и оленей иногда в течение очень долгого времени в так называемых «ледяных ямах». Самое лучшее было последовать их примеру. Потому он не без труда поволок огромную голову с рогами в самую гущу лиственниц, куда редко проникали солнечные лучи, и, взяв топор, принялся за работу.

Полтора часа без передышки копал он промерзшую землю и вырыл наконец достаточно большую яму, чтобы поместить в ней свой драгоценный трофей. На дно он насыпал толстый слой снега, который утоптал ногами и прикладом ружья. Потом, положив на него огромную голову, наполнил яму землей, которую разбил на возможно более мелкие комья. Он закончил тем, что скрыл засыпанную яму под новым толстым слоем снега. Затем сделал топором нарезки на двух соседних деревьях и двинулся в обратный путь к своей стоянке.

«Эта земля, – рассуждал он сам с собой, не переставая идти, – не оттает раньше июня. Семь волчьих скальпов по пятнадцати долларов – это составит сто пять долларов. И сто долларов за голову – вместе будет двести пять. Другими словами, семьдесят долларов в среднем на брата. Хе, хе, дружище Род, весьма приличный заработок за двадцать четыре часа работы».

Экскурсия Ваби продолжалась три часа. Шел густой снег, когда он добрался до опустевшей стоянки и разыскал уже наполовину заметенные следы Родерика и Мукоки, а также маленьких санок, нагруженных их общим багажом, которые тащил старый индеец.

Склоняя голову под белыми, неслышно падающими хлопьями, мальчик решил как можно скорее нагнать своих спутников. Снег падал такой густой, что он видел перед собой не дальше чем на десять шагов. Противоположный берег реки совершенно исчез. Погода, какой только можно было желать, чтобы избегнуть преследования вунгов.

Два часа подряд он шел так без устали. Следы тех, кто двигался впереди него и чьи шаги были более медленны, становились все более и более свежими. Явное доказательство, что он нагонял их. Но, по правде сказать, ему не слишком легко было распознать, что это были следы человеческих ног. Ибо снег настолько изменял их, что всякий другой с одинаковым успехом мог принять их за следы лося или оленя.

После третьего часа ходьбы, полагая, что он сделал по меньшей мере десять миль, Ваби присел, чтобы немного отдохнуть и восстановить свои силы теми запасами, которые захватил с собою.

Выносливость Рода поражала его. Он считал, что еще три или четыре мили отделяли его от Мукоки и белого юноши, если только они, в свою очередь, не сделали привала, чтобы поесть. Такое предположение было вполне вероятно.

Бесконечный покой Пустыни окружал его. Ничто не нарушало молчания. Не слышно было даже щебета снежной птицы.

Довольно долго оставался он в полной неподвижности, как тот пень, на котором сидел, желая дать отдых своим ногам и прислушиваясь к окружающей тишине. Она охватывала его душу каким-то странным очарованием. Казалось, будто весь мир погрузился в небытие и даже дикие властители лесов не осмеливались выползти из своих берлог в этот час, когда небо щедрой рукой кидало нескончаемые белые хлопья, которые, без сомнения, набросили уже пушистый покров на все пространство вплоть до Гудзонова залива.

Глава VI
Таинственные выстрелы в тишине

Ваби сидел, чутко прислушиваясь к этому бездонному молчанию, как вдруг в воздухе что-то щелкнуло. С губ Ваби сорвался тревожный крик. Это был отчетливый, гулкий треск ружейного выстрела. За ним последовал другой, потом третий, четвертый.

Он насчитал пять. Они следовали один за другим без перерыва.

Что бы это могло значить? Он вскочил на ноги с сильно бьющимся сердцем. Этот треск напоминал выстрел из ружья Мукоки. А между тем старый индеец не должен был стрелять дичь. Это было вполне определенно между ними условлено.

Значит, кто-то напал на Рода и Мукоки? Но момент был неподходящим для бесплодных размышлений, и Ваби пустился бежать со всей быстротой, на какую был способен.

Он понимал, что не должен терять ни минуты, если его спутники находятся в опасности. Но, конечно, он придет слишком поздно. За пятью выстрелами последовало снова абсолютное молчание, и оно только увеличивало его тревогу. Если там произошла схватка, то теперь уже все кончено. И, пока он бежал, с глазами, ослепленными снегом, нажимая пальцем на курок ружья и готовясь к выстрелу, он не переставал прислушиваться, не донесутся ли до него новые звуки битвы, ружейные или револьверные выстрелы или торжествующая песнь победителей.

Он дошел до места, где долина до того суживалась, что замерзшая Омбакика, превратившись в небольшой поток, совершенно исчезала под высокими и густыми кедрами, сплетавшими над ней свои ветви.

Кедры, теснившиеся в узком скалистом проходе, придавали ему еще более мрачный, зловещий вид, заслоняя и без того сумрачное бледно-серое небо, в котором уже угасал короткий ноябрьский день.

Прежде чем углубиться в лесную чащу, Ваби инстинктивно остановился, чтобы прислушаться. Но он не услышал ничего, кроме ударов собственного сердца, которое, как молот, колотилось в его груди. Не страх удерживал его, ибо он не видел перед собой никакой опасности, но самая неопределенность этой опасности, неведомой, но возможной.

Бессознательно он сделал то, что на его месте сделало бы любое животное: бросился на землю и тесно прижался к ней, стараясь стать невидимым. Дуло его ружья было направлено в сторону таинственного темного ущелья. Быть может, к нему подкрадывалась опасность точно так же медленно, волчьим шагом? И он еще глубже вдавился в снег.

Минуты шли за минутами. Он по-прежнему ничего не слышал. Потом вдруг раздался тревожный щебет птицы. Он прозвучал как предостерегающий сигнал. Возможно, конечно, что птицу вспугнула какая-нибудь рыскающая за добычей лисица и заставила ее вылететь из убежища, либо ее напугал олень или лось. Но ведь нежные и тревожные звуки песни могли возвещать и другое, – а Ваби не сомневался, что так и было, – они могли возвещать и присутствие человека.

Между тем Ваби овладел собой, поднялся на ноги и вступил под кедры, по-прежнему держась течения замерзшего потока. Продвигаясь с тысячью предосторожностей, он беспрепятственно пробрался в их тени и, притаившись за стволом дерева, стал всматриваться в открытое пространство, которое расстилалось перед ним. Снег падал теперь не так густо, и его глаз различал предметы, находившиеся на довольно далеком расстоянии.

Волнение его дошло до предела. Чмоканье рыжей белки, раздавшееся неожиданно над самым его ухом, заставило его вздрогнуть. Потом ему показалось, что он слышит немного поодаль, в темноте, какой-то шорох, как будто кто-то зацепился нечаянно ружьем за ветку дерева.

Вдруг ему померещилось, что из темноты выплывают две едва различимые тени. Он протер рукавицей глаза, мокрые от снега, который таял у него на лице, и стал пристально, со страшным напряжением всматриваться вдаль.

Теперь уже не было никакого сомнения. Две тени, заставившие только что вспорхнуть птицу, молча приближались.

Их силуэты скоро стали вырисовываться более четко. Он уже видел, что это были двое мужчин. Они подвигались с крайней осторожностью, метр за метром, почти что крадучись

по земле, как он сам за минуту перед тем, и, казалось, также готовились к встрече с врагом. Ваби приложил ружье к плечу. Он был невидим, и положение складывалось в его пользу. Он держал обе тени на прицеле. Жизнь или смерть зависела от нажима его пальца на курок ружья.

Его обезумевшее воображение рисовало Рода и Мукоки, сраженных в схватке и убитых двумя вунгами (потому что он не сомневался уже в тождественности с ними этих двух теней), которые возвращались теперь обратно по следам, чтобы убить и его. Да, да, это так… И его палец начинал незаметно нажимать курок.

Он готов был уже выстрелить, когда две тени, находившиеся от него теперь не больше чем в двадцати ярдах, остановились и, приблизившись одна к другой, стали, по-видимому, совещаться. Ваби опустил свое ружье и напряг слух, стараясь уловить, что они говорили.

Тени разговаривали приглушенными голосами. Но тишина была так велика, что их бормотание долетело до него. На момент один из собеседников слегка повысил голос, и он услышал:

– All right!

Ну конечно же не Вунга стал бы так выражаться. И интонация была слишком чиста.

Тогда, в свою очередь, он позвал едва слышно:

– Род, это вы? Эй, Муки… Род… Муки!

Через секунду трое друзей были уже вместе, молча сжимая друг другу руки, так что кости трещали. Смертельная бледность Рода, сверхъестественное напряжение в бронзовых чертах Ваби и Мукоки свидетельствовали достаточно о той тревоге друг за друга, которую они только что пережили.

– Это вы стрелять? – прошептал Мукоки.

– Нет, я не стрелял, – ответил Ваби, и глаза его расширились от удивления. – А вы?

– Нет.

Одно слово сорвалось с уст старого индейца. Но оно заключало в себе целый сонм вопросов и новых тревог. Пять ружейных выстрелов. Кто же в таком случае стрелял?

Род и Мукоки предполагали, что это Ваби, как он сам думал, что это они, и они вернулись обратно, чтобы оказать ему помощь, если бы он в ней нуждался.

– Я думать, – сказал Мукоки, – враги засесть здесь.

И он показал пальцем на кедровый лес. Ваби ограничился тем, что отрицательно покачал головой.

Не зная, что предположить, они продолжали все трое стоять на том же месте. Одинокий вой волка донесся до них на расстоянии около полумили.

– Зверь, должно быть, напал на человеческий след, – сказал Ваби. – Не думаю, чтобы это был мой, судя по направлению звука.

Ни один звук не нарушал больше спокойствия надвигающейся ночи. Мукоки двинулся в путь, и оба мальчика последовали за ним.

Они прошли так около четверти мили. Долина все больше и больше суживалась, и русло замерзшего потока терялось среди огромных массивов скал, которые, теснясь и налезая друг на друга, образовывали дикие нагромождения крутых утесов. Несколько дальше оно совершенно исчезало между этими циклопическими скалами, и поток уходил под землю. Не было никакой возможности пройти дальше.

Покинув долину, путники стали карабкаться вверх среди наносных каменных глыб. Скоро они добрались до гребня, где под навесом большой скалы, которая служила прекрасной защитой от снега и от ветра, дувшего с противоположной стороны, еще тлели остатки костра.

Это было то место, где Род и Мукоки сделали привал и откуда они вернулись обратно к Ваби, услыхав треск пяти таинственных ружейных выстрелов.

Место было на редкость удобное, и трудно было найти что-нибудь более подходящее для стоянки после целого дня утомительной ходьбы по мягкому снегу. Мукоки уже разложил костер из благоухающих сосновых веток и пристроил на вертеле возле огня большой кусок консервированной дичи, но в тревожной спешке ухода старый индеец так и оставил его лежать у огня.

Оба мальчика, казалось, были в восторге и обменивались счастливыми взглядами, несмотря на внутреннюю тревогу, которая их угнетала. Они готовились устроиться на ночь в этом уютном убежище и начали уже раздувать огонь. Но, случайно подняв глаза на Мукоки, остановились, удивленные его поведением.

Старый проводник стоял совершенно неподвижно, опираясь на свое ружье, и вся его фигура выражала явное, хотя и безмолвное, неодобрение работы, которой они занялись.

Ваби, одним коленом опираясь на землю, посмотрел на него вопрошающим взглядом.

– Не делать огонь, – пробормотал старый индеец, качая головой. – Идти дальше, вверх по горе. – И он протянул по направлению к северу свою длинную руку. – Река, – сказал он, – обходить горы через скалы, потом образовать водопады и после больших болот хорошее место для лосей. Потом снова стать широкая и ровная. Мы пройти по верху горы, снег падать всю ночь. Утро наступить и никакого следа для вунгов. Если остаться здесь, сделать хороший след утром. Вунги гнаться, как дьяволы. Очень легко видеть.

Ваби выпрямился, и горькое разочарование отразилось на его лице. С самого раннего утра он безостановочно шел, а несколько раз ему даже приходилось бежать. Он чувствовал усталость, совершенно достаточную для того, чтобы, во имя возможности поужинать и выспаться, подвергнуть себя без колебаний небольшой опасности.

Положение Рода было еще хуже, хотя он прошел меньший путь. В течение нескольких минут огорченные мальчики молча смотрели друг на друга, всеми силами старались скрыть свою досаду, вызванную требованием Мукоки. Но Ваби был слишком рассудителен, чтобы решительно воспротивиться желанию старого индейца. Если тот утверждал, что было опасно провести ночь на этом привале, – ну что ж! – приходилось верить ему, и сказать «нет» было бы безумием.

Тогда, скрывая под улыбкой свое огорчение и стараясь изо всех сил подбодрить Рода, который в этом очень нуждался, Ваби стал снова прилаживать на плечи свой мешок, уже сброшенный на землю. Мукоки в свою очередь подбадривал бедного мальчика:

– Взобраться на гору. Не очень далеко идти. Две или три мили. Идти медленно. Тогда привал и хороший ужин.

Кое-какой разгруженный уже багаж был запакован и привязан к санкам, путники двинулись в дорогу, оставляя новый след вдоль причудливого и дикого гребня горы.

Ваби шел впереди, неся свой мешок на спине, чтобы несколько облегчить сани, и выбирал самые удобные места, где они могли бы проехать. Лезвием своего топора он обрубал кусты и ветки, преграждавшие путь. Шагов на десять сзади шел Мукоки, таща сани, к которым крепкой веревкой привязан был Волк. Родерик, нагруженный легким тюком, заключал шествие.

Он дошел до предела усталости и совершенно утратил бодрость духа. С большим трудом различал он смутно вырисовывавшийся иногда в темноте силуэт Ваби. Мукоки, перегнувшийся пополам под тяжестью своей упряжки, был совсем неуловим. Один только Волк был от него настолько близко, что мог составить ему компанию.

Первоначальное восхищение Рода дикой красотой окружающей природы, прелестью вольной жизни было настолько велико, что не могло быстро исчезнуть. Однако сейчас, в эту печальную ночь, мысль Рода невольно переносилась в Вабинош-Хоуз, где он хотел бы теперь сидеть рядом с Миннетаки, которая рассказывала бы ему какую-нибудь прелестную легенду о звере или птице, встреченной ими днем. Насколько этот разговор был бы прият-

нее, чем теперешнее положение! Но его грезы, в которых царил призрак маленькой очаровательницы, были прерваны самым неожиданным и притом весьма неприятным образом.

Мукоки остановился на минутку, чтобы передохнуть, Родерик же не обратил на это внимания и продолжал шагать вперед, притом так усердно, что в конце концов наткнулся на сани и растянулся на них во всю длину. Пытаясь подняться, он ухватился за упряжку индейца, который от неожиданного толчка потерял равновесие, в свою очередь перевернулся и повалился на него.

Услышав шум, Ваби пошел посмотреть, что случилось, и застал их обоих в весьма комичном положении. Это происшествие оказалось очень кстати, потому что мальчик хохотал от души, помогая Мукоки выпутаться из упряжки. Потом поднялся Род и, отряхиваясь от снега, залепившего ему глаза, уши и даже шею, присоединился к смеху Ваби, и его мрачные мысли бесследно рассеялись.

Гребень становился все более и более узким; беспрерывно подвигаясь вперед, охотники слышали, как по левую руку от них, внизу, бурно ревел поток, быстрое течение которого еще не было сковано льдом. Там находилась пропасть, которую они чувствовали, не видя. Наносные камни и целые глыбы скал, разбросанные или нагроможденные друг на друга доисторическими катаклизмами, заграждали теперь их путь, и они могли подвигаться вперед только с большой осторожностью, следя за каждым своим шагом.

По мере того как они шли, рев потока становился все громче, и наконец перед глазами Рода с правой стороны выросла огромная неясная тень, высоко поднимавшаяся к небу. Наступил момент, когда Мукоки и Ваби поменялись местами.

– Муки уже проходил здесь, – крикнул Ваби в ухо Роду. – Я предоставляю ему вести нас потому, что переход небезопасен. Под нами поток устремляется в пропасть с головокружительной высоты. Слушайте!

Шум воды стал действительно так силен, что он почти заглушал голос Ваби. Волнение Рода дошло до апогея, и он забывал из-за него о своей усталости. Никогда в своих мечтах о самых безумных приключениях он не предвидел такого часа. Он широко открывал глаза и уши и старался уловить взором пейзаж, которого не видел, но слышал и чувствовал вокруг себя.

Вдруг, в минутном проблеске снежного затишья, он увидел, как огромная тень, поднимавшаяся в темноте справа от него, приняла четкие очертания, и уяснил себе впервые положение свое и своих товарищей. Эта тень оказалась гигантской горой, но они шли вовсе не по ее кряжу, а по скалистой горной цепи, которая тянулась по склону. Слева открытая пропасть отвесно низвергалась в бурлящий мрак. Наткнувшись случайно ногой на кусок дерева, Род поднял его и бросил в пустоту. Потом он прислушивался в течение одной или двух минут, но не услышал ничего, кроме того же оглушительного грохота, который не прекращался ни на секунду. Дрожь пробежала у него по спине. Да, это были ощущения, которых он никогда прежде не испытывал, да и не мог испытать на улицах большого города.

Скалистая горная цепь продолжала подниматься все круче и круче. Ноги наливались свинцовой тяжестью. Из-за окутавшего все мрака в двух шагах ничего не было видно. Особенно трудно приходилось Ваби, который тащил сани. Несмотря на свою рану и утомление, Род стал помогать ему, подталкивая их сзади.

Восхождение продолжалось в течение получаса, и шум водопада стал постепенно затихать, а потом и совсем заглох. В то же время казалось, что стена тени опустилась. Наконец она вовсе исчезла.

– Стоп! – закричал Мукоки.

Караван дошел до вершины горы, которая была хоть и достаточно внушительной высоты, но далеко не столь огромна, как сперва показалось Роду.

Ваби со вздохом облегчения сбросил свою упряжь, Родерик испустил радостный возглас. Что касается Мукоки, то он со своей обычной неутомимостью тотчас же отправился на поиски места, удобного для стоянки.

На этот раз снова громадная скала приняла их под свою сень. Род и Ваби помогли индейцу срезать сосновые ветки для устройства хижины и постелей, после того как с земли был тщательно сметен снег. Часом позже все было кончено и уже потрескивало веселое пламя костра. Мертвые тополя, валявшиеся на земле, – наилучшее топливо, какого только можно было желать, – в изобилии снабдили их дровами. Только тогда товарищи заметили, что они голодны, и Мукоки было поручено позаботиться об ужине. Кофе и консервы скоро были готовы.

Стена скалы выполняла роль рефлектора, отражая с удесятеренной силой благодетельную теплоту огня и его раскаленный свет. В этом жарком блеске Род, окончив еду, почувствовал, что его непреодолимо клонит ко сну. Не в силах больше бороться, он дотащился, уже почти спящий, до хижины и закутался в одеяло на своей пахучей сосновой постели. Через несколько минут никто уже не существовал для него.

Последним образом, который сознательно восприняли его глаза, был Мукоки, громоздящий на костре одно полено за другим, и пламя, которое взвилось почти на четыре метра в высоту и осветило во мраке сказочный пейзаж горного хаоса.

Глава VII
Танец оленей

Только когда Родерик лег спать и его нервное напряжение ослабело, сказались последствия чрезмерных усилий, проявленных им, несмотря на свою рану, в течение истекшего дня.

Тревожные, мучительные кошмары прерывали его лихорадочный сон. В то время как Ваби и старый индеец, лучше его вооруженные против усталости и волнующих впечатлений Пустыни, мирно отдыхали, вкушая сладкий сон, наш горожанин неоднократно просыпался, как от толчка, с глухим стоном или резким криком, думая, что спасается от какой-то страшной опасности. И, только проведя рукой по глазам и наполовину приподнявшись на локте, он отдавал себе отчет, что все пережитые им страхи были простым кошмаром.

Во время одного из этих пробуждений, когда он в десятый раз приподнялся на своем ложе, ему показалось, что он слышит шаги. Он расправил свои члены, протер глаза, посмотрел на темные и неподвижные фигуры спящих товарищей и, убежденный, что это опять был сон, снова опустился на сосновые ветки.

Ему показалось, что снова послышался едва уловимый шум, и, подскочив как на пружине, он в один миг выпрямился на своем ложе. Больше не могло быть сомнений. Он дал бы голову на отсечение, что ясно слышал совсем близко от хижины скрип снега под чьими-то осторожными, мягкими шагами. Он затаил дыхание и стал напряженно слушать. Ни один звук не нарушал тишины, только головешки слегка потрескивали в костре. Конечно, ему опять приснилось, и он натянул на себя одеяло, как вдруг…

Сердце его перестало биться. Кто там был?

Теперь уже совершенно проснувшись, с широко раскрытыми глазами, чувствуя, как все его мускулы напрягаются в ожидании возможной борьбы, он медленно и осторожно поднялся на ноги. Шаги и скрип снега стали теперь совершенно отчетливы. Кто-то ходил позади хижины. Удалялся. Потом останавливался. Колеблющееся пламя полуугасшего костра продолжало отбрасывать красноватые блики на высокую стену скалы.

При этом неверном свете Род увидел что-то движущееся. Неясная фигура ползком подбиралась к уснувшей хижине.

Сделав это открытие, мальчик в первый момент замер на месте, как прикованный. Но тотчас же у него мелькнула мысль, что вунги выследили их и теперь собираются сделать неожиданное нападение на спящих. Почти одновременно рука его наткнулась на дуло ружья Ваби. Холод стали заставил его вздрогнуть.

Уже поздно было будить товарищей. В тот самый момент, когда он тащил к себе ружье, фигура выросла близ скалы и пригнулась, чтобы сделать прыжок. Прерывистое дыхание Рода, треск выстрела, прозвучавший как раскат грома, крик боли – и вся хижина была на ногах.

– Нападение! – кричал Род. – Скорей! Ваби! Мукоки!

Белый юноша стоял на одном колене с дымящимся ружьем у щеки, направленным на скалу. Там, в темноте, несколько поодаль от огня, судорожно корчилось в предсмертных муках какое-то тело.

Худощавая фигура старого индейца с ружьем у плеча опустилась на колени рядом с Родом, а над их головами Ваби, вытянув руку, направлял свой огромный револьвер, дуло которого блестело при свете костра.

После минуты напряженного ожидания Ваби прошептал:

– Они ушли.

Род ответил дрожащим от волнения голосом:

– Одного я уложил.

Мукоки, раздвинув ветви, из которых была построена хижина, рискнул выйти наружу, все время оставаясь начеку. Мальчики увидели, как он обошел скалу, прячась в ее тени, и приблизился к жертве Рода. Подойдя к телу, теперь уже неподвижному, он наклонился над ним, потом выпрямился и с ворчанием швырнул останки их врага в пространство, освещенное костром.

– Вунги! А! А! Род убить красивую жирную рысь, – крикнул он.

Род отшатнулся, немного сконфуженный, и вернулся в хижину, тогда как Ваби, испустив веселый крик, раскатившийся в темноте, присоединился к Мукоки.

– Вунги! А! А! – кудахтал старый индеец. – Рысь красивая и жирная, пуля попасть прямо в морду.

Род вышел из своего убежища и присоединился к товарищам, сделав при этом мину, которая напомнила Ваби блеющего барашка.

– Да, хорошо вам теперь смеяться надо мной, – протестовал он. – А что было бы, если бы это и в самом деле оказались вунги? Пожалуйста! Если когда-нибудь на нас опять нападут, я не двинусь с места. Предоставлю вам прогонять их.

Хотя друзья и подшучивали над ним, но Род в глубине души страшно гордился своей рысью. Это было крупное животное, вероятно голодное и привлеченное остатками еды. Оно осторожно изучало местность, в то время как мальчик сделал выстрел. Что же касается Волка, то он благоразумно молчал, видя, что речь идет не о человеке, а всего лишь о рыси, которая к тому же является его прирожденным врагом.

Мукоки поспешил выпотрошить животное, пока оно было еще теплым.

– Вы идти спать, – заявил он обоим юношам. – Я разжечь огонь, потом тоже спать.

Это трагикомическое происшествие освободило Рода от его кошмаров, и он заснул теперь более спокойно.

На другое утро он проснулся поздно. Снег за ночь перестал, и солнце сияло на небе. Ваби и старый индеец возились уже снаружи, занятые приготовлением завтрака, и веселое насвистывание товарища напомнило Роду, что опасность нападения вунгов миновала. Не теряя времени, он живо поднялся с постели.

Вокруг стоянки, которая была на самой вершине горы, открывалась широкая и чудесная панорама. Деревья, скалы, сама гора – все было покрыто толстым слоем снега, ослепительно-белого и сверкающего под солнечными лучами.

Тайга предстала перед ним во всем своем величии. Насколько далеко мог видеть глаз, безбрежная белая ширь развертывалась миля за милей к северу вплоть до Гудзонова залива. В блаженном упоении Род охватывал взглядом тянувшуюся под ним черную линию лесов, потом долины и холмы, которые без конца чередовались друг с другом, местами прорезанные сверкающими среди рамок из темных сосен озерами и широкой лентой замерзшей реки. То не была мрачная и зловещая пустыня, рисовавшаяся его воображению на основании прочтенных книг. Нет, то была чудесная и разнообразная картина среди пейзажа незапятнанной чистоты. Он блуждал взглядом по этим необозримым просторам, и сердце его трепетало от наслаждения, а кровь приливала к щекам.

Мукоки подошел к нему и, видя его погруженным в созерцание, сказал своим гортанным голосом:

– Много есть оленей там, внизу! Много есть оленей! Людей больше нет! Домов больше нет! На двадцать тысяч миль!

Родерик перевел свои глаза на старого индейца, который, по-видимому, был также взволнован. Казалось, он старался пронизать своим горячим взором эту бесконечность, заглянуть далеко, еще дальше, до самых крайних пределов обширного Гудзонова залива.

Ваби приблизился к ним и положил руку на плечо Рода.

– Муки, – сказал он, – родился там, далеко, за пределами нашего зрения. Там, когда он был еще совсем мальчиком, он получил свою охотничью выучку.

Потом он обратил внимание друга на необычайную прозрачность атмосферы и связанное с ней кажущееся уменьшение расстояний между предметами.

– Видите эту гору, похожую на большое облако, до которой, кажется, рукой подать? Она в тридцати милях отсюда. А это озеро, с той стороны, которое вам кажется, конечно, не дальше ружейного выстрела? Пять миль отделяют нас от него. А между тем, если бы лось, олень или волк переходили его, мы бы увидели их совершенно отчетливо.

Еще несколько минут охотники простояли так в молчаливом созерцании. Потом Ваби и старый индеец вернулись к огню и занялись приготовлением завтрака, предоставив Роду восторгаться.

«Какие тайны, еще не разгаданные, – думал он, – какие трагедии, еще не написанные, какие романы, еще не задуманные, какие сокровища долларов и золота еще скрывает в себе этот огромный Север. Тысячу, миллион веков, быть может, он оставался нетронутым, в диких объятиях природы. Очень немногие из белых людей проникали в его уединение, а туземные племена, которые местами проходили здесь, вели такое же существование, как и доисторический человек».

Почти с сожалением услышал Род, что его зовут завтракать. Но он не мог пожаловаться на свой аппетит, и романтические мечтания нисколько не помешали ему воздать должное трапезе.

Он спросил, скоро ли они двинутся в путь. Но Ваби и Мукоки уже решили не выслеживать сегодня зверей и остаться на стоянке до завтрашнего утра по нескольким соображениям.

– Так как выпал снег, – объяснил ему Ваби, – то мм сможем ходить теперь только на лыжах. Вам очень пригодится сегодняшний день, чтобы научиться пользоваться ими. Кроме того, снег занес все звериные тропы, какие только были. А лоси, олени и, в особенности, волки и пушные звери выходят из своих убежищ не раньше, чем после полудня или даже вечером. Выслеживание в этот час не дало бы никаких результатов. Завтра же, напротив, мы легко сумеем различить все следы, которые нам встретятся, и распознать, какого рода

дичь они нам сулят. Если местность покажется нам удобной для той цели, которую мы преследуем, то мы здесь осядем и устроим нашу зимнюю стоянку.

– А вунги? – спросил Род. – Вы полагаете, что мы достаточно далеко ушли от них?

В ответ раздалось ворчанье Мукоки:

– Вунга не подниматься на гору. Там позади много хороших мест, много дичи. Оставаться там.

Сотню других вопросов задал еще Род, пока они завтракали, а под ногами их расстилалось безграничное белое пространство, которое должно было их поглотить. Каждый ответ еще больше разжигал восторг юноши. Как только завтрак кончился, он выразил желание немедленно же приступить к обучению лыжному спорту.

В течение часа Ваби и Мукоки водили его на лыжах туда и обратно вдоль гребня горы, останавливаясь на мельчайших деталях, хлопая в ладоши, когда ему удавался исключительно хороший прыжок, и весело потешаясь над ним, когда он кувыркался в снег. В полдень Род, весьма довольный собой, находил, что все идет как нельзя лучше.

День протекал великолепно. Однако от Родерика не ускользнуло, что Ваби моментами находится под гнетом какой-то непонятной ему тревоги. Пару раз он застал его одного сидящим внутри хижины в какой-то молчаливой задумчивости. В конце концов он забеспокоился.

– Могу я узнать причину вашего настроения? – спросил он. – Чем вы недовольны?

Ваби выпрямился и слегка усмехнулся.

– Случалось ли вам когда-нибудь, Род, видеть сон, который переживает ночь и продолжает тяготить вас после пробуждения? Мне приснился такой сон, и он держится упорнее, чем все ваши ночные кошмары, ибо с тех пор я не могу заставить себя не беспокоиться о дорогих мне людях, которых мы оставили дома. И больше всего о Миннетаки. Ничего, кроме этого. Вы скажете, что это значит мучить себя понапрасну? Я с вами согласен. Послушайте! Это не Мукоки свистит?

Действительно, старый индеец бегом приближался к ним.

– Идти смотреть красивую вещь! – кричал он. – Скоро. Идти смотреть скоро!

Он казался очень возбужденным и поспешно повел мальчиков на самый крутой выступ горы.

– Карибу! – сказал он. – Карибу сейчас играть! – И его палец выпрямился по направлению к снежному склону, сбегавшему вниз под их ногами.

На расстоянии около мили от них, а Роду казалось гораздо ближе, на маленькой площадке, расположенной на половине горы и летом представлявшей собой луг, они увидели около полудюжины крупных млекопитающих, которые держали себя весьма странным образом.

Это были карибу, канадские северные олени, чудесные животные Северной Земли, столь же часто встречающиеся за 60° широты, как и обыкновенные олени, и о которых Роду приходилось читать в книгах столько изумительных рассказов. Но он впервые видел их в действительной жизни, и притом в их привычной обстановке.

И как раз в этот момент животные приступили к своей любимой, весьма любопытной игре, известной в землях Гудзонова залива под названием «танца северных оленей».

– Черт возьми, что это они там делают? – спросил Род с изумлением. – Что с ними стряслось?

– Они бешено веселятся, – прокудахтал Мукоки.

И он потащил Рода немного вперед, за скалу, которая их скрывала.

Ваби смочил во рту палец и поднял его в воздух над головой. Это обычный способ для определения точного направления ветра. Та сторона пальца, которая противоположна ветру, остается влажной, а другая моментально высыхает.

– Ветер для нас благоприятен, Муки, – сообщил он, – и они не могут нас почуять. Удобный случай для выстрела. Иди стреляй, а мы с Родом останемся здесь и будем смотреть на вас.

В то время как Мукоки ползком пробирался к хижине, чтобы взять свое ружье, Родерик продолжал любоваться интересным зрелищем, происходившим внизу.

Еще два оленя присоединились к прежним на маленькой площадке. Солнце освещало их большие ветвистые рога, когда они трясли головами, выкидывая свои забавные антраша. Трое или четверо из них отделились от остального стада и начали удирать прочь с быстротой вихря, как будто за ними гнался по пятам смертельный враг. Пробежав две или три сотни метров, они внезапно останавливались и, выстроившись полукругом, делали полный оборот, как будто непреодолимое препятствие пресекло их бег. Потом они рассыпались и с такой же неистовой быстротой присоединялись к своим товарищам.

Еще одна игра привлекла внимание Рода, такая своеобразная и удивительная, что он был совершенно озадачен, и в то же время такая забавная, что Ваби, стоявший сзади него, все время давился от сдержанного смеха. Одно из этих быстроногих созданий, отделившись от стада, начинало прыгать и брыкаться, взметая все вокруг себя, и, сделав последний скачок, опускалось прямо на ноги и застывало неподвижно, совсем как балетная танцовщица, закончившая свою фигуру. После чего оно симулировало новое бегство, и все стадо бежало по его пятам.

– Это самые продувные бестии Севера, – сказал Ваби, – притом самые проворные и самые забавные. Если ветер для них благоприятен, то они, находясь внизу, чувствуют вас на самой вершине горы и способны услышать ваш голос и ваши шаги на расстоянии мили… Но взгляните сюда!

Он дотронулся до плеча Рода и указал на Мукоки, который был уже довольно далеко и, крадучись, пробирался к оленям между скал и кустарников. Каждая минута приближала его к дичи, и Родерик трепетал, восхищенный чудесным ансамблем всей картины. Безмолвные и веселые забавы детей Пустыни, осторожное приближение старого индейца, каждое дерево и каждая скала пейзажа играли свою роль в маленькой драме, ни одна фаза которой не ускользнула от его внимания.

Прошло пять, десять, пятнадцать минут. Мальчики увидели, что Мукоки остановился и поднял палец в воздух, чтобы определить направление ветра.

Потом он распластался на снегу и медленно пополз, опираясь на руки и на колени.

– Милый, старый Муки! – пробормотал Ваби, тогда как Род, охваченный нетерпением, судорожно сжимая руки, спрашивал себя, когда же наконец Мукоки решится стрелять. Потому что теперь, казалось, он был от стада уже не дальше чем на расстоянии брошенного камня.

– На каком он расстоянии? – спросил Род.

– Трехсот или четырехсот ярдов, – сказал Ваби. – Это слишком далеко, чтобы стрелять.

Мукоки в конце концов превратился в маленькую черную точку на белом снегу.

В этот момент веселые животные почуяли грозящую им опасность. Они вдруг прекратили свои забавы и в течение нескольких минут оставались на месте, как парализованные. Треск ружейного выстрела донесся до ушей мальчиков.

– Осечка! – крикнул Ваби.

Восемь оленей уже бежали, низко пригибаясь к земле.

Последовал второй выстрел, за ним сейчас же третий, четвертый. Один из беглецов упал на колени, потом поднялся и снова побежал. Еще один выстрел, последний заряд Мукоки, и раненое животное опять упало, еще раз пыталось встать на ноги, потом грохнулось на землю.

– Ловкий выстрел! – воскликнул Ваби. – Сегодня за обедом поедим свежего мяса.

Мукоки, разрядив ружье, пошел по лужайке, теперь уже опустевшей и покрасневшей от крови, где всего несколько минут тому назад веселились олени.

Вытащив нож, он опустился на колени близ шеи упавшего животного.

– Я сойду вниз, чтобы немного помочь ему, – сказал Ваби, – а вы, Род, оставайтесь здесь. У вас ноги еще слишком слабы, и вам трудно будет подниматься обратно. Подкиньте лучше веток в костер. Мы с Мукоки принесем мяса.

Родерик, оставшись один, занялся собиранием дров на ночь и упражнялся в хождении на лыжах. Он сам удивлялся своим успехам, недоумевая, как это он наловчился ходить с такой непринужденностью в этой непривычной и стеснительной обуви.

Глава VIII
Мукоки тревожит покой старых скелетов

Уже начинало темнеть, когда Ваби и Мукоки вернулись, нагруженные оленьим мясом. Они занялись приготовлением к обеду в спешном порядке, так как на следующий день и вообще в ближайшие дни предполагалось выступать в поход до зари и делать привал лишь с наступлением ночи. Поэтому было очень важно хорошо выспаться.

Все трое товарищей одинаково горели нетерпением поскорее начать свои охотничьи подвиги. Даже Волк, потягиваясь худощавым туловищем, вбирал в себя воздух широко открытой пастью, как будто бы он заранее устал от тех драматических событий, в которых ему суждено было сыграть свою роль.

– Если у вас хватит силы, – сказал Ваби Роду, поглядывая на него из-за своего куска оленины, – так мы с завтрашнего дня будем проходить по двадцати пяти, тридцати миль, в случае необходимости конечно. Ведь возможно, что уже завтра днем мы натолкнемся на хорошее место для охоты, но не менее возможно и то, что мы проищем его двое-трое суток. Так или иначе, больше мы не станем терять времени понапрасну. Ура! Близится час крупной игры.

Роду казалось, чти он только что заснул, когда он почувствовал, что кто-то трясет его за плечо. Открыв глаза, он увидел перед собой улыбающееся лицо Ваби, освещенное отблесками яркого пламени.

– Ну, Род! Пора! – сказал ему товарищ. – Утренний завтрак согрет, весь багаж уже уложен на сани. А вы все еще предаетесь своим грезам. О чем или о ком?

– О Миннетаки, – ответил Род с откровенностью, в которой не было ничего искусственного.

Он встал, привел в порядок свое платье и пригладил растрепанные волосы. Ночь была еще совсем черная, и, взглянув на часы, он убедился, что было всего четыре часа утра. Мукоки уже сервировал завтрак на плоском камне вблизи огня.

Завтрак был быстро окончен, и маленький караван тотчас же двинулся в путь. Род был в отчаянии от потери своего ружья. Охотничий рай разверзал перед ним свои врата, а он был безоружен. Так как он жаловался на свою несчастную участь, то Ваби предложил ему попеременно пользоваться его собственным ружьем. Большой револьвер также будет переходить из рук в руки, и каждый из них, в случае надобности, использует его наилучшим образом. Родерик был счастлив таким разрешением вопроса, и Ваби настоял, чтобы именно он в первую очередь получил в свое распоряжение столь желанное оружие.

Когда они перебрались через камни, усеивавшие вершину горы, и вышли на ровный склон, мальчики впряглись вместе в сани, тогда как Мукоки шел впереди и прокладывал тропу.

Родерик впервые видел процесс проложения тропы и любовался при бледном свете зарождающейся зари искусством старого индейца. Мукоки, который слыл самым искусным

«прокладывателем троп», делал на своих лыжах огромные шаги, и при каждом шаге из-под его ног взлетал в воздух настоящий снежный фейерверк. На земле, освобожденной таким образом от мягкого снега, образовывалась широкая тропинка с твердой поверхностью, по которой Роду и Ваби было очень легко за ним следовать.

Когда они были у подножия горы и прошли около полумили по ложбине, Мукоки остановился. Указывая пальцем на любопытный отпечаток на снегу, индеец сказал:

– Лось!

Род наклонился, чтобы посмотреть.

– След не старый, – сказал Ваби. – Он еще не замерз, и снег едва успел прийти в равновесие. Маленькие комочки еще скользят друг по другу, посмотрите, Род! Это большой самец, здоровый малый, и не больше часа, как он прошел здесь.

По мере того как охотники подвигались вперед, следы животных становились все чаще и чаще, разоблачая их беготню взад и вперед и дикое ночное возбуждение. Прежде всего они наткнулись на след лисы, который пересекли несколько раз. Они установили, что эта маленькая ночная злодейка в конце концов загрызла крупного зайца. Снег был покрыт кровью и шерстью, и часть маленького тела еще не была съедена.

Ваби остановился в раздумье и стал пристально разглядывать лисий след.

– Самое главное было бы знать, какая это лисица, – произнес он. – Но это нам неизвестно. Это лисица, и все тут! Все следы этих животных сходны между собой, независимо от их породы. А между тем с денежной точки зрения вопрос имеет принципиальное значение. Лиса, которая прошла здесь, быть может, представляет собой целое состояние…

Мукоки закудахтал, как будто эта счастливая перспектива уже заранее наполнила его радостью.

– Объясните, в чем дело, Ваби? – спросил Род.

– Вот! – пояснил Ваби. – Возможно, конечно, что это обыкновенная красная лисица, и тогда цена ей не больше десяти – пятнадцати долларов. Если это черно-бурая лиса, она стоит от пятидесяти до шестидесяти и от семидесяти пяти до ста, если это то, что мы называем «крестовкой», то есть помесь черной с серебристой. А если это…

– …огромная серо-серебристая… – прокудахтал Мукоки.

– …тогда, – продолжал Ваби, – ее шкура стоит двести долларов, если она обыкновенная, и от пятисот до тысячи, если это редкий экземпляр. Теперь вы понимаете, Род, почему нам желательно было бы удостоверить ее личность? Серебристая, черно-бурая или «крестовка» стоила бы того, чтобы за ней гнаться. Но весьма возможно, что это всего лишь красная, и тогда мы только даром потратили бы время.

Образование Рода продолжало пополняться. Он видел следы волков, которые можно было принять за следы больших собак. Потом легкие следы от оленьих копыт и очень широкие, с растопыренными когтями, следы бродячей рыси. Но ничто не произвело на него большего впечатления, чем огромные, величиною с его голову, дыры, оставленные в снегу лосем. Какое это, верно, было огромное животное! Он научился также отличать следы оленя от следов маленького лося, хотя с первого взгляда они были очень схожи.

Пять-шесть раз в течение утра спутники останавливались, чтобы передохнуть. В полдень Ваби подсчитал, что они сделали около двадцати миль. Хотя Род начинал чувствовать усталость, он объявил, что способен пройти сегодня еще с десяток миль. Они пообедали.

Дальше вид местности изменился, поверхность почвы стала неровной. Маленькая речка, по течению которой они подвигались, превратилась в поток, шумно несущийся между замерзшими берегами. Снова появились наносные валуны и скалистые пласты, обрамленные лесистыми холмами. Новая цепь скалистых крутых гор показалась на востоке. Стали более многочисленны также и маленькие озера в своих замерзших бухточках.

Но что в особенности радовало сердца наших охотников, так это изобилие следов, свидетельствовавшее о наличии дичи и пушных зверей. Здесь было достаточно мест, точно нарочно созданных для зимней стоянки. Но трудно было решить, на каком из них остановить свой выбор. Спутники замедлили шаги.

Наконец, взобравшись под предводительством Мукоки на последний, довольно высокий холм, который преграждал им путь, они остановились и не могли удержаться от радостного возгласа.

Место было идеальное, и его дикая красота поразила их своей неожиданностью. В глубине скалистой чаши, окруженной величественным амфитеатром из кедровых, сосновых и буковых лесов, спало маленькое очаровательное озеро; с одной стороны к нему примыкала небольшая плоская поверхность, которая летом, по всей вероятности, представляла собой луг.

Мукоки, ни слова не говоря, сбросил на землю тяжелый тюк, которым был нагружен. Род сделал то же со своим, а Ваби выпрягся из ремней, с помощью которых тащил сани. Даже Волк, натянув веревку, погрузил свои жадные глаза в котловину, как будто понимал, глядя на своих хозяев, что зимняя стоянка найдена.

Ваби первый прервал молчание.

– Как находишь ты это место, Мукоки? – спросил он.

Мукоки закудахтал с нескрываемой и безграничной радостью:

– Очень красивое и хорошее! Мы иметь тут чудесную зиму! Много дров для огня! Никого кругом!

Оставив багаж и Волка, привязанного к саням, трое мужчин спустились к озеру.

Но едва успели они подойти к берегу, как Ваби остановился и вздрогнул. Указывая товарищам на лес, расположенный на противоположном берегу озера, он воскликнул:

– Смотрите!

Там, наполовину скрытая среди сосен, стояла хижина. Даже на расстоянии можно было догадаться, что она покинута людьми. Масса снега навалилась вокруг нее. Дым не поднимался над крышей. Никаких признаков, свидетельствовавших о жизни.

Обойдя озеро, охотники направились к хижине.

Осторожно приблизившись к ней, они убедились, что хижина была старая. Бревна, из которых она была построена, начинали уже гнить. На крыше пустили корни кусты, семена которых занес сюда ветер. Без сомнения, постройка насчитывала уже несколько лет. Дверь, сделанная из расколотых бревен и обращенная в сторону озера, была герметически закрыта. Так же закрыто было и единственное окно, обращенное в ту же сторону и заставленное снаружи ставнями, сделанными из молодых деревьев.

Мукоки попытался открыть дверь, навалившись на нее. Но она устояла против его напора. Было ясно, что внутри она прочно закрыта на задвижку.

Тут было чему удивляться. Каким образом дверь могла быть заперта изнутри, если в хижине никого не было?

В течение нескольких минут друзья стояли в полном недоумении, напрасно напрягая свой слух.

– Вот так странная история! Не правда ли, Муки? – тихо сказал Ваби.

Мукоки, опустившись на колени перед дверью, продолжал прислушиваться, прижав ухо к щели. Так как он по-прежнему ничего не слышал, то он встал и, отвязав свои лыжи, двумя ловкими движениями отбросил их в сторону.

Потом, вынув топор из-за пояса, направился к окну.

После десятка ударов ему удалось прорубить в ставне небольшое отверстие. И снова, полный недоверия, старый индеец стал прислушиваться, приложив к нему ухо. По-прежнему ни одного звука! Он втянул в себя воздух. Разреженная и в то же время затхлая, почти

удушливая атмосфера достигла его ноздрей. Он чихнул. Потом начал кусок за куском отбивать ставню от окна. Когда отверстие было достаточно велико, он просунул в него голову и плечи и посмотрел. Но в первый момент не мог ничего разглядеть в темноте хижины.

– Ну, Муки? – с нетерпением спрашивал Ваби, стоя за его спиной.

Мукоки все еще оставался безмолвным. Его глаза начинали привыкать к темноте, он издавал не больше звуков, чем камень; он был нем как мертвец.

Наконец, очень медленно, с тысячью предосторожностей, как будто боясь разбудить кого-то, кто спал, он вылез назад и спустился на землю. Когда он обернулся к двум своим спутникам, у него было такое выражение лица, какого им еще не случалось видеть.

– В чем дело, Мукоки? – спросили они.

Старый индеец глубоко вдохнул струю свежего воздуха.

– Хижина… – пробормотал он. – Хижина… В ней целая армия мертвецов!

Глава IX
Что заключал в себе мешочек из оленьей кожи

Ваби и Род удивленно переглядывались, не зная, как им понять это странное заявление. Между тем с дрожащего лица индейца не сходило выражение мало свойственного ему волнения.

– Армия мертвецов, да! – повторял старый охотник.

И, когда он поднял руку, частью чтобы придать больше веса своим словам, частью чтобы снять паутину, которая облепила все его лицо, юноши заметили, что эта рука дрожала.

Через несколько минут Ваби в свою очередь просунул голову и плечи через ставню и посмотрел внутрь, как сделал раньше Мукоки. Когда он вытянул голову обратно и повернул к Роду свое лицо, искаженное странной усмешкой, видно было, что он потрясен. Но его волнение было меньше, чем волнение старого индейца, который получил первое впечатление от ужасного зрелища, впечатление, подобное неожиданному выстрелу из ружья, поражающему человека прямо в грудь.

– Посмотрите и вы тоже, Род! – сказал он.

Затаив дыхание, Родерик приблизился к темному отверстию. Сердце его трепетало, но не от страха, а от какого-то таинственного, неосознанного волнения. Жуткое чувство, владевшее им, было так сильно, что он невольно отшатнулся, прежде чем просунуть голову через ставню.

Когда это было сделано, он тоже вначале ничего не мог разглядеть. Хижина была погружена в абсолютную темноту. Потом ему показалось, что мрак рассеивается, и он начал различать противоположную стену. Потом посреди хижины выступил плохо обтесанный стол. А возле стола лежало кучей что-то неопределенное. Поверх же этой кучи находился перевернутый стул, наполовину покрытый каким-то тряпьем. Глаза Рода продолжали блуждать по хижине.

Вдруг Ваби и Мукоки услышали вырвавшийся у него и быстро подавленный крик ужаса. Они увидели, как он уцепился руками за край отверстия, проделанного в ставне. Он смотрел как зачарованный.

У внутренней стены, так близко, что он мог достать рукой, стояло то, что пятьдесят лет тому назад, казалось, было живым человеком. Сейчас это было не больше чем скелет, страшный и в то же время смешной. Пустые орбиты слабо освещались тонким лучом света, просачивавшимся в хижину, рот корчил гримасы и зиял прямо против Рода сквозь окутывавший его мрак.

Родерик почти свалился на землю. Он был бледен и дрожал.

– Я видел только одного… – прошептал он, намекая на восклицание Мукоки.

Ваби, который уже вполне овладел собой, дал Роду, смеясь, два или три шлепка по спине, чтобы привести его в чувство, в то время как Мукоки удовольствовался своим ворчанием.

– Вы плохо видели, Род, – сказал Ваби насмешливым тоном. – Ваши нервы помешали вам посмотреть подольше. Впрочем, черт побери, кто не придет в содрогание от такого зрелища. Идем, я открою дверь!

Молодой индеец пролез через ставню, и Родерик, к которому уже вернулось самообладание, поспешил вслед за ним. Мукоки снаружи налег на дверь всей своей тяжестью, а Ваби одновременно колотил по ней изнутри топором. Дверь поддалась сразу и так неожиданно, что старый индеец полетел вслед за ней и растянулся на полу.

Волна света проникла в хижину. Инстинктивно глаза Рода обратились на скелет, который он заметил снаружи. Он был прислонен к стене в позе человека, который дремал. Рядом с этим первым мрачным обитателем хижины находился второй скелет, вытянувшийся на полу во всю длину.

Близ стола и перевернутого стула лежала кучка костей, по-видимому принадлежавших какому-то животному.

Род и Ваби подошли несколько ближе к скелету, который опирался о стену, и стали рассматривать его, в то время как Мукоки, опустившись на колени, склонился над вторым скелетом.

Вдруг старый охотник испустил возглас изумления, и молодые люди, обернувшись к нему, увидели, что он указывает им пальцем на какой-то предмет, валяющийся на земле среди костей.

– Нож! – сказал он. – Борьба! Его убить!

Рукоятка ножа сгнила от времени, а лезвие было изъедено ржавчиной, но оно все еще торчало в том месте, куда всадил его, между живыми мышцами и костями своей жертвы, его обладатель. Длинный нож с крепким лезвием был погружен до дерева в грудь того, кто некогда был человеком.

Род стал на колени рядом с Мукоки, и лицо его сделалось иссиня-бледным. Он с трудом разжал зубы, чтобы спросить:

– Кто… сделал это?

Мукоки издал свое напоминающее смех кудахтанье и указал кивком головы на мрачный предмет, прислоненный к стене.

– Он!

Как по команде, все трое вернулись к первому скелету. Одна из его длинных рук опиралась на предмет, когда-то бывший ведром, и проходила через железные обручи, которые одни только и уцелели. Кисть этой самой руки сжимала костями своих пальцев кусок свернутой в трубку коры, напоминавшей кору старой березы. Вторая рука оторвалась и упала рядом со скелетом, который Мукоки тщательно осмотрел с этой стороны.

Любопытство его было немедленно удовлетворено открытием короткого пореза, который шел наискось по ребрам.

– Этот умер здесь, – пояснил он. – Удар ножом в ребра. Плохая смерть. Много страдать и умирать медленно. Плохой удар.

– Брр… – произнес Род с дрожью. – Выйдем отсюда. Тут можно задохнуться. Можно подумать, что воздух в этой хижине не проветривался по крайней мере столетие.

Мукоки, уходя, поднял череп из груды костей, валявшейся около перевернутого стула.

– Собака, – проворчал он. – Дверь на задвижке, окно закрыто. Люди драться. Оба убиты. Собака умереть с голоду.

Пока охотники поднимались обратно к тому месту, где Волк охранял их сани, Род, дав волю своему воображению, старался восстановить ужасную трагедию, разыгравшуюся

в хижине много лет тому назад. Он мысленно видел этих двух мужчин в их смертный час, вступающих между собой в дикую схватку. Ему казалось, что он видит их борьбу, слышит, как они подстрекают друг друга и снова сцепляются. Ему казалось, что он присутствует при двойном ударе, который одновременно убивает первого наповал, а второго, победителя, оставляет в муках агонии пригвожденным к стене. А собака? Какова была ее роль в битве? И что было с ней потом, когда она, одинокая и обезумевшая, страдая от голода и жажды, кидалась на стены своей наглухо замурованной могилы, пока не скорчилась на полу и в свою очередь не издохла. Эта жуткая картина жгла мозг Родерика. Воспитанный в городских условиях, он никогда не представлял себе даже возможности чего-либо подобного. Это было самое сильное переживание за всю его жизнь, если не считать нападения на Миннетаки в Вабинош-Хоузе.

Для Мукоки же и Ваби, напротив, битва скелетов, в первый момент сильно их взволновавшая, была уже сейчас не больше чем одним из многочисленных инцидентов их богатой приключениями жизни.

Но что в особенности не давало покоя Роду, так это желание узнать причину трагедии. В самом деле, почему эти два существа лишили друг друга жизни в запертой хижине? Где был ключ от этой загадки? Он дорого дал бы, чтобы найти его.

Когда восхождение кончилось, Род пробудился от своих грез к более реальной жизни. Ваби уже впрягался в сани. Настроение у него было великолепное.

– Эта хижина, – воскликнул он, когда Род подошел ближе, – в буквальном смысле свалилась с неба! Нам пришлось бы поработать над ее постройкой по меньшей мере недель пять… Вот это удача!

– Как? – спросил Род. – Мы будем в ней жить?

– Жить в ней? Я думаю! Хижина раза в три больше, чем мы бы себе построили. Я даже не понимаю, зачем это им понадобилась такая большая хижина? Как ты думаешь, Мукоки?

Мукоки покачал головой. Все обстоятельства этого дела явно превосходили пределы его понимания.

Снаряжение и провизия вскоре были подвезены к двери хижины.

– Прежде всего займемся чисткой, – весело заявил Ваби. – Помоги мне, Мукоки, собрать все эти кости. Ладно? А Род тем временем развлечется и пороется по углам, может быть, и найдет что-нибудь занятное.

Родерик охотно согласился на отведенную ему роль, так как его неутомимое любопытство все больше возрастало.

– Из-за чего? Да, из-за чего они убили друг друга? – цедил он сквозь зубы.

И он приступил к обыску. Под перевернутым стулом, сделанным из сколоченных вместе молодых сосен, находилась бесформенная пыльная груда, рассыпавшаяся под его пальцами. Но несколько дальше он обнаружил два ружья. Оба были очень старого образца, длиною чуть ли не с самого Рода.

– Это ружья с Гудзонова залива, – сказал Ваби. – Такие ружья были в употреблении еще до рождения моего отца.

Родерик с бьющимся сердцем продолжал свое обследование. Он нашел на одной из стен висящие клочья того, что было когда-то одеждой: остатки шляпы, распавшиеся на куски, как только он поднес к ним руку, пыльные и бесформенные лохмотья, настоящее рубище. На столе лежали заржавленные кастрюли, белое железное ведро, жестяной котел и части бывших ножей, вилок и ложек. Потом на одном конце стола он нашел еще какой-то предмет, который взял в руки, причем предмет этот оказался достаточно устойчивым и сохранился в целости, не рассыпавшись в прах от его прикосновения.

Род обнаружил, что это был небольшой мешочек из оленьей кожи, затянутый с одного конца и очень тяжелый. Дрожащими от волнения пальцами он развязал наполовину сгнив-

шую веревочку, и горсть каких-то предметов, похожих на черноватые камешки, со звоном ударились о стол. Он испустил крик, призывая своих товарищей.

Ваби и Мукоки собирались как раз выбросить наружу найденные кости. Они подошли к нему.

– Смотрите! – сказал Род.

– Похоже на свинец, – высказался Ваби.

– Свинец… Если только это не золото!

Сердца забились сильней.

Ваби взял один из камней, поднес его к порогу двери и выставил на яркий дневной свет. Потом, открыв свой перочинный нож, он провел лезвием по загадочному предмету. И прежде еще, чем Род успел склониться над нарезкой, голос молодого индейца трубным звуком огласил хижину.

– Это золотой самородок, – воскликнул он.

– И из-за него у них произошла схватка! – закричал Род, радуясь своему открытию.

Чувство удовлетворения от того, что он проник наконец в тайну, которая не переставала его мучить, в первый момент заслонило в нем интерес к находке самой по себе.

Но Ваби и Мукоки пришли в состояние ни с чем не сравнимого возбуждения. Можно было подумать, что они сошли с ума. Маленький мешочек был вывернут до дна. Потом со стола был убран весь хлам, который его загромождал. Все углы и закоулки хижины были снова обысканы с лихорадочным рвением. Род, возбужденный примером товарищей, присоединился к ним. Не произнося ни слова, все трое, то стоя, то ползая на коленях, то распластавшись на полу, искали, искали и снова искали. Такова уж притягательная сила девственного золота. Таковы искры, которыми оно заставляет вспыхивать глубоко скрытое лихорадочное пламя, горящее для него в тайниках человеческих душ. Всякая рвань, всякая кучка пыли, всякие бесформенные обломки были рассмотрены, рассортированы, перетряхнуты, перебросаны. Они прекратили свои поиски только через час, ничего не найдя и сильно разочарованные.

– Это все, что имеется, – сказал наконец Ваби, решившись первым раскрыть рот.

После краткого молчания он начал снова:

– Мы очистили хижину до основания, а завтра сорвем пол! Неизвестно еще, что там может оказаться. Так или иначе нам все равно придется делать новый пол. Но уже темнеет, и нужно пошевеливаться, если мы хотим иметь сегодня приличный ночлег.

Не теряя ни минуты, они вымели и вытащили весь мусор. Когда наступила ночь, постели были уже разложены, различные свертки и провизия сложены в одном из углов хижины в столь же идеальном порядке, как на пароходе. Именно такое выражение употребил Род.

Огромный костер был разложен снаружи перед дверью, которая оставалась открытой, и, когда он запылал, тепло и свет наполнили внутренность «квартиры», ставшей теперь совсем уютной. Пара свечей дополнила праздник и еще усилила это впечатление идеального домашнею уюта. Ужин, поданный Мукоки, приобрел характер пиршества. Меню состояло из жареной оленины, холодной фасоли, которую старый индеец сварил на последней стоянке, мучных лепешек и горячего кофе. Наши охотники облизывались так, будто не ели по крайней мере неделю.

День был слишком богат впечатлениями, чтобы, окончив еду, они тотчас же попрятались под свои одеяла, как делали обыкновенно. И к тому же, разве они не добрались до конечного пункта своего длинного пути? Самое утомительное было уже позади.

Начиная с завтрашнего дня они уже не должны были совершать этих тяжелых переходов. Их экспедиция начиналась при счастливых предзнаменованиях, и они могли теперь

мирно предаваться наслаждению зимним спортом. А по вечерам могли коротать время у себя «дома» в приятной беседе.

Род, Ваби и Мукоки не замедлили воспользоваться этой возможностью в ту же ночь. Они болтали еще много часов подряд, сидя на пороге хижины перед потрескивавшим костром, в который подкидывали новые ветки. Двадцать раз разговор возвращался к трагедии старой хижины. Двадцать раз трое друзей взвешивали на ладони руки маленькие кусочки золота, составлявшие в общей сложности около полуфунта. Теперь уже легко было восстановить картину происшествия. Двое людей-скелетов были когда-то искателями золота, отважившимися углубиться в эту холодную пустыню, когда туда еще воспрещен был доступ белым. Они нашли самородки, которые заботливо уложили в мешочек из оленьей кожи. Потом, когда наступил час дележа, оба стали, быть может, предъявлять исключительные притязания на эту общую собственность; тут завязался спор, а за ним последовали горячие препирательства, которые кончились поножовщиной. Но где и как нашли они это золото? Вопрос, на который не так легко было ответить. В хижине не было никаких рудокопных орудий, ни кирки, ни лопаты, ни плавильного тигля. Друзья обсуждали этот вопрос до полуночи. В конце концов они пришли к общему заключению, что строители хижины не были профессиональными искателями золота и что они совершенно случайно нашли маленькое сокровище, из-за обладания которым убили друг друга.

Еще не успела заняться заря, как трое мужчин, наскоро проглотив легкий завтрак, начали срывать старый пол хижины. Один за другим отдирались сосновые брусья и складывались в кучу как материал для костра. Когда почва обнажилась, они перерыли ее на всем пространстве при помощи небольшой лопаты, взятой из багажа. Весь мох был вырван. Так что к полудню не оставалось ни пяди земли, которая не была бы исследована. Теперь можно было сказать определенно: золота больше не было.

Когда они пришли к этому убеждению, душевное напряжение ослабело. Мысль о том, что они могут найти скрытые сокровища, была окончательно оставлена. И свалившиеся с неба двести долларов, представлявшие собою стоимость слитков, стали теперь казаться очень приятным приращением к остальным доходам.

Род и Ваби не думали теперь ни о чем другом, кроме как о здоровых и разнообразных радостях, которые сулила им охота, и о трофеях, которые они вскоре присоединят к восьми волчьим скальпам. Мукоки начал рубить кедровые деревья и срезать с них сучья, приготовляя балки для кладки пола.

Разложив их рядом на земле, сколачивая гвоздями и затыкая мхом все промежутки между ними, Род весело насвистывал и свистел так усердно, что в конце концов у него заболело горло. Ваби напевал обрывки дикой песни краснокожих. Мукоки бурчал что-то себе под нос, временами повышая голос. Пол был закончен уже при свечах, и железная печка, принесенная из саней, была немедленно водворена в хижине на месте прежнего полуразрушенного очага из плоских камней, оставленного людьми-скелетами.

В этот вечер ужин был приготовлен на ней, а по окончании еды Мукоки поставил на огонь большой горшок, наполненный жиром и костями оленя.

Род спросил его, что это за суп он варит. Вместо ответа индеец взял стальные капканы и опустил штук пять-шесть в горшок.

– Надо, – сказал он, – капканы пахнуть хорошо для лисы, волка, куницы… Все прийти, когда капкан пахнет хорошо.

– Если вы не смочите капкана, – пояснил Ваби, – то девять животных из десяти, а волк в первую голову, не поверят приманке, отнесутся к ней подозрительно. Запах, который остается на стали от человека, державшего ее в руках, отталкивает животных. После же смачивания, напротив, они чувствуют один только запах жира, который их привлекает.

«Квартира» троих охотников с этой второй ночи приняла очень комфортабельный вид. Оставалось только устроить с помощью перегородок три отдельные комнаты для каждого из них. Это была работа, которую можно было отложить на свободное время. Было решено, что назавтра с раннего утра, захватив с собою капканы, они двинутся на поиски звериных троп, причем главное внимание будут обращать на волчьи следы.

Глава X
Почему волк и Мукоки ненавидели волков

Два раза в течение ночи Родерик просыпался от легкого шума. Это Мукоки открывал двери хижины.

Во второй раз он приподнялся в своих одеялах и, опершись на локти, стал наблюдать за старым индейцем.

Ночь была великолепная, и волны лунного света заливали стоянку. Роду было слышно, как Мукоки кудахчет и ворчит, как бы разговаривая сам с собою. В конце концов любопытство одолело Рода, и, завернувшись в одеяло, чтобы не чувствовать холода, он присоединился к индейцу на пороге хижины.

Устремленный кверху взгляд Мукоки, казалось, терялся в пространстве. Шар луны находился в зените, как раз над хижиной, на небе не было ни единого облачка, и поэтому кругом было так светло, что можно было отчетливо различить все предметы на противоположном берегу озера.

Холод был все так же резок, и Род уже чувствовал его укусы на своем лице. Но что могло приковать к себе взгляд Мукоки там, в небесной вышине? Не красота же ночи? Род недоумевал.

– Что случилось, Мукоки? – спросил он наконец.

Старый индеец оторвал свой взгляд от неба, поглядел на него и с минуту молчал. Какая-то непонятная радость волновала все его существо. Сияла радостью каждая черточка его лица.

– Волчья ночь! – прошептал Мукоки.

И посмотрел в сторону Ваби, который по-прежнему спал.

Как тень скользнул индеец к юному охотнику. Род следил за его движениями, и удивление его росло и росло.

Вот он наклоняется над Ваби, трясет его за плечо, старается разбудить и все шепчет и шепчет:

– Волчья ночь, волчья ночь!

Ваби проснулся, присел на койку, а Мукоки уже снова на пороге хижины. Он уже одет, в полном охотничьем снаряжении, ружье в руках.

Вот он вышел и скользнул в ночь.

Ваби подошел к Родерику, и оба они смотрели ему вслед; быстро-быстро темным пятном скользил по льду озера Мукоки, потом поднялся на холм и наконец затерялся в снежной пустыне.

Род время от времени поглядывал на Ваби… Странно, глаза его товарища были так же широко раскрыты и так же напряженно смотрели в одну точку, как только что у старого индейца. В них отражалась какая-то затаенная тревога.

Молча Ваби подошел к столу, зажег свечу и стал одеваться.

Потом снова вернулся к выходу, не поборов своей тревоги, и пронзительно свистнул. На свист ответил унылым воем Волк из своей берлоги.

Десять, двадцать раз повторил свой свист Ваби, но в ответ не несся свист Мукоки.

Убедившись, что все ожидания напрасны, Ваби бросился к озеру, пересек его с быстротой, не уступавшей старому индейцу, взобрался на холм, на другой берег, и вопросительным взглядом окинул белую, сверкающую безбрежность снежной пустыни, раскинувшейся у его ног.

Мукоки исчез.

Ваби вернулся в хижину. Печь, затопленная Родом, шипела. Он подсел к своему другу и протянул к огню уже посиневшие от холода руки.

– Брр… Вряд ли кто помянет добром такую ночь, – сказал он, постукивая зубами.

И вдруг, взглянув на Родерика, захохотал, а тот не знал, как ему быть, на лице его отражалась не то растерянность, не то тревога. Он недоумевал, что такое происходит перед ним.

– Скажите, Род, – спросил наконец Ваби, – Миннетаки никогда не рассказывала вам об одном исключительном событии из жизни нашего старика?

– Нет, ничего особенного. Не больше того, что я знал от вас.

– Ну, так слушайте. Однажды, это было, правда, давно, Мукоки охватил приступ, не скажу, безумия, но чего-то в этом роде. Решить определенно, что с ним было, я никогда не мог. Быть может, это было безумие, быть может… нет… не знаю. До сих пор с уверенностью сказать не могу. Но индейцы с нашей фактории утверждают, что это было именно так. Как только дело коснется волков, Мукоки, по их словам, теряет рассудок…

– Когда дело коснется волков?

– Да. И на это у него имеются весьма серьезные основания. Случилось это еще в то время, когда мы с вами только что появились на свет божий. Тогда и у Мукоки была жена и ребенок. Моя мать и люди с фактории рассказывают, что ребенка своего он любил какой-то страстной любовью. Ради него он забросил охоту, чаще всего уступал ее другим индейцам, а сам целые дни проводил в своей хижине, играя со своим «попузом», обучая его всяким забавным штукам. Если Мукоки случалось отправиться на охоту, он взваливал к себе на спину карапуза, который уже подрос и умел орать во всю глотку, и тогда Мукоки был счастливейшим из индейцев, хотя слыл среди них страшным бедняком.

Вот однажды он явился к нам с небольшим свертком мехов и все свое богатство выменял на вещи, предназначенные исключительно для детворы, – так рассказывала мне мать. Было уже поздно, когда он собрался в обратный путь, а потому Мукоки решил заночевать у нас. Не знаю, что задержало его и на следующий день, только возвращение его домой отсрочилось на целые сутки. Жена Мукоки, прождав его напрасно так долго, стала беспокоиться. Она вскинула на плечи своего «попуза» и отправилась мужу навстречу…

Жуткий вой пленного волка прервал на этом месте рассказ Ваби.

– Она шла, шла долго, но мужа не повстречала. Что произошло дальше? Никто так и не узнал. Но люди с фактории говорят, что она, вероятнее всего, поскользнулась, упала и, падая, поранила себя. Известно только одно: когда Мукоки на следующий день тронулся в обратный путь, он нашел на звериной тропе ее труп и труп ребенка, наполовину обглоданный волками. С этого трагического момента Мукоки изменился до неузнаваемости: он забыл свою прежнюю лень, стал самым ярым и искусным охотником на волков в нашем округе. Он оставил свое племя, поселился у нас в фактории и с тех пор уже не покидал нас – ни Миннетаки, ни меня.

Иногда, но с большими перерывами, когда луна светит, как сейчас, когда ночь такая нежная, а мороз трещит, его рассудок как будто меркнет… «Это волчья ночь», – говорит он. И тогда никто не может ни удержать его, ни вырвать из него хоть слово. Когда Мукоки охватывает такое настроение, никто не смеет следовать за ним. Сегодня ночью он проделает много-много миль. Он будет идти и идти все прямо и прямо, не разбирая дороги, пока его безумию не наступит никому не ведомый срок. А потом, когда Мукоки вернется, он снова будет в полном уме, как вы и я.

Если вы спросите его, откуда он явился, старик ответит вам весьма туманно, что вышел, мол, посмотреть, нельзя ли где-нибудь пострелять.

Род слушал с глубоким вниманием. По мере того как Ваби развертывал перед ним ленту трагической жизни Мукоки, он чувствовал, что им овладевает безграничная жалость к старому индейцу. Теперь Мукоки не был для него полудикарем, едва прикрытым налетом цивилизации. Это был родной ему брат, равный ему человек в полном смысле этого слова.

Рыдания душили его. Пламя свечи колебалось и временами освещало слезинки, которые, сверкая, набегали на глаза.

– Ловкость, с которой Мукоки охотится на волков, – продолжал между тем Ваби, – кажется сверхъестественной. В течение двадцати лег он каждый день своей жизни только и делал, что думал о волках. Он изучил их в мельчайших подробностях и теперь знает этого зверя лучше, чем все охотники Снежной Пустыни, вместе взятые. Никто, никто не может поспорить с ним. Только по следу, оставленному животным, он расскажет вам о всех его повадках, и, будьте уверены, он не ошибется. Какой-то, пожалуй, сверхчеловеческий инстинкт подсказывает ему, что наступающая ночь будет «волчьей ночью». Дуновение ли вечернего воздуха, небо ли, луна ли, вид ли Снежной Пустыни, вся атмосфера, что ли, – не знаю, одним словом, что, но что-то, неуловимое для нас, указывает ему, что в эту именно ночь рассеянные по горам и долинам волки соединяются в целые стаи, что восход застанет их на скатах гор, где они будут греться в ярких лучах солнца.

Если Муки вернется сегодня, завтра вы будете свидетелем редкой охоты… пожалуй, и на долю нашего Волка придется немало работы.

Несколько минут прошло в молчании, огонь шипел в печке, раскаленной докрасна. Мальчики сидели рядом, смотрели на огонь, прислушиваясь к его шипению. Род взглянул на часы. Было уже около полуночи. Но никто из них не хотел возобновить прерванный сон.

– Наш Волк – зверь чрезвычайно любопытный, – сказал Ваби. – Конечно, Род, вы можете считать его выродком, раболепной тварью, предателем, достойным всяческого презрения. Ведь он идет против своих же собственных братьев, заманивает их на верную смерть. Но Волк, по правде сказать, не заслуживает таких оскорблений. Как и у Мукоки, у него имеются свои причины поступать таким образом. Звери, как и люди, умеют затаивать в себе обиды и мстить за них.

Вы заметили, что у него нет половины уха? А если вы запрокинете его голову и проведете рукой по его горлу, вы почувствуете след глубокой раны. Погладьте его сзади, ощупайте его кожу под шерстью с левой стороны, вы найдете дырку величиной с кулак. Мукоки и я, мы извлекли нашего Волка из рысьего капкана. В это время это был еще слабенький волчонок, месяцев шести от роду, как полагал Мукоки. Бедняга был в весьма плачевном состоянии. Он попал в капкан, бился в нем, был беспомощен и беззащитен, и вот тут на него напали его милые сородичи, три или четыре волка, в надежде устроить себе лакомый ленч.

Мы пришли как раз вовремя и обратили в бегство этих братоубийц. Вытащили волчонка из капкана и оставили у себя. Зашили ему горло и зад и постепенно приручили к себе. Завтра вечером вы увидите, чему научил его Мукоки и чем он платит людям свой долг.

Проболтав еще часа два, Род и Ваби затушили свечу и забились под одеяло. Род заснул не раньше чем через час: все спрашивал себя, где же теперь Мукоки, что он делает, найдет ли в припадке помутнения рассудка обратный путь среди поглотившей его Великой Белой Пустыни.

Потом какой-то странный сон мучил его всю ночь. Он видел, как волк пожирал жену Мукоки и его ребенка. Вдруг вместо них появлялась Миннетаки, а волки превращались в вунгов, и вунги бросались на молодую девушку.

Род освободился от своего кошмара только благодаря пинкам, которыми награждал его Ваби. Он открыл глаза, посмотрел на своего приятеля, укутанного в одеяло, тот показал ему что-то пальцем, и тут он увидел Мукоки. Он спокойно принимался за чистку картофеля.

– Алло, Муки! – крикнул Род.

Старый индеец поднял глаза и посмотрел на Рода; на лице он скорчил свою обычную добродушную гримасу. Не было и следа безумных ночных блужданий.

Весело потряхивая головой и бодро, как будто он встал после доброго, освежающего сна, старик готовил утренний завтрак.

– Сегодня большой день, добрая охота. Много солнца сегодня. Мы найти в горах много волки!

Мальчики сбросили с себя одеяла и стали одеваться.

– Когда ты вернулся, Муки? – спросил Ваби.

– Сейчас, – ответил старик, показывая на печь и очищенную картошку, – вот растопить печь.

Ваби переглянулся с Родом, моргнул ему глазом и, когда Мукоки наклонился над рагу, спросил его:

– А что ты делал, Муки, сегодня ночью?

Мукоки отвечал:

– Большая луна, светлая ночь, можно стрелять, смотреть капканы, рысь на горах. Много волчьих следов. Но я не стрелять.

Вот и все объяснения относительно ночного времяпрепровождения, каких мальчики могли добиться от индейца.

Сели к столу, и, когда Мукоки поднялся, чтобы прикрыть печку, откуда шел нестерпимый жар, Ваби, толкнув Рода локтем, сказал ему вполголоса:

– Вот видите, я был прав. Он, конечно, носился по волчьим тропам.

Потом он сказал Мукоки:

– Как ты думаешь, Муки, надо бы нам распределить между собой сегодняшнюю работу. Мне кажется, что мы могли бы расставить наши капканы в двух направлениях, если с вашей стороны нет возражений. Одни в восточном, вдоль этой скалистой цепи гор, образующих бухту. Остальные в северном, вдоль волнистой линии долины. Какого ты мнения на этот счет?

– Хорошо! – одобрил старый следопыт. – Вы два пойти на север. Я один пойти на горы.

Но Родерик порывисто вскричал:

– Нет, нет, Муки! Я пойду в горы с тобой, а Ваби спустится в долину. Я хочу сопровождать тебя.

Польщенный предпочтением, оказанным ему белолицым мальчиком, Мукоки состроил милую гримасу, закудахтал и стал с большим воодушевлением излагать различные планы, созревшие в его голове.

В конце концов было решено, что в хижину они вернутся вскоре после полудня, так как надо было хорошенько отдохнуть до наступления ночи, когда, по уверениям индейца, начнется славная охота на волков.

Род обратил внимание на то, что пленный волк не получил в это утро никакой пищи. О причине он сейчас же догадался.

Охотники распределили между собой капканы. Они были трех различных размеров. Пятьдесят штук было маленьких для норок, куниц и другого пушного зверя. Пятнадцать несколько более прочных для лисиц и столько же больших – для рыси и волка.

Ваби нагрузил на себя двадцать штук маленьких, четыре штуки под лисицу и столько же больших. Род и Мукоки взвалили на себя остальные.

Остатки оленины, приманку для зверей охотники точно так же поделили между собой.

Все эти приготовления были закончены еще до заря, и едва стало всходить солнце на горизонте и подыматься над тайгой, как они пустились в путь.

День выдался, как предвидел Мукоки, солнечный, яркий, один из тех прозрачных и безоблачных дней при злом морозе, когда, по верованию индейцев, великий творец мира лишает солнца всю остальную часть вселенной, чтобы озарить всем блеском солнечного света их суровую землю.

Когда они оказались на вершине холма, расположенного против их хижины, все трое приостановились, а Род в немом восторге созерцал сверкающую ширь безграничного простора.

Род и Мукоки не шли и пяти минут, как индеец остановился и указал своему спутнику на ствол мертвого дерева, упавшего поперек маленького потока. На этом случайном мосту снег был утоптан чьими-то лапками.

Мукоки внимательно осмотрел их отпечатки и сейчас же скинул свой мешок.

– Норка, – сказал он.

Он проследил тропку, проложенную зверьком; она терялась под сучьями других деревьев, поваленных ветром.

– Здесь жить целая семья. Три, может быть, четыре, может быть, пять. Построить здесь «охотничий домик».

Род еще ни разу не видел, как индеец расставляет свои капканы. На звериной тропке, несколько в стороне от потока, он построил из веток норку, похожую на домик. Потом положил туда кусочек мяса карибу, а перед домиком поставил свой капкан, тщательно прикрыв его снежком и тонкими ветвями. В какие-нибудь двадцать минут Мукоки устроил две подобные норки и расставил перед ними два капкана.

Когда они снова пустились в путь, Род спросил Мукоки:

– Зачем ты строишь эти маленькие домики?

Индеец объяснил:

– Много снега падать в это время года. Строить домики, защитить капканы от снега. Не делать так, надо всегда следить за капканами и разгребать снег. Когда норка нюхать мясо, тогда входить в домик и попасть в западню. Хорошо для маленьких зверей. Нехорошо для рыси. Когда рысь видит дом, все кружится вокруг, кружится и кружится, а потом уйти. Рысь умный и хитрый мошенник. Волк и лисица тоже.

– Сколько стоит рысь? – спросил Род.

– Пять долларов, не больше. Семь, восемь долларов, если очень прекрасный.

На протяжении следующей мили было расставлено еще шесть таких же капканов. Скалистый хребет, по которому шли охотники, подымался все выше и выше, и в глазах Мукоки вспыхнул огонек и выдавал иные заботы, чем травля мелких пушистых зверьков. Его шаги становились все медленнее, осторожнее, и, когда он обращался к Роду, только шепот просачивался из его губ. Род отвечал ему тем же тоном.

Оба время от времени останавливались, взглядом сверлили широкую даль и старались найти признаки хоть какой-нибудь жизни. По дороге они поставили два капкана для лисиц на тропках, которые выдавали норы этих зверей.

Немного дальше в заглохшем ручье, окруженном сбитыми ветром деревьями и скалистыми глыбами, они открыли следы рыси и расставили два капкана, один у входа в русло, другой у выхода. Но и сейчас мысль Мукоки была далеко от этих операций.

Они продвигались вперед, между ними было расстояние ярдов в пятьдесят. Род старался держаться следов Мукоки и подражать его осторожным движениям. Вдруг юноша услышал заглушенный зов своего спутника, он подзывал его, размахивая руками в каком-то диком восторге. Род поспешил присоединиться к нему.

– Волк! – прошептал Мукоки.

Род заметил в снегу отпечатки чьих-то лап, похожие на след собаки.

– Три волка! – продолжал объяснять индеец; ликованию его не было границ. – Выйти сегодня рано из берлоги. Уйти греться куда-нибудь на солнце, на горы.

Теперь они шли волчьей тропой. Вскоре они наткнулись на кости кролика. К волчьим следам примешивались следы лисицы. Мукоки поставил еще одну западню. Затем пошли следы кошки-рыболова, и индеец снова устроил капкан.

Следы оленей и карибу перекрещивались в различных направлениях, но Мукоки не обращал на них никакого внимания.

Вскоре присоединились к прежним следам и следы четвертого волка, потом пятого, образовалась целая шайка. Через полчаса новая волчья тропа пересекла под прямым углом ту, по которой шли наши охотники. Обе тропы сливались вместе и спускались в долину и ее леса. Мукоки трясся от радости.

– Множество волков! – воскликнул он. – Здесь, там, всюду. Хорошее место для ночной охоты.

Скалистый хребет стал снижаться, опускаться в долину, где змейкой извивался замерзший ручей.

Признаков зверя становилось все больше и больше, от этого сильнее билось сердце Рода и волновалась кровь. Местами снег был буквально сметен копытами оленей.

Звериные тропы разбегались во все стороны, и клочья шерсти висели на маленьких соснах, о которые терлись животные.

Мукоки скользил по снегу как-то странно, точно не касаясь земли. Даже ветви кустарника бесшумно склонились при его приходе, а когда Род случайно наступил своей лыжей на сухую ветку, старый индеец поднял руку к небу в знак своего возмущения и ужаса.

Внезапная остановка Мукоки и знак по адресу Рода, последовавший за ней, известили юношу, что дичь на примете. Индеец насторожился, весь пригнулся и, когда Род подошел к нему, передал ему свое ружье. Потом губы его почти беззвучно выдавили только одно слово:

– Стрелять!

Род нервной рукой схватил ружье. Задрожал от волнения. На расстоянии какой-нибудь сотни ярдов он увидел великолепную лань-самца. Лань щипала ветки орешника, на которых висели полузасохшие листья, пощаженные зимой. Несколько дальше виднелись две самки.

Юноша собрался с силами. Лань стояла к нему боком, вытянув шею, закинув голову, в прекрасной позе для меткого выстрела. Род прицелился и выстрелил. Животное судорожно подпрыгнуло и рухнуло на снег.

Пока Род восхищался меткостью своего выстрела, Мукоки быстро подобрался к убитой дичи.

Когда мальчик подошел, он застал индейца склоненным над еще трепещущим животным. В руках он держал бидон из-под виски. Старый индеец без долгих объяснений вонзил нож в горло лани и наполнил бидон ее дымящейся кровью.

Покончив с этим делом, Мукоки поднял бидон с чувством величайшего удовлетворения и сказал:

– Кровь для волков. Волки любить кровь. Большая охота сегодня ночью. Нет крови, нет настоящей приманки. И нет убитых волков.

Казалось, что теперь Мукоки вышел из своей тяжелой задумчивости: очевидно, он считал свои утренние обязанности законченными.

Он вспорол лань, вынул сердце и печень, отрезал четверть мяса. Потом вынул из своего мешка длинную веревку, привязал один конец к шее животного, перебросил другой через ветку дерева и при помощи своего спутника поднял тушу оленя на несколько футов от земли.

– Если нам помешать прийти вечером, он подманить волков! – пояснил Мукоки.

Осмотрев в последний раз долину, охотники заметили, что в одном месте почва поднималась и вела к скалистому скату из тяжелых горных глыб, осененных высокими соснами и березами. Таким образом, они оказались перед скалой, которая сейчас же привлекла к себе внимание Мукоки. Подняться на нее не было никакой возможности. Разве только при помощи ветвей ближайших сосен. Скала заканчивалась, насколько можно было судить снизу, небольшой площадкой. Мукоки захлебнулся от счастья.

– Хорошее место положить приманку. Сегодня ночью сюда заманить волков.

Часы Рода показывали уже около двенадцати. Охотники присели, чтобы позавтракать взятыми с собой сандвичами, а затем двинуться в обратный путь.

Из долины они пошли напрямик, срезав часть прежнего пути. Дорога была рискованной, представляла собой какой-то хаос. Местами они натыкались на отвесные скалы, похожие на крепостные стены. Они круто вздымались над головокружительными безднами.

И вот, когда они проходили над ложбиной глубиной футов в пятьсот, где летом пробивался небольшой горный поток, над мрачной и жуткой бездной, куда не проникали лучи солнца, Мукоки несколько раз приостанавливался.

Ухватившись, из предосторожности, за дерево, он наклонился над этой апокалипсической ложбиной, всмотрелся в нее и, когда поднялся, сказал:

– Весной здесь множество медведей.

Но Род не думал сейчас о медведях. Мысль о золоте снова возникла в его голове. Вот эта таинственная ложбина, не разрешит ли она тайну, которую пятьдесят лет тому назад унесли с собой в могилу скелеты из старой лачуги?

Глава XI
Как волк послал на верную смерть своих братьев

С этого момента в груди Рода Дрюи зародилось непреодолимое желание. Отныне он охотно отказался бы от всех радостей и прибылей зимней охоты, лишь бы пуститься в погоню за тем «роковым огоньком», который сжигал всех людей во все века их жизни. Его сжигала жажда золота. Скелеты, найденные в хижине, когда были живыми людьми, открыли золотую жилу, и жила эта где-то тут близко. Из-за первой добычи, горсточки золота, найденного в первые же дни, они вступили в драку между собой и перебили друг друга. Вот что не переставал повторять себе Родерик Дрюи.

Мукоки сделал многозначительную гримасу и пожал своими могучими плечами, когда Род высказал мысль, что золотая жила находится на дне дьявольской ложбины. Свои соображения на этот счет он сохранил при себе, и потому возвращение их сопровождалось молчанием.

Молчаливый, как все люди его племени, Мукоки вступал в разговор только тогда, когда другие его начинали. Род же все время старался решить вопрос, как спуститься в эту мрачную пропасть, чтобы исследовать ее со всех сторон. Он не сомневался, что Ваби примет участие в этой авантюре, а в крайнем случае он один попытает счастья. Какая-нибудь щель должна же существовать в этой обрывистой стене.

Когда охотники вернулись в свою хижину, они уже застали там Ваби. Он расставил восемнадцать капканов и убил двух куропаток.

Дичь ощипали к обеду, причем к ней присоединили добрый кусок лани.

Во время приготовлений к обеду Род рассказал об открытой им таинственной ложбине, а также о возникшем у него проекте, но Ваби слушал его рассеянно. Его мысли были где-то в другом месте. Временами он вдруг застывал в неподвижной позе, засунув руки в карманы. Он что-то тщательно и тревожно обдумывал.

Род и Мукоки убирали со стола, растопляли печь. Наконец Ваби, как будто оторвавшись от каких-то затаенных мыслей, вынул из кармана гильзу из желтой меди и протянул ее старому индейцу.

– Посмотри-ка, Мукоки. Я не хочу сеять среди нас напрасную панику, даже ничего похожего на нее, но вот что я нашел сегодня на своем пути.

Мукоки схватил патрон так же порывисто, как если бы это был такой же самородок золота, какой они недавно нашли. Патрон был пустой. Но на медном ободке была отчетливо видна надпись, которую Мукоки вслух прочитал:

– Тридцать пять Rm… Значит, это есть…

– …патрон от ружья Рода! – заключил его мысль Ваби.

Мукоки нахмурил брови.

– Нет никаких сомнений, – заявил Ваби. – Это патрон от ружья системы Ремингтон тридцать пятого калибра с автоматическим зарядом. Таких ружей во всем нашем округе только три: одно у меня, другое у Муки. Третье потеряли вы, Род, во время вашей схватки с вунгами.

Но, пока между ними шел этот разговор, стали подгорать яства Мукоки, поэтому он поспешил сиять их с огня и подать на стол.

– Следовательно, – сказал Род после некоторого молчания, – это означает, что вунги напали на наш след?

– Этот же вопрос интересовал и меня целый день! – ответил Ваби. – Во всяком случае ясно, что, вопреки предположениям Мукоки, они прошли с этой стороны гор. Но все-таки я не думаю, что они знают, где мы находимся. Их след начинается за пять миль от нашей хижины, и, вероятно, был проложен по меньшей мере дня два тому назад тремя индейцами на лыжах; след отходил к северу. Отсюда я заключаю, что они вышли просто на охоту и, описав круг в южном направлении, вернулись в свой обычный лагерь. Не думаю, чтобы они пошли дальше.

Ваби объяснил, каким образом он определил, что в известный момент след делает поворот, возвращается к исходному пункту. Этот факт успокоил Мукоки. Кивнув головой в знак одобрения, он точно так же пришел к заключению, что враг дальше не пойдет.

Тем не менее настроение трех приятелей не улучшилось и веселье их спало. И все-таки возможность новой опасности казалась им пряной приправой к переживаниям их мирной охотничьей экспедиции.

Когда охотники покончили с обедом, они приступили к разработке целого плана военной кампании. Решили не держаться оборонительной тактики, так как подобная тактика всегда невыгодна. Если сегодня или завтра обнаружатся свежие следы вунгов, они бросятся в погоню за ними и сами начнут настоящую охоту на людей.

Солнце готовилось уже опуститься за далекий горизонт, когда оба мальчика и Муки покинули свою хижину.

Волк ничего не ел с прошлой ночи. Голод его увеличивался, возбуждал его кровожадность; глаза горели все злее. Ярость росла. Мукоки не преминул обратить на это внимание Рода и Ваби. Казалось, что он хотел прочесть, что таилось в душе этого зверя.

Быстро спускавшаяся ночь уже обволакивала своей темнотой тайгу, когда они достигли долины, где на дереве по-прежнему висела лань.

Роду было поручено стеречь оружие и багаж, а Ваби и старый индеец приступили к переброске лани на площадку утеса. Эта операция удалась им не без труда. Юный горожанин только теперь стал понимать, что задумал Мукоки.

Длинная веревка, привязанная к туше, была перекинута с утеса к кедрам, расположенным против него. На двух деревьях были устроены три площадки для трех охотников. Таким

образом, получалось удобное место для засады; здесь, скрытые ветвями, они могли даже присесть, не подвергаясь никакой опасности.

Когда было закончено это дело, последовали новые подготовительные действия, за которыми Род наблюдал с большим интересом.

Мукоки вынул из-за пазухи наполненный кровью бидон, который старался согреть своим телом. Почти треть содержимого он вылил на снег у подошвы утеса и частично обрызгал кровью даже утес. Остальное он капля за каплей вылил на волчьи тропы, которые, как лучи, расходились во все стороны.

Волк во время всех этих операций следовал за своими хозяевами.

Так как луна должна была взойти не раньше трех часов, охотники под прикрытием утеса развели костер. Они поджарили мясо на огне и стали болтать, чтобы убить время.

Было девять часов, когда светило почти взошло над Великой Белой Пустыней. Грандиозная заря северной ночи всякий раз производила на Рода чарующее впечатление.

Казалось, что пурпурный шар подымался на вершины деревьев и холмов и зажигал свой трепетный свет над пустынной землей, бросая на нее бледные лучи с девственно-чистого неба, не знающего ни тумана, ни туч. Он катился так быстро, что можно было простым глазом проследить его бег. По мере того как он подымался все выше, бледнел его кровавый цвет. Его сменяли нежные оттенки, которые переливались то золотом, то серебром. И только в этот момент ночное солнце начинало освещать вселенную.

Когда этот миг наступил, Мукоки молча подал мальчикам знак следовать за ним, и они вместе с Волком направились к деревьям, в свою засаду.

Крепкой веревкой привязали они пленного волка к низкой сосне у подошвы скалы, на вершине которой лежала убитая лань. Волк носом потянул воздух, вдохнул запах дичи. Под лапами он почувствовал сгустки крови, пролитой Мукоки на снег. Его челюсти раскрывались и смыкались. Он начинал завывать.

Род и Ваби, притаившись за стволом, наблюдали за ним. Он волновался все больше и больше. Сев на задние лапы, раздув ноздри, он как будто старался впитать в себя ветер, доносивший запах дичи.

Шерсть на его спине ощетинилась, ноздри раздулись. Кровь на снегу, туша кровавого мяса на скале – ведь это не та пища, которой кормили его люди. У Волка пробуждались его дикие инстинкты, и он всем существом своим, как и его предки, рвался на охоту за зверем.

Иногда он как будто приходил в себя: припоминал своих хозяев, свой домашний уют, и тогда он оглядывался назад, в сторону кедров. Но хозяева его исчезли куда-то. Он их не видел, он их не слышал. Он обнюхивал воздух и, втягивая в себя запах убитой лани, в яростном порыве снова бросался на кровь.

Он метался из стороны в сторону на своей привязи и на снегу, хрустевшем под его лапами, снова видел пятна крови. Он старался вырваться на след, окрашенный кровью. В бешенстве рвал ремень, державший его в плену, тщетно грыз его, забывая, что он достаточно крепок и выдержит хватку его зубов. Охотники слышали жалобный вой Волка, который временами обрывался коротким и заунывным ревом.

Волк все бегал и бегал вокруг своей низкой сосны, все больше и больше разъярялся, глотал комки кровавого снега, который, как слюна, стекал с его пасти. Потом снова бросался в сторону, на скалу, к дичи, не зная, мертвая она или живая; он всем существом жаждал крови, хотел удовлетворить свою исконную потребность хватать, убивать, рвать на части.

В безумном прыжке он сделал последнее усилие, чтобы освободиться от привязи, разорвать свою цепь, вырваться на веселый и дикий простор. А затем, убедившись в своем бессилии, в отчаянии упал на снег, задыхаясь и плача. Потом сел на задние лапы, натянув изо всех сил привязь, и поднял кверху свою морду, освещенную луной. Он покачивал своей мордой, откинув ее далеко назад, ощетинил шерсть и затянул, как эскимосский пес, свою «заунив-

ную песню смерти». Глухие и жалобные стоны росли, становились протяжнее, ширились, крепли и, наконец, разрешились долгим и жутким призывом, который разнесся по долинам и горам и улетел вдаль за ответом. Теперь это был клич к волчьему сбору, великий призыв к охоте, который, подобно боевому рожку, сзывал на добычу тощих и серых бандитов тайги, вечно ненасытных хищников Великой Белой Пустыни. Три раза этот клич вырвался из пасти пленного волка. Тогда охотники поспешили взобраться на кедры.

Род от волнения не замечал даже укусов мороза, который становился все злее. Нервы его напряглись. Он вопросительным взглядом окидывал белый простор, таинственный и прекрасный, расстилавшийся под небом и залитый лунным светом. Более спокойно держал себя Ваби, он знал лучше его, что предстоит им этой ночью.

Жуткий призыв был действительно услышан всем таежным миром. Вот тут, на берегу озера, скованного зимним ледяным покровом, задрожала от страха трепетная лань. Там, за горами, грозный олень, гордо закинув голову с ветвистыми рогами, метнул из глаз боевые стрелы. А несколько дальше лисица, погнавшись за зайцем, сейчас же прервала свою погоню. И на всех волчьих тропах остановилась волчья братия, повернула головы и повела ушами, вслушиваясь в знакомый сигнал.

Первый ответ прорезал тишину. Она наступила сразу, как только затих Волк, жуткая и тревожная. Вой послышался на расстоянии какой-нибудь мили. Привязанное животное снова уселось на задние лапы, и снова раздался его призыв. Это был странный клич, который как будто говорил: здесь на снегу кровь, недалеко раненый зверь, спешите его прикончить!

Охотники не шевелились, молчали. Мукоки приставил ружье к плечу и, казалось, застыл в этой позе. Ваби крепко уперся ногой в ствол дерева, положил ружье на колени, готовый в любой момент к прицелу. Род вооружился большим револьвером и, чтобы лучше целиться, вложил дуло между вилками раздвоенной ветки.

Другой голос, шедший с востока, поспешил ответить на вой, который донесся с севера. Род и Ваби слышали, как радостно закудахтал Мукоки на своем дереве. Волк, перестав расточать силы в тщетных попытках к освобождению, вкладывал всю свою ненависть и ярость в свои призывы, бросая их во все концы горизонта. И все больше и больше доносилось ответов, и они раздавались все ближе и ближе.

Вдруг послышался визг так близко, что Ваби схватил Рода за руку.

– Теперь недолго ждать… – прошептал он.

Не успел Ваби произнести эти слова, как показалась какая-то тощая тварь; обнюхивая кровавый след, она устремилась к Волку.

Встрепенувшись, оба зверя мгновение молчали. Новый пришелец почувствовал запах лани и стал коситься на скалу. Он присоединил свой вой к вою Волка, точно призывая на помощь всю свору своих братьев.

И волки понеслись отовсюду: и с вершин холмов и из лесов долины. Целая свора обезумевших от голода волков, голов двадцать, лязгала зубами, окружив скалу, где за пределами досягаемости находилась желанная добыча.

Волки, толкая друг друга, подпрыгивали, ловили воздух, падали на землю, тщетно стараясь добраться до заманчивой дичи, такой близкой и вместе с тем недоступной.

А между тем Волк постепенно менял свое поведение. Он вдруг как-то странно лег на брюхо, тяжело задышал, как будто готовясь одним прыжком настичь стаю своих братьев, и вдруг стал успокаиваться, примиряться с очевидной бесполезностью всех своих усилий. Человек снова приобретал над ним власть. Волк как будто припоминал, что пришлось ему перенести когда-то при таких же обстоятельствах. Им снова овладела ненависть к своему племени, и он спокойно стал ожидать начала драмы, которая неизбежно должна была развернуться перед его глазами.

Мукоки первый подал сигнал: он тихо свистнул, и Ваби поспешил приставить ружье к плечу.

Медленно, не оставляя ружья, старый индеец потянул ремень, конец которого был привязан к лани; таким образом он подтянул тушу на край скалы. Еще одно движение, и лань полетела в середину волчьей стаи.

Точно мухи, налетающие на кусок сахара, бросились голодные звери на добычу, давили друг друга, вступали между собой в бой, старались отхватить кусок получше. Тогда Мукоки пронзительным свистом подал знак стрелять в волчью стаю.

В течение нескольких секунд ветви кедров освещались молниями, которые сеяли смерть среди волков. Оглушительные выстрелы ружей и кольта заглушали их крики.

За каких-нибудь пять секунд было сделано свыше пятнадцати выстрелов, а затем над Снежной Пустыней вновь воцарилось глубокое молчание бескрайнего белого простора.

Уцелевшие волки разбежались, молчание смерти распростерлось у подножия скалы, изредка прерываемое слабым хрипом раненых, извивавшихся на снегу животных. В гуще кедров раздался металлический лязг заряжаемого снова оружия. Затем Ваби сказал:

– Мне кажется, Мукоки, мы здорово сегодня заработали.

Мукоки в ответ стал слезать с дерева. Мальчики последовали за ним.

Под скалой лежало пять безжизненных тел. Несколько дальше шестой волк делал еще какие-то движения. Мукоки убил его ударом топора. Седьмой забежал дальше, оставив после себя кровавый след. Ваби нагнал его, животное было при последнем издыхании.

– Семь штук! – воскликнул Ваби. – Лучшей охоты я еще не видел. Сто пять долларов за одну ночь. Как будто неплохо, Род?

Они вернулись, волоча волка за собой.

Перед ними стоял, вытянувшись во весь рост, Мукоки; его освещала луна, взгляд был прикован к северу, он застыл в этой позе, как статуя.

Заметив мальчиков, индеец показал рукой на горизонт и, не поворачивая головы, сказал:

– Смотрите!

В указанном направлении мальчики заметили черный дым и красноватое пламя; на бледном фоне лунного света оно стелилось мрачной тенью по Снежной Пустыне. Пламя поднималось и росло, дым становился все гуще, казалось, что грозный пожар залил потоками огня и лес и равнину.

– Это горит сосна! – сказал Ваби.

– Да, горит сосна! – подтвердил старый следопыт и при этом добавил: – Огненный сигнал племени Вунга!

Глава XII
Родерик исследует таинственную ложбину

Ваби и Мукоки молча смотрели на охваченную пламенем сосну. Роду казалось, что до нее не более одной мили. Молчание своих спутников молодой человек считал дурным признаком.

В глазах Мукоки сверкал какой-то странный огонек, подобный тому, который вспыхивает у дикого зверя, когда тот, разъяренный, готовится к прыжку. В лицо Ваби ударила кровь и залила его яркой краской. Род видел, как он трижды поглядел на Мукоки, и глаза его тоже не предвещали ничего хорошего.

Точно так же, как в голове хищного Волка вспыхнули заглохшие было охотничьи инстинкты и разгорелась жажда дикой воли, так и в душе старого индейца и более юного

Ваби, лишь наполовину принадлежавшего к белой расе, медленно подымались исконные инстинкты индейского племени.

Сквозь медную кожу, покрывавшую их тела, Род читал в тайниках их душ. Он понимал, что ненависть к старому врагу, к племени Вунга, долго сдерживаемая, снова вспыхнула в них. Представлялся случай насытить жажду мести, и они этого случая не упустят.

В течение еще пяти минут высокая сосна метала снопы огненных искр. Потом пламя стало стихать, и ствол дерева превратился в груду угля. Мукоки все еще свирепо вглядывался в даль и молчал. Наконец Ваби прервал молчание.

– На каком расстоянии они от нас, Муки?

– На расстоянии трех миль, – ответил не задумываясь старый индеец.

– В сорок минут мы сможем покрыть это расстояние?

– Да.

– Тогда Ваби обратился к Роду:

– Вы сможете сами найти путь в нашу хижину?

Не решусь сказать «нет». Но если вы пойдете туда, я последую за вами.

Мукоки хрипло рассмеялся и принял разочарованный вид.

– Нет, – сказал он важно и покачал головой. – Не идти туда! Пять минут сосна потухнуть. Мы не найти лагерь Вунга. Надо пойти отсюда, утром найти хороший след. Лучше подождать. Мы найти днем их след и тогда стрелять.

Решение Мукоки не пускаться в дальнейшие авантюры сегодня ночью было чрезвычайно большим утешением для Рода. Не потому, что он боялся боя, наоборот, он охотно пострелял бы в этих бродяг, объявленных вне закона, похитивших его ружье. Но холодный рассудок людей его племени подсказывал ему также, что сейчас благоразумнее избегать встречи с вунгами, двинуться на север и спокойно продолжать расстановку капканов. Сейчас лучше было пожертвовать своим ружьем. А кроме того, это превращение охоты на зверя в охоту на человека расстраивало те планы, которые он не переставал вынашивать в себе. Он хотел найти золото!

«Золотые копи скелетов», как он их окрестил сам, всецело завладели его мыслями. Битва с вунгами означала, быть может, переход в другие районы. Ваби сам допускал это, ведь враг мог оказаться многочисленнее. А уйти отсюда Род не хотел ни за что.

Ваби и Мукоки приступили к скальпированию волков, а остаток убитой лани они отдали Волку, чтобы он насытился до отвала.

Было уже часа два ночи, когда охотники вернулись в свою хижину. Растопили печку и по обыкновению стали беседовать о событиях дня, а также о тех, которые, быть может, сулит им завтрашний день.

Род не мог не оглянуться мысленно назад, не вспомнить, с какой радостью он устраивался здесь всего несколько дней тому назад. Место было идеальное, он был твердо убежден, что никакая опасность со стороны вунгов ему не грозит. Теперь же, напротив, они знали, что в любую минуту на них могут напасть, что им придется биться насмерть, что они должны будут покинуть этот мирный приют.

Их беседа превратилась в своего рода военный совет. Было по становлено с завтрашнего же дня приспособить старую хижину к длительной осаде, со всех сторон пробить бойницы, заменить засовы и ставни более крепкими, чтобы они могли служить солидными баррикадами в случае нападения. Кроме того, охотники решили, что один из них будет всегда находиться в хижине настороже, а двое других расставлять и снимать капканы.

На следующий день сторожить хижину остался Род. Яркий, залитый солнцем день несколько рассеял тревоги ночи. Мальчику посчастливилось убить великолепного оленя, когда тот взбирался на снежный холм, расположенный на противоположном берегу озера. Затем, поджидая возвращения товарищей, он стал обдумывать свои личные планы.

Громадные снежные глыбы зимней поры не затопили еще мрачной бездны, которую он собирался исследовать. Было бы благоразумно не дожидаться снежных бурь, которые скоро покроют своими белыми хлопьями ложбину и сделают ее неприступной. Он извлек из тайника, сделанного в дровяной кладке, мешочек из оленьей кожи и вынул оттуда золотые самородки.

Он заметил, что какое-то трение великолепно отполировало их, смягчило и округлило все острые углы. Когда Род был в колледже, он питал некоторую слабость к занятиям минералогией и геологией. Он знал хорошо, что только проточная вода могла так хорошо отполировать самородки, и отсюда он заключил, что их нашли либо в русле реки, либо на ее берегах. Этой рекой был вероятнее всего поток таинственной ложбины. В этом Род был твердо убежден.

Когда Мукоки и Ваби вернулись вечером домой, они принесли с собой добычу: первый поймал красную лисицу и норку, второй – кошку-рыболова, вид которой напоминал Роду щенка. К несчастью, новые подозрительные следы были замечены Мукоки. Старый индеец нашел остатки сгоревшей сосны и вокруг нее открыл свежие следы трех пар лыж. Очевидно, огненный сигнал привлек сюда трех индейцев. Проложенные ими тропы, переплетаясь и извиваясь, терялись в неизвестном направлении, но в одном месте пересекали линию расставленных капканов.

Поэтому охотники пришли к заключению, что отныне при снятии капканов им не следует отдаляться друг от друга, а, наоборот, быть всегда вместе.

Следующая неделя оказалась более спокойной и очень богатой добычей. След вунгов исчез. Собранные меха и скальпы волков представляли уже маленькое состояние. Если ничего не случится, с первыми весенними днями оно будет доставлено в Вабинош-Хоуз.

Так продолжалось еще недели две, и Род с блаженством помышлял уже о своем домике, расположенном в нескольких сотнях миль отсюда, о матери, которая его ждала. Он мечтал также о Миннетаки и днем и ночью, высчитывая, сколько времени еще им осталось до возвращения в факторию.

Наступил между тем час, когда Род смог осуществить план, который он взлелеял в своей душе, – обследовать ложбину. Мукоки и Ваби не приняли участия в этой экспедиции, считая все это предприятие химерой. Родерик решил действовать на свой страх и риск.

Стоял конец декабря. Был день дежурства Ваби, и Мукоки, как будто совсем забывший о существовании вунгов, отправился снимать капканы. Род, захватив продовольствие, вооружился ружьем Ваби и двойным запасом патронов, засунул за пояс топор и ко всему этому грузу прибавил еще хорошее, теплое одеяло.

Снарядившись таким образом, он двинулся в путь, а Ваби, стоя на пороге, смеялся ему вслед.

– Желаю вам удачи, Род! – крикнул он насмешливо, посылая ему рукой прощальный привет.

– Если не вернусь сегодня вечером, – ответил Родерик, – не портите себе кровь из-за меня! Если дело примет удачный оборот, разобью там свой лагерь, чтобы с утра вновь приняться за поиски.

Когда Род добрался до места, он, не теряя времени, перешел на другую сторону холма, расположенного против ложбины. Он еще раньше пришел к заключению, что со стороны дороги, по которой он шел, спуск невозможен. Следуя этими холмами, хотя еще и не обследованными, он тем не менее не подвергался опасности сбиться с дороги. Ложбина все время указывала ему путь.

К великому своему разочарованию, он вынужден был признать, что и южные стены этой бездны так же отвесны, как и северные: два часа подряд он тщетно искал какой-нибудь щели, куда бы мог пролезть и начать спуск.

Горный хребет стал покрываться лесом, почти на каждом шагу виднелись следы лесной дичи. Но Род не обращал на них внимания. Его интересовало другое обстоятельство: деревья все ниже спускались к пропасти и в конце концов покрывали ее. Юноша понял, что, привязав себя длинным ремнем от своих лыж к дереву, он сможет при помощи рук приступить к спуску.

На этот раз Род не обманулся в своих надеждах, и через пятнадцать томительных минут, в полном изнеможении, но торжествуя победу, он оказался на дне ложбины.

Над ним с одной стороны высился лес, с другой – черные скалистые стены. У его ног резвился тот самый маленький поток, которому он в мечтах своих приписывал первостепенную важность. В одних местах поток был скован льдом, в других быстрота его течения сломала ледяной покров.

Родерик, продвигаясь вперед, приближался к самой узкой части ложбины, к той, на которую он бросал сверху такие жадные взгляды. Там царил мрак, жуткий и безмолвный, как в могиле. Мальчику казалось, что души мертвецов стоят на пороге этого волшебного мира и стерегут его сокровища, но тем не менее глаза его весело блестели.

И он продолжал идти все дальше и дальше. Коридор, которым он шел, становился все уже. Высокие стены сдвигались над его головой, и темнота становилась все гуще. Никаких звуков, только монотонный шум потока, обдававшего своей пеной скалистые стены. Ни шепота деревьев или кустарников, ни пения птиц, ни чмоканья белок. Все спало здесь мертвым сном. Только временами Род слышал, как проносился там, в вышине, порыв ветра, но дуновение его не долетало сюда, в бездну. Снег заглушал шум даже его собственных шагов. Лыжи он прицепил на спину.

Вдруг он вздрогнул. Град мелких камней посыпался к его ногам с таким шумом, что среди этой тишины казался грохотом падающей лавины, и порыв ветра ударил ему в лицо. Он остановился, повел плечами. Но то была только большая сова, которую Род потревожил в ее дыре.

Родерик продолжал свой путь по течению потока. На каждом шагу он останавливался, поднимал целыми пригоршнями камни и гальки, беря их из русла потока или с его берега. С сильно бьющимся сердцем он рассматривал их, когда позволял ему луч света, пробивавшийся сверху. Иногда ему казалось, что камень играет и другим светом, и тогда трепет охватывал его… Но Род ничего не находил. И тем не менее ничто не могло омрачить его веры. Наоборот, его уверенность росла и крепла. Золото таилось где-то здесь, непременно здесь!

Что-то неуловимое, неведомое, таинственное, носившееся в воздухе, влекло его за собой. Его поступь стала легкой, воздушной, как будто он опасался шумом шагов разбудить своего заклятого врага, и вдруг он увидел его перед собой: это было живое существо; оно не слышало его шагов и потому казалось бесстрашным зверем. Но это была только лисица. Не успело животное заметить его присутствие, как он прицелился и выстрелил.

Снег заглушал шум даже его собственных шагов. Лыжи он прицепил на спину.

Эхо повторило выстрел много раз, и он, как гром, пронесся над бездной. Раскаты его грохотали в жутком мраке, отскакивали от одной стены, ударялись в другую и вновь повторялись, все более и более затихая. Это было так страшно, что Род два раза вздрогнул и стоял, как прикованный к месту, пока не заглох вдали последний отзвук раскатов. Только тогда он подошел к лисице, замертво упавшей на снег.

И вдруг глухая бездна огласилась человеческим криком радости:

– Серебристая лисица!

В течение нескольких минут Род любовался своей добычей. Судя по тому, что рассказывали ему Ваби и Мукоки, шелковистый мех одного этого зверька стоил больше, чем все шкуры, собранные уже в их хижине.

Очарованный несомненным величием этого места, Род забыл бег часов. Он отмахивал милю за милей. Только раз остановился, чтобы утолить свою жажду. И, когда посмотрел на часы, с удивлением заметил, что было уже три часа дня.

Сейчас нельзя было и помышлять о возвращении домой. Через час спустится ночь и соединит свою темноту с мраком ложбины. На ближайшем удобном месте Род сделал привал, сбросил на землю мешок и расположился под защитой нависшего над ним утеса.

Глава XIII
Сон Родерика

А пока наш юный авантюрист подкреплял свои силы, расположившись под небом, усеянным звездами, узенькая полоска которого едва виднелась над тесной ложбиной, безмолвный холод все крепче и крепче окутывал его.

Шорох дикого ночного бродяги, скользившего по краю пропасти, дрожью отозвался на его нервах. Не потому, что Родерику было страшно. Он гнал от себя страх. Но в этих местах, где не ступала до него нога человека – разве только полвека тому назад, – не у него одного содрогнулось бы сердце.

Чтобы прогнать от себя все мрачные мысли, он стал смеяться нарочно громко. Но эхо точно зло издевалось над ним, отбрасывая смех обратно, и он дробью рассыпался, ударяясь о скалы. Это был не смех, а какой-то жуткий призрак смеха, и Род перестал смеяться и ближе подсел к огню.

Юноша не питал преувеличенной веры в сверхъестественные силы. Но разве здесь не казалось все чудесным? Несмотря на усталость, он не мог заснуть. Он тщетно старался отогнать от себя видение двух скелетов, тех самых, что нашел в старой лачуге. Он думал, что эти скелеты еще в то время, когда они были живыми людьми, за много лет до его рождения, вот так же, как и он, топтали дно этой ложбины, пили из этого же потока, взбирались на эти же скалы, быть может, на этом же самом месте устроили привал. Подобно ему, они прислушивались к жуткой тишине, грелись у колыхающегося пламени своего костра, тени которого играли на этих же самых стенах. И то, чего он еще не нашел, они нашли: золото здесь!

Тоска, душившая Рода, стала до такой степени мучительной, что если бы взмахом волшебной палочки можно было перенестись здравым и невредимым обратно к своим спутникам, у него не хватило бы мужества сказать сейчас: «Нет, я остаюсь».

Он продолжал прислушиваться и вдруг далеко позади себя услышал крик, жалобный, как призыв о помощи:

– Алло… алло… алло!

Точно перекликались человеческие голоса. Но Род знал, что так кричит, пробуждаясь от сна, «филин-человек», как его назвал Ваби. Эхо посылало ему этот призыв, повторяя и множа его, точно хор призрачных голосов шептал ему на ухо, прорезая ночную тьму:

– Алло… алло… алло!

Мальчик в смущении взялся за ружье, положил его на колени. Лучшего подкрепления и не надо было. Он гладил ружье рукой, ему страшно хотелось побеседовать с его стальным дулом. Только те, кто углубляется в чащу тайги, могут понять, что значит там доброе ружье для человека. Это верный друг во всякое время дня и ночи, всегда послушный тому, кто им владеет, доставляющий ему пищу и посылающий смерть его врагам. Это верный сторожевой пес, который никогда не предаст. Это верный хранитель спящего. Таким было ружье и для Рода. Он ласкал его своей рукавицей, как друга, от дула до приклада, и хотя решил провести всю ночь без сна, но под конец все-таки заснул, прижимая его к своей груди.

Для сна он устроился очень плохо: он не то сидел, не то лежал, скорчившись, ноги были протянуты к огню, голова упиралась в грудь подбородком. Сон Рода был чрезвычайно тревожен, его страхи воплощались в сновидениях. Временами он говорил во сне, и тогда с его уст срывались непонятные речи. Он то вскакивал, точно просыпаясь, то вновь успокаивался, но все время судорожно сжимал ружье.

Его видения, казалось, принимали все более и более определенные формы. Он видел себя идущим обратно по проложенным следам и возвращающимся в старую лачугу. Он был

один. Окно было широко раскрыто, но дверь была наглухо забита, как в тот день, когда оба его товарища и он сам впервые открыли ее.

Он приближался к ней осторожно. Когда подходил к окошку, услышал шум внутри лачуги… странный шум, как будто лязг костей.

Шаг за шагом он продвигался ближе и вот заглянул. Ужасное зрелище, которое представилось ему, приковало его к месту! Два громадных скелета бились в смертной схватке. Он слышал лязг ударявшихся друг о друга костей: «клик, клик, клик». Видел, как между костями их пальцев сверкали лезвия их ножей, и понял, что они бились за обладание предметом, который лежал на столе. Они уже почти настигали его, то один, то другой, попеременно, и все-таки ни один, ни другой не мог овладеть им.

Лязг костей становился все сильней, бой ожесточеннее. Ножи поднимались и опускались, не зная отдыха. И вдруг наступил момент, когда один из скелетов откинулся назад и тяжело рухнул на пол.

Скелет-победитель зашатался на своих берцовых костях и, с трудом удерживая равновесие, качаясь из стороны в сторону, добрался до стола и схватил своими костями таинственный предмет.

Спотыкаясь, он сделал несколько шагов, прислонился к стене лачуги, победным жестом высоко подняв в воздух этот предмет, и тут Род увидел, что то был свиток из березовой коры.

В этот момент в костре потухла головешка с таким треском, что он казался выстрелом из небольшого револьвера. Род вскочил, точно вскинутый пружиной, широко раскрыв глаза и дрожа всем телом.

Какой страшный сон! Он подобрал под себя затекшие ноги, поправил огонь, не выпуская из рук ружья. Да, действительно, страшный сон! Он оглянулся вокруг себя: ночь и утесы – его тюрьма, но воспоминание о жутком сне не оставляло его. И он не переставал повторять:

– Какой страшный сон! Страшный… да, страшный.

Когда успокоился его взволнованный мозг, он опять остановился у костра и смотрел в пламя, которое снова весело разгоралось. Тепло и свет огня приободрили его. Он заметил, что весь был покрыт потом. Снял свою каскетку, провел рукою по волосам, погладил лоб – все было влажно.

Затем, уже более хладнокровно, стал восстанавливать в памяти отдельные моменты своих сновидений.

Они появлялись перед ним не один за другим, как это бывает обыкновенно. Нет, тут сразу, с внезапностью ружейного выстрела, встал перед его глазами свиток из березовой коры, который один из скелетов держал в своей костлявой руке. И почти в тот же миг появилось другое воспоминание. Когда его спутники и он зарывали оба скелета, один из них действительно держал в руке кусок березовой коры.

Так не хранит ли этот берестяной свиток тайну потерянного рудника? Не бились ли эти люди и не нашли ли они свою смерть, стараясь завладеть именно этим свитком, а не мешочком из оленьей кожи?

Родерик в одно мгновение забыл и свое одиночество и свой нервный страх. Он думал только о «ключе» к этой тайне, который так неожиданно вручил ему сон. Ваби и Мукоки видели, как и он, березовую кору в руках скелета. Но и они точно так же не обратили на нее внимания. Все думали, что это просто какая-нибудь стружка, которую во время схватки судорожно сжала рука одного из бойцов, когда они, вцепившись друг в друга, катались по земле.

Род вспомнил теперь, что в лачуге не было больше коры. Между тем, если бы эти люди запаслись березовыми дровами для топки своей печи, кора валялась бы по полу. Сон, повидимому, не обманывал его.

Он продолжал поддерживать огонь, с нетерпением ожидая наступления дня. В четыре часа утра, еще темной ночью, он сварил себе завтрак и упаковал свой мешок, готовясь в обратный путь. Потом выждал, когда над ложбиной появилась узкая полоса света, бледным лучом пробилась вниз и едва-едва обозначила очертания окутанных темной тенью предметов.

Род больше не медлил, он пошел вчерашней тропой в обратную сторону. Он следовал по ней с тою же осторожностью, как и раньше, всматриваясь в скалы и снег. Когда Род шел сюда, он встретил признаки зверя. Сейчас он мог бы открыть их столько же, если не больше.

День быстро нарастал, просачиваясь смутным полусветом в мрак ложбины. Род ускорял свой шаг. Он рассчитал, что достигнет стоянки к двенадцати часам, если не задержат его какие-либо новые открытия. Он и его товарищи могли бы сегодня же приступить к откапыванию скелетов. Если березовый свиток действительно хранит тайну утерянного золота, было бы целесообразно вернуться в ложбину прежде, чем сильный снегопад заполнит ее снегом и сделает неприступной.

В том месте, где Род убил серебристую лисицу, он приостановился на мгновение. Он старался припомнить, как выходят из своих нор лисицы, парами или в одиночку, и пожалел, что не осведомился на этот счет у Ваби и Мукоки. Он видел отчетливо на некотором расстоянии от себя лисью нору в скале, откуда показалась голова лисы, и любопытство толкнуло его сделать крюк и подойти к этому месту.

Каково же было его удивление, когда рядом с лисьим следом он обнаружил отпечаток пары лыж!

Кто-то был здесь после его прохода и лисьего бега. Следы лыж действительно заметали следы лисьих лапок. Кто же этот неизвестный? Ваби и Мукоки, пустившиеся в путь за ним? Но в таком случае как же они не встретились? Он тщательнее осмотрел след. Он отличался и длиной своей и шириной как от следа лыж Ваби и Мукоки, так и от его собственных. Этот след мог принадлежать только чужому человеку.

А этот чужой человек застал его здесь или нет? Мальчик не сводил глаз с дороги и держал ружье на изготовку. Он продолжал идти по этой новой тропе, сделав так ярдов сто. Здесь незнакомец остановился, как заключил Род по утоптанному снегу. Несомненно, чтобы прислушаться и его выследить.

Во всяком случае, отсюда путь незнакомца сворачивал в сторону тропы, проложенной белым юношей, соединялся с ним и окончательно с ним сливался.

Род не сомневался уже более, что один из этих злополучных вунгов прошел здесь. Быть может, индеец находится в засаде, за скалой, готовый подстрелить его. Но выход оставался только один – продолжать свой путь. И Род принял именно это решение.

Следы лыж снова раздваивались. Лыжи незнакомца взяли курс налево, в сторону узкой щели, зиявшей в скалистой стене. С ружьем на изготовку, Род последовал туда же. Велико же было его удивление, когда он понял, что щель эта продолжалась и в скале, превращалась там как бы в настоящую расщелину, шириной около четырех футов, и круто поднималась до самой вершины горного хребта, окаймлявшего ложбину. Незнакомец прошел здесь и взобрался по расщелине, сняв предварительно лыжи.

Это обстоятельство было некоторым утешением для Рода. Через эту почти невидимую расщелину неведомый враг удалился, не думая уже о нем.

Но все эти таинственные появления и исчезновения объявленных вне закона индейцев в такой близости от их стоянки внушали в конце концов тревогу. Вопреки оптимизму Ваби и Мукоки, Род не мог не признать, что внезапные и странные передвижения индейцев не поддавались объяснению. У Рода был проницательный ум, весьма интуитивный, умевший строить логические выводы на основании даже таких фактов, которые не приобрели еще полной очевидности.

Для него не было сомнений. Краснокожие знали об их присутствии в старой лачуге. И если они ни разу не показались, если они ни разу не испортили и не унесли их капканов, то тем больше оснований их опасаться.

Тем не менее Род, может быть ошибочно, решил оставить эти подозрения при себе. Он искренне думал, что Ваби и Мукоки, благодаря своему воспитанию, были лучше подготовлены к истолкованию подобных фактов и более компетентны в законах, обычаях и опасностях тайги.

Глава XIV
Тайна скелета

Незадолго до полудня Родерик появился в котловине, где на берегу маленького озера находилась старая хижина. Он был в веселом настроении, так как, за отсутствием золота, нес из ложбины в своем мешке весьма почтенное, хотя и небольшое состояние: шкуру серебристой лисицы. Груз не давил его плечи, и он заранее радовался, каким сюрпризом для Мукоки и Ваби будет его добыча.

Приближаясь к хижине, он нарочно принял вид человека усталого и вконец разочарованного. Это ему удалось, несмотря на тайное желание смеяться от радости. Ваби, поджидая его на пороге, встретил его с насмешливой улыбкой, а Мукоки приветствовал его знакомым нам кудахтаньем.

– Ага, вот и наш Род! – закричал Ваби, смерив его с ног до головы. – Не будете ли так любезны, дорогой друг, немедленно же показать нам ваше пресловутое сокровище?

Но несмотря на эти насмешки, на лице Ваби можно было прочитать, что возвращение товарища было большою для него радостью.

Род жестом отчаяния скинул на землю свой мешок и грузно упал на скамью, как будто совершенно изнемогая.

– Будьте любезны, Ваби, развяжите этот пакет. Я очень устал, умираю от голода.

Ваби, поверив ему, перестал смеяться и проникся к нему жалостью.

– Охотно верю вам, Род. Видно по лицу, как вы устали и, по-видимому, действительно проголодались до смерти. Эй, Муки, изжарь-ка ему бифштекс, только поживее.

Мукоки поспешил распихать котелки, сковородки и кастрюли. А когда Род уселся за стол, Ваби хлопнул его любовно по спине, стал мурлыкать какую-то песенку и тщательно нарезать хлеб.

– Ей-богу, рад вас видеть. Я начал уже беспокоиться. В ваше отсутствие мы с Мукоки собрали обильную жатву с наших капканов. Раздобыли лисицу-крестовку (вторую по счету) и трех норок. А вы подстрелили что-нибудь?

– Загляните в мой мешок.

Ваби повернулся к пакету.

– А разве там есть что-нибудь? – спросил он с любопытством и недоверием.

– Но посмотрите же сами, милые мои! – воскликнул Род, забыв от радости комедию, которую разыгрывал. – Я всегда говорил вам, что в ложбине хранятся сокровища. И вот я одно нашел. Загляните скорее в мешок, если вам интересно!

Ваби бросил нож и подошел к мешку. Толкнув его ногой, пощупал рукой и снова посмотрел на Рода.

– Вы не шутите? – спросил он.

– Нисколько. – И, повернувшись спиной к Ваби, Род стал снимать свою охотничью куртку совершенно спокойно, как будто приносить серебристых лисиц было для него самым обычным делом.

Он обернулся только тогда, когда Ваби пронзительно вскрикнул и поперхнулся; тут он увидел, что Ваби извлек уже лисицу из мешка и показывал ее Мукоки, который удивленными глазами смотрел на столь редкий трофей.

– Хороша? – спросил Род.

– Чудо! – пролепетал Ваби.

Мукоки в свою очередь взял лисицу и осматривал ее с видом знатока.

– Очень короша, – сказал он. – На фактории ему стоить пять сто долларов! В Монреале на три сто больше.

Ваби сделал шаг в сторону Рода и, протягивая ему руку, сказал:

– Ну, ударьте-ка!

И в то время, как они крепко пожимали друг другу руки, Ваби обратился к Мукоки:

– Муки, вы можете засвидетельствовать, что сей джентльмен отныне перестал быть учеником, – провозгласил он. – Он убил серебристую лисицу. Таким образом, он в один день сделал дело целой зимы. Я низко снимаю перед вами шляпу, мистер Дрюи!

Краска, залившая лицо Родерика, служила лучшим доказательством его радости и гордости.

– Но это не все еще, Ваби, – прибавил он.

Его глаза ярко блестели, а Ваби не переставал пожимать ему руки.

– Не хотите ли вы сказать, что вы нашли…

Род прервал его:

– Нет, золота я не нашел. Тем не менее я знаю, что оно там. Но я обладаю ключом к тайне. Вы, как и я, вероятно, помните, что один из скелетов, который стоял тут, прислонившись к стене, держал кусок березовой коры? Так вот, эта кора, я в этом убежден, – ключ к золотым россыпям.

Мукоки приблизился и стал жадно прислушиваться к словам Рода. Ваби и сомневался, и как будто подчинялся убедительности его речи.

– Возможно, – в конце концов сказал он. – Во всяком случае, можно посмотреть.

Он подошел к печке и снял с нее бифштекс, уже наполовину поджарившийся. Род надел свою куртку, надел каскетку, а Мукоки вооружился лопатой и заступом. Между охотниками состоялось как бы молчаливое соглашение отложить обед.

Ваби был молчалив и задумчив. Это доказывало Роду, что его соображения произвели свое действие. Что касается Мукоки, то его глаза сверкали, как в тот день, когда они нашли первые самородки.

Скелеты были зарыты на ничтожной глубине, в мерзлую землю, на опушке кедрового леса, и Мукоки очень скоро извлек их на божий свет. Прежде всего показалась рука, судорожно сжимавшая берестовый свиток. Род встал на колени, чтобы вынуть его.

Прикоснувшись к холодным костям, он вздрогнул, но разжал костяные пальцы. При этом один из них как-то сухо хрустнул, а когда Род, выполнив свою мрачную задачу, поднялся, уже держа в руке свой свиток, на нем не было лица. Скелеты они сейчас же снова забросали землей, после чего вернулись в свою хижину.

Они уселись вокруг стола, все так же молча, сильно волнуясь, и стали разворачивать свиток. Последний от времени высох и сморщился. Он был тонок и крепок, как стальная пружина. Медленно, дюйм за дюймом, они развертывали его, при этом время от времени раздавался слабый треск и казался робким протестом против участи, которой его подвергали. Свиток представлял из себя непрерывную ленту длиной около десяти дюймов и шириной дюймов шесть.

Вначале эта лента была чистой и белой. Сперва она развертывалась легко, потом стала сопротивляться.

– Осторожно! – прошептал Ваби.

И кончиком ножа стал соскабливать слипшиеся части.

– Кажется, что нет ничего… – робко сказал Родерик.

Развернули ленту еще на два или три дюйма, и вдруг показалась какая-то черная метка, значение которой было трудно понять. От нее шла черта и терялась в свернутой части свитка.

В этот момент березовая кора внезапно развернулась во всю свою длину, и на столе оказался пресловутый ключ к тайне в виде какого-то чертежа, по крайней мере, в глазах наших охотников.

Скорее это была диаграмма, довольно грубо сделанная, ряд прямых линий и завитков; то тут, то там виднелось слово, другое, частью уже стершееся, служа как бы некоторым пояснением к чертежу. Некоторых слов совершенно нельзя было разобрать.

Но что прежде всего привлекло внимание наших друзей, так это несколько слов, написанных вполне четко и ясно выделявшихся на плане.

Родерик вслух прочитал:

– «Джон Болл, Анри Ланглуа, Пьер Плант».

Вдоль слов «Джон Болл» была проведена широкая черная черта, которая почти совершенно зачеркивала их, а в конце всей строчки, образованной этими тремя подписями, стояло в скобках другое французское слово. Слово, которое Ваби тотчас же перевел:

– Умер. – И он добавил с чувством негодования: – Джон Болл умер. Французы убили его.

Родерик не ответил. Он склонился над берестовым свитком и водил по его линиям дрожащим пальцем. Первое слово, которым сопровождалась диаграмма, было совершенно неразборчиво. В следующем слове можно было разобрать только одну букву, по которой нельзя было догадаться, что оно означало.

Род тем не менее продолжал свои изыскания. Добравшись до точки, откуда поперечная линия, более широкая и извилистая, чем другие, пересекала основную черту, он смог отчетливо прочесть следующие слова: «второй водопад».

Затем, на расстоянии полудюйма, виднелись разбросанные в различных местах буквы: *… т… в… д… д…*

– Это означает, – пояснил Род, – третий водопад.

Тут прерывались линии чертежа. Можно было догадаться о существовании еще нескольких строк в этом же углу, между последним словом и тремя подписями, но не было никакой возможности расшифровать их, до такой степени побледнели чернила.

А между тем именно эти строки, по всей вероятности, служили разгадкой тайны потерянного золота.

Род поднял глаза, и отчаяние отразилось на его лице. Он знал теперь, что в этих уничтоженных временем строках заключалась тайна, сторожившая громадное богатство. Но раскрыть ее он никак не мог. Все, что ему дано было знать, заключалось в том, что где-то в широких таежных пространствах скрываются три водопада. А между вторым и третьим из них, в не ведомом никому месте, один англичанин и два француза нашли золото.

Где же? Где находятся эти водопады? Род не встретил ни одного в ложбине, и ни одного не было в окрестностях старой лачуги. Много раз все это пространство было обследовано тремя товарищами и во время их охотничьих набегов, и во время установки капканов.

Вдруг Ваби, поглядывая на Рода и что-то соображая, взял берестяной свиток и стал пристально его рассматривать.

– Ах, черт побери, – воскликнул он, – надо же соскоблить эту кожицу! Смотри, Муки, нет ничего легче! – И он протянул свиток старому индейцу и тут же пояснил Роду: – Березовая кора состоит из нескольких слоев, причем каждый слой тоньше самой тонкой бумаги. Чернила должны были просочиться через несколько таких пленок. Если нам удастся снять

верхнюю кожицу, из-под нее выглянет следующая, и надпись на ней, уверяю вас, будет такой же свежей, какой была пятьдесят лет тому назад.

Мукоки, подойдя к свету, пробивавшемуся из открытых дверей, сейчас же принялся за работу и, состроив свою добродушную гримасу, закричал мальчикам:

– Хорошо сдираться!

Действительно, бесконечно тонкая пленка сходила легко. В течение получаса он усердно трудился над этим деликатным делом, а Род и Ваби с восхищением наблюдали за ним. Когда он разогнул свою спину, задача была уже решена.

Род и Ваби, получив березовую ленту в свои руки, издали громкий крик радости. Искаженные временем слова можно было прочитать теперь превосходно. Там, где раньше виднелись только четыре буквы, появились разгаданные Родом слова: «третий водопад». Рядом стояло слово «хижина». Его окружал ряд исписанных строк.

Род вслух прочитал их:

– «Мы, Джон Болл, Анри Ланглуа и Пьер Плант, найдя золото у третьего водопада, настоящим постановляем общими силами добывать означенное золото. Мы приглашаем друг друга забыть наши прошлые ссоры и работать совместно в общей компании, добросовестно и честно относясь друг к другу. Да поможет нам Бог!

Джон Болл, Анри Ланглуа, Пьер Плант».

В верхнем углу чертежа стояли и другие слова, менее разборчивые, но Роду удалось расшифровать и их также. И вот тут-то его волнение достигло апогея. Язык прилип к гортани, и на этот раз Ваби, прерывистое дыхание которого жгло ему щеки, прочел следующие слова:

– «Здесь хижина и на краю ложбина».

Мукоки, выслушав столько чудес, почти оглушенный ими, стал подумывать об обеде и потому снова поставил на огонь лосиный бифштекс. Через несколько минут, придя в себя, Ваби сказал:

– Итак, Род, вы нашли ваши золотые копи! Ясно, что речь идет о маленьком потоке, который бежит в ложбине. Вот вы и богатый человек!

– Пожалуйста, не мои, а наши золотые копи, – быстро поправил юноша Ваби. – Нас трое. Да, нас тоже трое, и наш союз явится, понятно, правопреемником Джона Болла, Анри Ланглуа и Пьера Планта. Они умерли. Золото принадлежит нам.

Ваби снова приступил к изучению берестяной карты.

– Мне кажется, – сказал он, – совершенно невозможным, чтобы мы не нашли этого места. Указания, полученные нами, ясны как день. Нам надо дойти до ложбины, на известном расстоянии от нее мы встретим первый водопад. Мы идем дальше, и здесь поток, становясь быстрее, делает второй скачок. Вот хижина, и недалеко от нее – золото!

Он подошел к дверям, в руках у него была кора. Род присоединился к нему.

– Я старался определить местонахождение золота, но никаких указаний на этот счет не нахожу, – сказал Ваби. – Как думаете, Род, сколько миль вы сделали в ложбине?

– По меньшей мере с десяток!

– И вы не встретили ни одного водопада?

– Ни одного!

При помощи сучка Ваби старался определить расстояние между отдельными пунктами, отмеченными на чертеже.

– Не сомневаюсь, – сказал он, – что эта карта была составлена Джоном Боллом. Вы, вероятно, заметили, что все надписи сделаны одной рукой, кроме подписей Ланглуа и Планта. Последние представляют страшную мазню. Болл, напротив, пишет грамотно; по-видимому, он был человеком хорошо образованным. Вы согласны с этим? А следовательно,

было бы очень странно, если бы на своем чертеже он не придерживался какого-нибудь определенного масштаба. Расстояние между первым и вторым водопадом вдвое меньше расстояния, отделяющего последний от третьего. Это, очевидно, не случайно.

Род согласился.

– Отсюда надо заключить, – сказал он, – что стоит только найти первый водопад, как мы сможем определить приблизительную длину пути к остальным.

– Совершенно верно, – подхватил Ваби.

– Я исследовал ложбину на расстоянии десяти миль. Допустим, что мы найдем водопад на пятнадцатой миле. Следовательно, судя по чертежу, второй водопад будет на расстоянии двадцати миль от него, а третий на сорок миль дальше. В общем итоге это составит путь приблизительно в семьдесят пять миль.

Ваби вынужден был признать, что вывод сделан правильно. Он смущенно почесал голову.

– Будем исходить из ваших данных, – сказал он. – Третий водопад, хижина и золотая жила находятся отсюда на расстоянии от семидесяти пяти до ста миль. Но тогда, черт возьми, почему же эти три человека очутились в этой лачуге, где мы находимся сейчас, и притом с небольшой пригоршней золотых самородков? Не сыграло ли золото злой шутки с ними? Быть может, они и нашли-то всего-навсего содержимое этого мешочка из оленьей кожи?

– Это соображение имеет основание, – произнес Род.

В этот момент и Мукоки, ставивший бифштекс на печку, подал свой голос:

– Может быть, они ходить на факторию за продовольствием.

Ваби подскочил.

– Муки, ты разрешил загадку! Все теперь распутывается.

С минуту он молчал, а потом стал объяснять свою мысль:

– Конечно, я могу ошибаться, но вот как можно было бы восстановить всю картину этого происшествия. Во-первых, Болл и оба француза могли случайно или каким-либо иным образом открыть золотую жилу. Они стали рыть землю и рыли ее, пока не истощилось продовольствие. Во-вторых, они, вероятно, собрали некоторое состояние, маленькое или большое, мы этого в точности не можем знать. Когда продовольствия не стало, было решено, что оба француза пойдут за подкреплением на факторию. Вабинош-Хоуз был в то время ближайшим пунктом, куда они могли бы адресоваться. Прежде чем пуститься в путь, они убивают Джона Болла, чтобы затем овладеть его долей золота. В-третьих, они отправляются в путь, захватив с собой ровно столько золота, сколько надо было, чтобы расплатиться за товары. Быть может, было действительно неблагоразумно разжигать зависть других авантюристов, с которыми они могли столкнуться в фактории. Несколько же самородков могли не обратить на себя внимания. Добравшись до этой хижины, они сделали привал. Тут Планту или Ланглуа, во всяком случае одному из них, приходит на ум отделаться от своего компаньона, как они отделались уже от Болла, завладеть чертежом, мешочком с самородками и, наконец, всем запрятанным богатством. Они вступили в драку и убили друг друга. Вот и все!

– Браво! – воскликнул Род. – У вас удивительная сообразительность, Ваби.

– И богатства, собранные ими, мы найдем зарытыми где-нибудь вблизи третьего водопада.

Но Мукоки помешал мальчикам достроить их воздушные замки:

– Обед подан! – закричал он.

Глава XV
В снегу

До сих пор Род не сказал ни слова о таинственных следах, которые он заметил в ложбине. Свиток из березовой коры всецело захватил приятелей.

Когда же волнение улеглось и все приступили к еде, молодой человек рассказал о странном появлении и исчезновении вунга, по всей вероятности какого-нибудь лазутчика. Но Род не выдал своей тревоги. Ему хотелось, чтобы и Ваби, и Мукоки наслаждались блаженством покоя. Они не могли понять поведения вунгов. Факт тот, что вунги по каким-то загадочным причинам точно так же, как и они, старались избежать встречи, не попадаться им на пути. Они избегали и прямого нападения и засады, которую так легко было устроить в этих местах. Явная пассивность неприятеля, бродившего тем не менее вокруг и около них, была в высшей степени странной. Но покой, который царил сейчас, успокаивал Ваби и Мукоки. Быть может, они думали, что для тревог будет еще время, когда опасность станет более реальной.

Рассказ Рода не произвел какого-нибудь особенного впечатления, и все стали разрабатывать план открытия трех водопадов.

Было решено первые изыскания поручить Мукоки, человеку более выносливому, чем оба мальчика, и лучшему, чем они, ходоку. На следующий день, снабженный провиантом, он должен был с утра двинуться в путь, а Род и Ваби заняться в его отсутствие капканами.

– Мы должны найти, по крайней мере, первый водопад, прежде чем вернемся в факторию, – заявил Ваби. – Таким образом, у нас останется хоть некоторая, быть может мнимая, уверенность, что наши выводы правильны. Но если наша конечная цель отстоит действительно на сто миль отсюда, то нам придется отказаться от поисков золота в этом сезоне. Мы вернемся в Вабинош-Хоуз и там спокойно подготовим новую экспедицию, возобновим запасы продовольствия и подберем подходящие орудия. Сделать это можно будет не раньше будущей весны, после таяния снегов и наводнений, которые за ним следуют.

– Это и я думал, – сказал Род, – но тогда я не буду уже с вами. Вы ведь знаете, Ваби, что у меня есть мать и что она одна-одинешенька.

И на глаза его навернулись слезинки.

– Да, я знаю, – сказал Ваби, положив руку на плечо товарища.

– Вероятно, ее ресурсы сейчас истощились. Быть может, она была больна или больна сейчас. Все надо предвидеть…

– Конечно, вы должны вернуться к ней, получив деньги за пушнину! – горячо закончил Ваби мысль Рода. – Пожалуй, я смогу даже сопровождать вас. Как думаете, будет ей приятно снова повидаться со мной?

– Ну конечно! – воскликнул Род. – Она любит вас так же, как и меня, Ваби! Она будет хлопать в ладоши, когда увидит вас… Вы говорите серьезно? Да?

– Определенно я ничего не могу обещать. Могу сказать вам только одно: если только смогу, то поеду с вами.

– А ты, Мукоки? Хочешь поехать с нами?

Старый индеец состроил свою гримасу, закудахтал, заворчал, но не проронил ни слова.

Ваби ответил за него:

– Ему хочется, – сказал он, – остаться при Миннетаки. Он ее настоящий раб. Знаете вы это, Род? Нет, нет, Мукоки не поедет, держу пари. Он останется в фактории и будет охранять мою сестру, чтобы она не пропала, не поранила себя или не была снова похищена вунгами. Так, Мукоки?

Мукоки качнул головой сверху вниз, и на лице его показалась блаженная улыбка. Потом он пошел к выходу, открыл дверь и выглянул наружу.

– Снег! – закричал он. – Снег! Двадцать пять тысяч дьяволов!

Старый индеец произнес самое страшное свое проклятие, которым пользовался только в случаях чрезвычайной важности.

Род и Ваби хором вторили ему. Ни разу еще юный горожанин не видал такого снега в северной тайге. Наступал час великого снегопада, обычного в полярных странах. В этом году он сильно запоздал.

Снежные хлопья падали мягко и лениво, ни малейшее дуновение ветра не колыхало их. Спускалась белая и безмолвная стена, глухая, непроницаемая для глаза и такая густая, что казалось, воздух сжимается под ее тяжестью так, что становилось невыносимо трудно дышать.

Род подставил ладонь руки, и в один миг на ней вырос целый холмик снега. Он переступил порог и сейчас же превратился в снежный пригорок, едва распознаваемый товарищами. Когда через минуту он вошел в хижину, его покрывал густой слой снега.

Снег валил беспрерывно весь день и всю ночь.

Утром Род услышал порывы ветра. Ветер завывал, свистел и ревел в ветвях соседних деревьев и ударялся в стены старой хижины. Род встал, раздул огонь в печке, Ваби и Мукоки все еще спали.

Он попытался отворить дверь. Дверь оказалась заваленной снаружи. Он открыл окно, и целая глыба снега свалилась на него. Нигде не было видно просвета.

Обернувшись, Род заметил Ваби. Он завернулся в свои одеяла и посмеивался над Родом, который оцепенел от удивления и страха.

– Итак, милый друг, что же стряслось на этом злополучном свете? – спросил Ваби с печальным вздохом. – Не собирается ли снег похоронить нас с вами?

– Надеюсь, что нет, – ответил Род, бросив тревожный взгляд на печь, где потрескивал огонь. – Похоронить нас, Ваби…

– Во всяком случае, мы еще не в могиле. Если судить по этому славному огоньку, труба еще торчит на крыше.

Проснулся и Мукоки, расправил свои члены. В это время сильный порыв ветра с ревом ударил в хижину.

– Ветер дуть очень сильный, – сказал Муки. – Сейчас дуть еще сильнее.

Род отбросил лопатой снег, упавший в их лачугу, и захлопнул окно. Его товарищи стали одеваться.

– Вот вам и работа на целую неделю, – заявил Ваби, – придется вытаскивать капканы, занесенные снегом. И только великий дух, которого так обожает Муки, знает, когда прекратится эта метель. Недаром он насылает столько благ на его землю, включая и эту прелесть. Пожалуй, теперь не время разыскивать наши водопады.

– Остается только сыграть в домино, – подсказал несколько успокоенный Род. – Я хорошо помню партию, которую мы начали с вами в Вабинош-Хоузе, давайте ее кончать. Но скажите, Ваби, вы действительно уверены, что снег, выпавший за вчерашний день и сегодняшнюю ночь, не похоронил под собой нашей хижины?

– Наверное, похоронил бы, если бы наша лачуга и озеро не находились в котловине, доступной ветрам с двух сторон. Ветры здесь дуют постоянно, поэтому снег тут не скапливается. Но если снег будет падать, то сегодня же ночью над нами вырастет небольшая снежная гора.

– И мы не задохнемся? – пролепетал Род.

Искренний страх, который слышался в словах Рода, заставил Ваби звонко рассмеяться. Мукоки, занятый приготовлением оленины, не мог удержаться, чтобы не ответить ему взрывом своего веселого клекота.

– Снег очень хорошая вещь, чтобы жить под ним! – поучительно заявил старый индеец.

А Ваби дал по этому поводу несколько более вразумительные пояснения.

– Если бы вы оказались действительно под горой снега, вы, конечно, могли бы жить и под ней. Само собой разумеется, в том случае, если бы она не раздавила вас своей тяжестью. Снег прослоен воздухом, которым можно дышать. Однажды Мукоки настигла снежная лавина толщиной футов в тридцать и похоронила его под собой. Десять часов он находился в этой снежной могиле, величиной не больше бочки. А когда мы отрыли его, то увидели, что Мукоки преспокойно и весьма удобно расположился на своем снежном ложе, как на мягкой постели. У снега есть еще одно преимущество: он сохраняет тепло. Теперь мы сможем меньше сжигать дров.

Позавтракав, мальчики раскрыли ставни, и Ваби стал разгребать лопатой снег, заваливший окна. После третьего или четвертого взмаха лопаты внезапно отвалилась большая глыба снега. Сквозь это искусственное отверстие в хижину ворвался луч дневного света. Выглянув наружу, он увидел, что снежная метель не прекратилась.

– Снег доходит до крыши… – сказал Род, все еще не уверенный в благополучном исходе. – Ну и метель!

– Давайте подурачимся, Род! Идем.

И Ваби полез в окно, в отверстие, образовавшееся в снегу, стараясь выбраться наружу. Вдруг свалилась еще одна глыба и всей своей тяжестью обрушилась на Рода.

У Рода подкосились ноги. Он отбивался от снега, силился выкарабкаться, проваливался снова, невольно вскрикивал. Ваби уже выбрался на простор, он нагнулся над ямой, в которой барахтался Род, и стал безудержно хохотать.

У приятеля его был весьма потешный вид, он моргал глазами, снег залепил ему уши и рот и запорошил всю одежду.

– Ну, ну, держитесь! – кричал ему Ваби, смеясь до слез.

Род выбивался из сил, перекатывался со стороны на сторону, бился о снег, как рыба. Ваби схватил его за руку и вытащил из ямы. Мукоки последовал за ними.

Но вот метель затихла, и наши путники двинулись вперед, проваливаясь в рыхлом снеге. Они обернулись назад и там, где стояла хижина, увидели только снежный холм, над которым торчал кончик трубы и вился легкий дымок.

Род был поражен зрелищем, которое представляла сейчас вся местность вокруг. Снег сравнял все. Под ним исчезли все складки и морщины земли. Ни одна скала не возвышалась над снежной равниной. Только деревья, покрытые со всех сторон снежной броней, взгорбливали там и сям белую бесконечность пустыни.

Эта картина подавила его. Только теперь он увидел настоящую Великую Белую Пустыню. Что с ними станет теперь? Где найти теперь зверя, которого можно было бы убить и съесть?

Когда вся компания вернулась в свою лачугу, Ваби принялся успокаивать своего приятеля.

– Всюду, – сказал он, – где прошла снежная буря, в этот час вы не встретите ни одного живого существа, снег похоронил под собой и лося, и оленя, и лань, и лисицу, и волка. Чем гуще снежный покров, тем им теплее и уютнее, а как только произойдет перелом, тайга проснется и в ней снова заиграет жизнь. Лось, лань и олень подымутся со своего снежного ложа и начнут глодать сосновые ветки. Над рыхлым снегом образуется твердая кора, и по ней побегут и крупные и мелкие звери и начнут поедать друг друга. Если замерзли и последние горные ручьи, животные станут лизать лед и глотать снег вместо воды. В снегу они выроют

лапами теплые норы и берлоги, и снег заменит им и летний мох долин, и мягкие ветки кустарника, и сухую листву. Наконец, крупные четвероногие: лось, лань и олень, утаптывая и взметая своими копытами снег, будут соединяться в стада и общими силами биться с волками, поджидая весну. Поверьте мне, Род, все эти животные заживут не так плохо, как вам кажется.

До полудня охотники были заняты расчисткой траншеи у входа в хижину. Но после полудня метель возобновилась, прервав их работу, которая оказалась совершенно напрасной. В течение трех дней шел снег, и только на короткое время наступало затишье.

На рассвете четвертого дня все стихло, прояснилось небо и появилось солнце.

Солнечный свет был настолько ослепителен, что Род, человек новый в тайге, мог опасаться воспаления глаз. Снежные кристаллики сверкали, как бесчисленное множество электрических лампочек, и больно жгли веки.

Род под руководством Ваби приспособился к условиям занесенной снегом тайги, а Мукоки уже на второй день покинул хижину и пустился на поиски второго водопада. Род рассказал ему об узкой расщелине, через которую можно было легко спуститься в ложбину.

В отсутствие Мукоки мальчики занялись разыскиванием и откапыванием капканов. Это была тяжелая работа. На каждые четыре капкана пропал в среднем один.

Ваби и Род потратили на эту работу дня два, а когда на третий день в сумерки вернулись домой, они были уверены, что на пороге застанут Мукоки. Но старый индеец еще не вернулся. Прошел еще день и еще один, четвертый со дня его ухода. За это время Мукоки мог бы сделать около ста миль. Не случилось ли чего-нибудь с ним? Род несколько раз подумывал о вунгах. Быть может, они устроили засаду в ложбине? Но свои соображения Род, по обыкновению, оставлял при себе.

Хотя добыча, вынутая из капканов в течение этих четырех дней, была весьма богата (отсутствие пищи делало животных менее осторожными), мальчики не выходили целый день из хижины.

Сердце сжималось от тревоги, когда они вспоминали Муки.

Но их страхи были напрасны. Уже наступил вечер, когда они заметили на вершине холма по ту сторону озера чью-то фигуру. Это был Мукоки. Они бросились навстречу.

Старый индеец добродушно посмеивался. Глаза мальчиков жадно впились в него.

– Найти водопад. Пятьдесят миль отсюда.

– Пятьдесят миль! – повторил Ваби. – Здорово же поблуждал ты, мой бедный Муки.

– Да, много ошибаться с расстоянием. Пятьдесят миль до первого водопада. Там есть гораздо меньше снега. Маленький водопад, не выше нашей хижины.

Род стал рассматривать чертеж берестяного свитка.

– В таком случае, – сказал он, – если исходить из данных этого плана, мы находимся по меньшей мере на расстоянии двухсот пятидесяти миль от третьего водопада.

Мукоки закудахтал.

– Гудзонов залив!

Ваби вскочил.

– Значит, ложбина не идет дальше на восток?

– Нет, – ответил Мукоки, – она делать поворот и выходит на север.

– Слушайте, мои миленькие, – заявил Ваби. – Если ложбина и поток направляются на север, они роковым образом сталкиваются с рекой Олбани. Но эта река впадает в залив Джеймс, который, в свою очередь, является только рукавом Гудзонова залива. Отсюда надо сделать вывод, что золотые россыпи притаились в самой гуще тайги, в самом негостеприимном и суровом краю Северной Канады. Таким образом, все наши прежние предположения

отпадают сами собой. Чтобы добраться до этих мест, надо совсем иначе снарядиться: такая экспедиция потребует очень много времени и большой смелости.

– Ура! – закричал Род. – Этим нас не испугаешь. Будущей весной идем туда. Не правда ли, Ваби?

– По рукам! Решено.

Глава XVI
Катастрофа

Две последующие недели охотники были всецело заняты выслеживанием зверя. Погода установилась идеальная.

Уже более двух месяцев прошло с тех пор, как они уехали из Вабинош-Хоуза, и Род стал подсчитывать дни, оставшиеся до возвращения домой. Ваби подвел итог их добыче; они располагали состоянием в тысячу шестьсот долларов: тут были и меха, и волчьи скальпы, и двести долларов чистым золотом. Наш юный горожанин не сомневался, что привезет матери не менее шестисот долларов. Его доля равнялась заработку за целый год.

Он не скрывал от Ваби и своего страстного желания снова повидаться с Миннетаки. Ваби был рад, что чувство Рода к его сестре росло и росло, и часто мило подшучивал над своим другом.

Род питал тайную надежду, что Миннетаки-мать разрешит дочери сопровождать Ваби в Детруа, а там его мать вскоре полюбит, это он знал хорошо, прекрасную девочку далекого Севера.

Истекала и третья неделя. Было решено, что она будет и последней и что дней через восемь они двинутся в сторону Вабинош-Хоуза, куда прибудут к первому февраля. Род не мог сдержать своей радости.

В один из этих уже последних дней Род и Мукоки отправились на охоту, а Ваби остался сторожить хижину. Род тотчас же поднялся на вершину соседних гор, а Мукоки держался склона противоположных скал. Достигнув гребня гор, Род остановился и окинул взглядом пейзаж, расстилавшийся под его ногами.

Вдали Род отчетливо видел Мукоки, он шел по снежному склону и казался маленькой черной точкой. К северу стелилась тайга и терялась где-то в бесконечности. На востоке, на расстоянии каких-нибудь двух миль, что-то копошилось в снегу: вероятно, лось или олень. На западе находилась или, вернее, должна была находиться старая хижина.

Крик ужаса невольно вырвался из груди юноши, за первым последовал второй.

Там, где стояла их лачуга, подымался столб густого дыма, заволакивая небо. Слышались ружейные залпы.

Род знал, что его крик не долетит до индейца, и все-таки он звал его, звал изо всех сил:

– Мукоки, Муки!

Вдруг Род вспомнил, что еще в начале экспедиции они условились насчет сигналов о помощи, он дал два выстрела, через минуту еще три, быстро, один за другим. Мальчик заметил, что индеец, с которого он не спускал глаз, остановился, обернулся, стал прислушиваться. Тогда он повторил свой сигнал. Мукоки понял. Он круто повернул свои лыжи и помчался в сторону выстрелов, с неимоверной скоростью взбираясь по снежному склону.

Род время от времени давал выстрелы. Через четверть часа Мукоки, едва переводя дыхание, стоял рядом с ним на гребне холма.

– Вунги, – крикнул Род, – они напали на нашу стоянку. Смотрите, я слышал ружейные выстрелы, перестрелку.

Мукоки всмотрелся в облако дыма, стелившееся над долиной. Мигом оглядел старый следопыт горевшую хижину и, не говоря ни слова, с головокружительной быстротой бросился вниз со снежного холма.

Род скользил по его следам, с трудом поспевая за ним, но и в нем горела безумная жажда отмщения. Все лицо его было в ссадинах, покрыто кровоподтеками. Сосновые ветки хлестали его. Мукоки несся прямо на них, срезая себе путь.

Только на несколько минут индеец опередил Рода, когда они достигли холма, высившегося над озером и стоянкой.

На их глазах обрушилась охваченная пламенем хижина, и сейчас перед ними торчала какая-то дымящаяся груда обломков.

Ваби не было!

Но вблизи этих обломков лежала в снегу какая-то человеческая фигура. Мальчик схватил Мукоки за руку, рот его стал подергиваться от судороги, он не мог произнести ни слова, только молча указывал на нее индейцу.

Старый индеец и сам видел это тело. Мучительно-печальным взглядом он посмотрел на белого юношу.

«Неужели это Ваби? О, если это Ваби…» – казалось, говорил его взгляд.

Перед Родом стоял сейчас не человек, а разъяренный зверь, обезумевший от злобы.

Одним прыжком оба очутились у озера и того места, где некогда стояла их хижина. Мукоки наклонился над человеком, который зарылся в снег. Он повернул его лицом кверху и поднялся.

Это был не Ваби!

Перед ним был страшный труп могучего индейца, голову которого изрешетили пули.

Род вздрогнул, но облегченно вздохнул. Тем не менее силы оставляли его. Быстрота бега и пережитые волнения истощили его, и он опустился на снег рядом с трупом.

Между тем Мукоки нервно разбрасывал горячий пепел, оставшийся от их лачуги, и ногами и прикладом ружья.

Род сообразил, что Мукоки старается разыскать хотя бы обуглившиеся останки Ваби, погибшего в пламени или под обломками рухнувшей хижины. Всякий раз, когда индеец наклонялся над каким-нибудь обгоревшим предметом, Род дрожал от страха.

Мукоки без устали перебирал тлевшие головни и раскаленный докрасна уголь, и запах спаленных мокасин долетал до Рода.

Вдруг он кинул в сторону мальчика несколько камешков – это были самородки золота! Какое дело ему до всех этих сверкающих сокровищ! Теперь у него только одно желание и одна мысль: найти Ваби, дорогого ему Ваби, на которого индейцы, как жалкие трусы, напали из засады. Но скоро, скоро он обрушит на них свою месть. Ваби и Миннетаки, ведь в них же вся его жизнь!

Почти задыхаясь от дыма, с лицом, почерневшим от копоти, он вернулся к Роду.

– Ему нет там! – это были первые его слова за все время.

Мукоки снова наклонился над трупом и, злорадствуя, с каким-то торжеством воскликнул:

– Этот здорово умер!

Потом стал изучать следы, которые тянулись по снегу. Он сразу же понял, что вунги, выйдя из кедрового леса, прошли позади хижины и сзади ворвались в нее. Другой ряд следов указывал направление, в котором они удалились. Пять человек участвовали в нападении. В счете Мукоки не ошибся.

Но что сталось с Ваби? На это ответа не было. Если вунги взяли его в плен и увели с собой, то на снегу оставался бы след пяти пар ног. Это понимал хорошо и Род.

Раздумывая над тем, куда мог деваться Ваби, Мукоки стал снова перерывать потухший костер. Но и на этот раз поиски оказались безуспешными. Ваби не погиб во время пожара, но и вунги, предварительно убив, не бросили его в огонь. Единственный вывод, который можно было сделать, заключался в том, что юноша боролся, в борьбе убил одного из нападавших и, несомненно раненный, был схвачен и унесен индейцами.

Надо было во что бы то ни стало догнать похитителей. Быть может, они не успели уйти дальше нескольких миль. Тогда через час можно было бы настичь их.

Мукоки вернулся к Роду, тот машинально поднял со снега золотые самородки и машинально опустил их в карман. Вид у Рода был чрезвычайно подавленный.

– Я следовать за ними и убивать, – сказал Мукоки, – следовать быстро и убивать много! Вы оставаться.

Родерик сразу вскочил на ноги.

– Ты хочешь сказать, Муки, что мы должны настичь их и убить? Можешь быть уверен, что я не отстану от тебя. Показывай дорогу. Я последую за тобой.

Они зарядили свои ружья и отправились в путь.

Тропа, проложенная вунгами, шла через лесистую ложбину и тянулась в северном направлении.

Через каких-нибудь сто ярдов Мукоки остановился и показал Роду след человека более глубокий, чем остальные.

– Этот, – сказал он, – носить Ваби. Они идти не очень быстро. Терять много времени.

Глаза его загорелись дикой радостью.

Род сам мог убедиться в том, что шаги вунгов были короче их собственных, а это указывало на то, что они шли медленнее. Неужели они думали, что их не станут преследовать? Это было малоправдоподобно. Быть может, они бравировали, пользуясь своим численным перевесом? Или засели в засаду? На всякий случай Род и Мукоки держали ружья на прицеле, готовые в любой момент дать залп.

Мукоки издал какой-то гортанный звук. Род остановился. На тропе показался след пятого человека. Он понял, что тут Ваби поставили на ноги и он пошел рядом со своими похитителями. На ногах его были лыжи, и шаг его был такой же ровный, как у других. Следовательно, Ваби не был ранен серьезно.

Род и Мукоки пересекли рощицу кедров, сучья которых, переплетаясь, образовали непроницаемую сеть. Идеальное место для засады.

Но старый индеец, ни минуты не колеблясь, бросился вперед. Оленья тропа, которой воспользовались вунги, выделялась четко, и лыжи легко скользили по ней.

Род, менее закаленный, чем его спутник, ждал, что вот-вот раздастся выстрел и Мукоки упадет замертво, лицом в снег. Сам он уже чувствовал жгучие укусы пуль, несущих смерть. «Почему Мукоки, – рассуждал он, – не замедляет бега в таком опасном месте? Вероятно, ослепленный страхом за участь Ваби, он забыл об опасности, грозящей ему?»

Но старый индеец был непоколебим в своей холодной решимости: он еще более ускорил свой бег. Жестом руки он показал Роду, что следы становятся все свежее и свежее. Их не успел еще запорошить снег.

– Они близко, очень близко! – прошептал он.

Тропка подымалась на небольшой холм. Взбираясь наверх, они почти пригнулись к своим лыжам, как будто ползли, держа ружья на изготовку.

Взобравшись на вершину, они увидели – несмотря на строгий приказ Мукоки хранить молчание, Род невольно крикнул, охваченный ужасом, – они увидели, как по склону холма один за другим шли бандиты-вунги и посреди них Ваби с руками, закрученными назад. Шествие замыкал главарь шайки.

Но это было еще не все. На расстоянии какой-нибудь мили вился дымок индейской стоянки, вокруг костра можно было различить десятка два индейцев, ходивших взад и вперед. Здесь, несомненно, были главные силы индейцев, поджидавших бандитов.

Положение создавалось ужасное. Как тут вдвоем напасть на неприятеля, имеющего такой численный перевес? А с другой стороны, разве можно оставить Ваби в плену? Разве можно даже подумать об этом? Ведь судьбу, ожидавшую его, было легко предвидеть.

Род не знал, как быть. Но Мукоки составил уже определенный план.

Описав круг, старый индеец решил при помощи Рода с головокружительной быстротой напасть с фланга на индейцев, уводивших Ваби. Через десять минут оба приятеля, под прикрытием густых сосен, опередили неприятеля и притаились в засаде.

Луч радости осветил медное лицо Мукоки.

– Вот они, – прошептал он.

Вунги приближались, не предчувствуя никакой опасности. Мукоки положил свою судорожно сжимавшуюся руку на плечо Рода.

– Вы совсем не дрожать, совсем не промахнуться, – сказал он, – вы стрелять первого человека перед Ваби – это главный. Я взяться за других.

– Ясно, Муки! Убью его сразу, одним выстрелом. – И он пожал руку Мукоки.

Вот появились разбойники тайги. Лицо Ваби было в крови.

Почти теряя сознание, Род спустил курок. Через секунду грянул двойной выстрел Мукоки.

Когда дым рассеялся, на ногах оставался только один из вунгов. Тот, в которого целился Род, лежал мертвым на снегу. Двух других настигли пули Мукоки. Один из них лежал уже без движения, второй шатался, хватаясь за грудь, готовый упасть.

Одним взмахом ножа Мукоки перерезал веревку, которой были связаны руки Ваби.

Род подошел к вунгу и отобрал у него ружье и револьвер. Между тем Мукоки подобрал какой-то тюк.

– Это наши меха, – сказал Ваби. – Бандиты не постеснялись присвоить их себе, прежде чем подожгли хижину. Надо поторапливаться, скоро вся шайка погонится за нами. Жаль, что хижина сгорела. В ней мы могли бы хорошо обороняться…

– А что же ложбина? – воскликнул Род. – Там легче отбиваться. Только бы попасть туда…

Глава XVII
Погоня

– Да, конечно, ложбина! – ответил Ваби.

Мукоки одобрительно кивнул головой.

Ваби стал во главе тройки, Род посредине, а старый индеец со своим тюком замкнул шествие.

Скользя на лыжах, Ваби спросил Рода, сколько у него патронов.

– Сорок девять, – ответил мальчик.

– Ну и прекрасно. Дайте мне штук двенадцать. У меня есть еще восемь, которые я отобрал у того молодца. Пока мне хватит.

Так они дошли, не будучи настигнуты неприятелями, до котловины, где сегодня еще стояла старая хижина.

Вдруг Род почувствовал, что сердце у него встало неподвижным комом в груди. Силы его приходили к концу. Поиски Мукоки, когда он заметил дым горящей хижины, погоня за Ваби, наконец, это новое бегство – все это истощило силы мальчика. Мускулы его осла-

бели, и он чувствовал, что продолжать путь до ложбины с такой скоростью он уже не сможет. А между тем нужно было пробежать еще целых три мили!

Он все-таки сделал над собой еще одно последнее усилие, но расстояние между ним и Ваби все увеличивалось, а лыжи Мукоки уже наезжали на него сзади. Он уже слышал над своим ухом хриплое и прерывистое дыхание старого индейца. Бедный мальчик был смертельно бледен, пот струился с висков, ему не хватало дыхания. Ноги у него подкосились, и он свалился на снег. Почти в тот же момент показались вунги.

Они были на расстоянии ружейного выстрела. Пуля просвистела в воздухе.

Б-з-з-инг!

Дважды Род услышал над своей головой эту песню смерти. Он увидел, как снег взметнулся в воздухе под каждой из двух пуль.

Но не замедлили и ответные выстрелы. Пули Ваби и Мукоки сразили двух преследователей, и они упали замертво на землю.

К счастью, у вунгов не было прикрытия, а нашим приятелям давала некоторую защиту тут же расположенная небольшая кедровая роща.

Сильной рукой подхватил Ваби своего товарища и понес, скорее, поволок его по снегу.

Но прежде чем приятели достигли широких стволов кедровых деревьев и скрылись под их защитой, на них снова посыпался град пуль.

Мукоки застонал – он был ранен. Старый охотник сбросил на землю свой тюк.

– Серьезная рана, Муки? – задыхаясь, спросил Ваби. – Куда попала пуля?

Муки, слегка покачнувшись, выпрямился.

– Пуля в левом плече. Не серьезно. Тюк и шкуры ослабить удар. Мы здесь очень хорошо! Послать им дьявола.

Вунги действительно остановились. Их было всего шесть человек. Остальная банда растянулась на снегу на далекое расстояние. Бросившись в погоню, некоторые не успели надеть лыжи и тащились сзади, далеко отстав от своих. Снова затрещали ружья Ваби и Мукоки, снова упали двое вунгов, убитые или тяжело раненные. Оставшиеся начали осторожно отступать в ожидании подкрепления. У Рода еще хватило силы, чтобы вскинуть ружье к плечу и выстрелить. Третий враг с переломленной ногой кувырнулся в снег.

– Ура! – крикнул Ваби. – Теперь мы можем немного передохнуть.

Но кровавое пятно на плече Мукоки расплывалось все больше. Род, поднявшись на ноги, объявил, что сможет продолжать путь, если они не будут идти так быстро.

Ваби быстро принял решение.

– Вы оба идите вперед, – сказал он. – Я постараюсь их держать на почтительном от нас расстоянии, а потом начну отступать, отстреливаясь из-за деревьев. Если это удастся, то присоединюсь к вам в ложбине. Буду идти по вашим следам. Род, дайте мне еще несколько патронов.

Время было дорого. Мукоки взвалил на плечи свою драгоценную ношу. Он и не думал бросать ее и, прихрамывая, в сопровождении Рода, который держался на ногах ничуть не крепче индейца, тронулся в путь.

Ваби, рискуя своей жизнью, один прикрывал их отступление.

Непонятное замешательство произошло в группе вунгов. Банда, находившаяся за пределами ружейного выстрела, как будто разделилась на два несогласных между собой лагеря. Одни, видно, ни за что не хотели упустить свою добычу и жестикулировали как одержимые. Другие же, повернувшись лицом к стоянке, не менее красноречивыми жестами выражали свое желание вернуться обратно. Наконец они уселись на землю, прямо в снег, и один индеец отделился от всей группы и, по-видимому в качестве эмиссара, отправился за дальнейшими приказаниями. Ваби, не зная, на что решиться, прождал минут десять. Радуясь, что за это время Мукоки и Род уже успели отойти на значительное расстояние, он стал осто-

рожно пробираться между деревьями, а потом бросился со всех ног по следам своих товарищей. Они были на расстоянии какой-нибудь четверти мили от ложбины и от расщелины, через которую рассчитывали спуститься вниз, когда он их догнал.

Мукоки, слабея от потери крови, все больше и больше сгибался под тяжестью пушнины. Теперь настал черед Рода поддерживать его. Увидев Ваби целым и невредимым, они ободрились и, сделав последнее усилие, добрались до ложбины.

Не успели они скрыться в узкой расщелине, служившей им надежной защитой, как град пуль снова просвистел над их головами. Вунги их догоняли. Надо было спешить.

Приятели, взяв оружие на изготовку, укрылись в узком проходе за уступом скалы. Опьяненные яростью, забыв всякую осторожность, вунги ринулись в расставленную им западню.

Паф! Паф! Паф-паф! Паф! Паф-паф! Паф! Паф!

После каждого залпа один из врагов падал замертво у входа в ущелье. Остальные стремительно подались назад.

– Мне думается, – сказал Ваби, – что теперь они нескоро пустятся в подобную авантюру.

Из шести сраженных врагов двое еще шевелились. Их прикончили выстрелами из револьвера.

Кровь из раны Мукоки перестала сочиться, но старый индеец ослабел до такой степени, что потерял сознание.

– Надо, чтобы он выпил чего-нибудь горячего, – сказал Род, – это подкрепит его силы.

Ваби стоял на страже и подбирал сухие ветки, весной занесенные в это скалистое ущелье потоками талого снега. Мальчик развел небольшой костер.

Потом он развернул тощий пакет с провизией, который, по привычке, захватил с собой и в этот тяжелый день.

– Здесь все наши запасы: две горсти кофе, щепотка чаю, сало и несколько сухарей. Для трех человек этого мало, но чтоб восстановить силы Мукоки, вполне достаточно, зато у меня есть целая коробка спичек!

Огонь весело затрещал. В небольшой котелок Род набрал снегу. Когда вода закипела, он заварил кофе, и приятный аромат разнесся в воздухе.

Мукоки подставил чашку, которая висела у него на поясе, и начал медленными глотками тянуть целительный напиток. Дважды повторял он эту операцию, а затем его примеру последовали мальчики. Потом каждый из них съел по сухарю, а старика-индейца они по долгу дружбы принудили съесть двойную порцию. Страдальческое выражение его лица стало постепенно смягчаться. Распаковали шкуры и разложили их в небольшой котловине, получились две мягкие и теплые постели. Одна из них была предоставлена Мукоки, а на другой устроились Род и Ваби, они посменно то отдыхали, то выходили сторожить.

– Кстати, – спросил Род, – где Волк?

Ваби рассмеялся:

– Вернулся к своим. Уж он повоет сегодня ночью вместе со своими таежными братьями. Бедный старый Волк!

Но смех Ваби уступил место чувству сожаления, и грустные нотки задрожали в его голосе.

– Его захватили врасплох так же, как и меня. Вунги бесшумно прокрались сзади хижины через ставни. Чутье не могло на этот раз предостеречь Волка. Я же заметил их только тогда, когда они набросились на меня. Я стоял рядом с Волком и только что собрался поднять вязанку хвороста. Я быстро перерезал ножом его привязь.

– Боролся он с ними?

– Минуту или две, не больше. Один из бандитов нацелился в него, но он увильнул от выстрела и удрал в лес.

Наступило молчание. Вунги там, наверху, не подавали признаков жизни.

– Мне непонятно, – проговорил Род, – почему они строят козни только вам? Почему меня и Мукоки они оставляют в покое? Спрятавшись в кустах, они могли с таким же успехом подстеречь нас и открыть по нам стрельбу.

– До вас им дела нет. Им нужен только я. Если бы я оказался у них в руках, они бы переговорили с вами и отправили бы вас в факторию, чтобы получить за мое освобождение выкуп. Они очистили бы моего отца до последнего доллара.

В этот момент небольшой круглый камешек, подпрыгивая, скатился в скалистый проход.

– Они все еще там, наверху, – посмеиваясь, сказал Ваби. – Они поджидают нашего выхода, этот камешек скатился случайно. Для нас это предостережение. – И, чтобы переменить разговор, он воскликнул: – А где наши чудные золотые самородки?

– Я знаю об этом столько же, сколько и вы, – ответил Род. Затем, ощупав свои карманы, он проговорил:

– Они у меня здесь. Я совершенно про них забыл. Мукоки нашел их в золе.

Понемногу надвинулась темнота.

– Подождем завтрашнего дня, – пробормотал Род. – Забраться сюда это не шутка, а вот как завтра выбраться отсюда?

Ночь прошла спокойно. Мукоки отдыхал, а Род и Ваби поочередно стояли на страже. Около полуночи небо вдруг стало пурпуровым. Род, который бодрствовал, дернул за руку своего товарища.

– Смотри! – сказал он.

Ваби протер глаза.

– Похоже на то, Род, что и на этот раз горит сосна. Что происходит у наших врагов?

Немного спустя раздался протяжный вой волка, одинокий и заунывный.

– Кто знает, – пробормотал Ваби, – быть может, это наш Волк. Он ненавидит своих сородичей, в обществе которых ему придется теперь жить. Со временем он привыкнет, а сейчас тоскует по нас…

Глава XVIII
Возвращение в Вабинош-Хоуз

На рассвете приятели выпили остаток кофе и разделили последние сухари. Ночной отдых благотворно подействовал на Мукоки. Недаром у него был железный организм. Белый кролик, случайно пробравшийся в эту скалистую расщелину, спокойно перебирал своими лапками. Ваби мимоходом убил его прикладом ружья.

Еще теплым они выпотрошили его, и он послужил вкусным жарким для всей компании.

Теперь у них была одна задача – как можно скорее выбраться из ложбины и добраться до Вабинош-Хоуза. Приходилось выдержать последнюю битву с вунгами, которые, несомненно, где-то притаились и были начеку.

Род вызвался пойти разузнать, что делается наверху, над ущельем.

Со всяческими предосторожностями, держа ружье наготове, он двинулся в путь. Он знал, что стоит ему сделать один шаг наружу – и вражеская пуля прикончит его. Но, несмотря на опасность, он должен был решиться.

Род подвинулся на шаг, затем еще на один. На снежной белизне, окаймлявшей край ложбины, никого не было видно. Вунги исчезли! Потухал костер. И на тропинке, отличающейся от проложенной накануне, их следы шли в сторону от ложбины.

Родерик поспешил обратно, чтобы сообщить эти новости Ваби и Мукоки. Индеец высказал предположение, что это, может быть, ловушка и что вунги могли притаиться где-нибудь дальше. Ваби молчал: он припомнил о замешательстве, которое произошло вчера в рядах его врагов. Кто знает, не произошло ли какое-нибудь новое событие, не известное ни ему, ни Роду, ни Мукоки. Но во всяком случае оставаться здесь дольше не было никакой возможности. Для большей безопасности они решили выбраться через тот проход, по которому Род в первый раз спустился в ложбину.

Небо потемнело, подул южный ветер. Огромные хлопья снега стали летать в воздухе.

– Хорошо, это хорошо, – сказал Мукоки, – снег покрыть наши следы!

И он взвалил на спину тюк со шкурами. С большим трудом нашел Родерик место, откуда легко можно было взобраться на стену. Род и Ваби перебирались со скалы на скалу, карабкаясь друг другу на спину. Трудно было подняться Мукоки, ему мешала его рана и тяжелый тюк.

Снег все падал, а вунгов не было видно.

Старый индеец стал вожаком компании. Он решил достичь фактории другой тропой, не той, по которой они шли в начале путешествия, и, описав круг к югу, держаться как можно дальше от неприятеля. Только один Мукоки мог броситься в неизвестность. Он обладал каким-то таинственным шестым чувством, той способностью ориентироваться, тем почти сверхъестественным инстинктом, который за сотни миль мчит почтового голубя, как стрелу, в его голубятню.

Там, где всякий другой растерялся бы или уже давно заблудился, индеец безошибочно прокладывает себе путь. Много раз Род и Ваби спрашивали старика, в каком направлении находится Вабинош-Хоуз, и рука индейца неизменно указывала его, как будто он через леса, горы и долины действительно видел факторию перед собой. На пятнадцатой миле они сделали привал, чтобы отдохнуть, и развели небольшой костер у старого пня. Позавтракали остатками кролика и затем снова пустились в путь.

Весь день шли они по трудной дороге. То взбирались на скалистые гребни, то спускались в ложбины, где им приходилось пролагать себе дорогу через густую поросль. Когда солнце зашло за горизонт, они расположились на ночлег около соснового леса. Заварили последнюю щепотку чаю, и это был весь их ужин. Дичи не было видно.

У молодого горожанина начались судороги в желудке, но он молчал. Мукоки как будто отгадал его мысли.

– Завтра, – сказал он, – убить на завтрак куропатки.

Род удивился:

– Откуда ты это знаешь, Мукоки?

Индеец указал ему на небольшой лесок.

– Хороший сосна, густой. Куропатки там зимовать в гнезде. Ваби распаковал меха, их разделили на три части. Три больших волчьих шкуры расстелили на ветках, они служили навесом, под которым путешественники устроились как нельзя лучше.

Родерик, разбитый усталостью, не замедлил заснуть глубоким сном. Но Ваби и Мукоки лишь дремали, просыпаясь время от времени, чтобы поддержать огонь и удостовериться, что кругом все спокойно.

Род еще спал в своей теплой постели, когда его разбудили три выстрела. Через минуту показался Мукоки, держа в руке трех куропаток.

Мальчик захлопал в ладоши от радости. Никогда завтрак не казался ему таким вкусным. Они уничтожили дичь до последней косточки.

Ночью снег перестал, а наутро снова возобновился. Почти совершенно ослепленный снегом, маленький караван продвигался вперед до полудня. А затем снова сделал привал.

Теперь они были далеко от вунгов и находились вне опасности. Они могли спокойно устроить себе уютное логовище из сухих веток и лапника.

– Теперь мы, вероятно, уже недалеко от тропы Кэногами-Хоуз, – сказал Ваби, – а может быть, мы даже прошли ее?

– Нет, еще не дошли, – ответил Мукоки, – еще немного южнее.

Ваби объяснил Роду:

– Тропа, о которой мы говорим, это проложенная санями дорожка, идущая от озера Нипигон до фактории Кэногами-Хоуз. Заведующий этой факторией наш лучший друг. Очень часто мы ездим к нему в гости.

Несколько убитых кроликов составили их завтрак. Охотники были совершенно измучены и проспали весь остаток дня. Ничто не нарушало спокойствия ночи.

К утру погода прояснилась. Но рана Мукоки снова открылась. Необходимо было убить какое-нибудь животное побольше кролика, чтобы получить жир и смазать рану. Старый индеец вынужден был остаться на привале, а оба мальчика отправились в разные стороны на охоту.

Родерик бродил в продолжение часа, и к своей досаде, несмотря на многочисленные следы оленей и карибу, совершенно безрезультатно. Он приходил уже в отчаяние, как вдруг внимание его привлекла проделанная санями тропа, пересекшая его путь. Две пары саней, запряженных собаками, прошли здесь после выпавшего снега, по обе стороны саней виднелись следы лыж. Родерик догадался, что людей было трое, а собак дюжина. Он не сомневался, что эта тропа ведет к Кэногами-Хоузу и из любопытства пошел по ней.

Через полмили он наткнулся на место, где маленький отряд сделал привал. Толстая головня еще тлела в куче золы, и кругом костра валялись кости и крошки хлеба. Но больше всего заинтересовали Рода следы еще нескольких пар ног, в этом месте присоединившиеся к прежним. Они были меньше других и могли принадлежать только женщинам. Удивительно мал был один след. Сердце юноши забилось сильнее от волнения. На снегу ясно виднелся отпечаток мокасин, снабженных маленькими каблучками.

Род сразу же подумал о Миннетаки. Это была единственная женщина, которой могла принадлежать такая крохотная ножка. Только она одна носила каблучки! Совпадение, во всяком случае, было странное. Он еще внимательнее стал всматриваться в оставленный след. Он как две капли воды походил на тот след, который Род обнаружил на земле в день, когда молодую девушку похитили вунги и он отнял ее у похитителей. Миннетаки или другая женщина проходила здесь? Если другая, то все-таки она должна была походить на нее. Была ли эта незнакомка так же красива, как Миннетаки?

Вот что думал Род, возвращаясь к месту стоянки, весь погруженный в свои мечты.

Ваби его опередил, он принес молодую лань, и они устроили настоящее пиршество.

Хотя Роду не посчастливилось на охоте, весть о том, что поблизости лежит дорожка, соединяющая Вабинош-Хоуз и Кэногами-Хоуз, стоила меткого выстрела. После ряда одиноких недель в холодной тайге почувствовать себя наконец вблизи культурных людей, а не диких бандитов Пустыни было для них большой радостью.

Род не стал распространяться насчет чьих-то маленьких и хорошеньких ножек, которые заставили так сильно биться его сердце. Он знал, что это грозило сделать его предметом неумолимых насмешек Ваби по меньшей мере на протяжении добрых двадцати четырех часов. Поэтому он ограничился мимолетным упоминанием самого факта, заметив с равнодушным видом, что ножки, о которых он говорит, достойны ножек Миннетаки.

И этот день ушел у них на еду, спанье и леченье ран Мукоки. Но с зарей товарищи, переменив направление, пошли с юга на запад. Им оставались последние этапы пути.

По дороге Ваби вдруг хлопнул себя по лбу.

– Мы забыли нашу чудную лосиную голову, я зарыл ее в яму. Ах как это жаль! А если мы вернемся за ней? Что ты на это скажешь, Муки? Такой трофей сделает нам честь.

Мукоки принял это предложение всерьез. Он покачал головой.

– Вунги, – сказал он, – может быть, все еще там. Зачем лазить в пасть волка?

Ваби рассмеялся.

– Успокойся, Муки! Мы не пойдем. А все-таки какие чудные рога!

Через два дня с вершины горы они увидели озеро Нипигон. Оно находилось приблизительно на расстоянии сотни миль. Когда Колумб в первый раз ступил на землю, открытую им, он вряд ли был счастливее Родерика Дрюи, увидевшего конечную цель своего путешествия. Там была фактория, откуда он ушел, там была вновь обретенная им Миннетаки. Забыв о своих лыжах, он сделал в воздухе удивительный пируэт.

Весь день перед ним носились золотые грезы. Прежде всех его встретит, конечно, Миннетаки. Будет ли она рада встрече? Да, без сомнения. Но будет ли она так же счастлива, как он? Потом, через три недели он вернется домой в Детруа, и там миссис Дрюи, горячо любимая мать, встретит его с распростертыми объятиями. Как бы хотелось ему взять с собой Ваби! Его члены не знали уже усталости, радость была неистощима. Он смеялся, свистел и даже пытался петь. Следующие два дня были необходимы для того, чтобы добраться до озера Нипигон, обогнуть его или частью пересечь по льду.

На второй день вечером, когда солнце, посылая свой прощальный привет, спускалось, красное и холодное, за белой и холодной пустыней, охотники достигли небольшого холма, у подножия которого приютился Вабинош-Хоуз. Они расположились под деревьями, и когда солнце скрылось за черными ветвями, неожиданные звуки военного рожка отчетливо долетели до них.

Ваби навострил уши и прислушался. Его веселое лицо вдруг омрачилось.

– Что это значит? – удивился он.

Род воскликнул:

– Рожок!

Рожок смолк, а через несколько секунд раздалось тяжелое «бум!» – удар большой пушки.

– Если я не ошибаюсь, – сказал Род, – это военная заря. Разве у вас в фактории есть солдаты?

– Я никогда не видел их раньше, – ответил Ваби. – Что все это значит?

Лыжи скользили с невероятной быстротой, и через четверть часа приятели стояли перед Вабинош-Хоузом.

В окружности фактории все изменило свой вид. Вся свободная площадь была застроена полудюжиной новых домов, около которых ходил взад и вперед патруль солдат в английской форме.

В то время как Мукоки скромно пробирался в помещение для служащих, а Ваби входил в дом, Род направился к магазинам, которые помещались на берегу озера. Он помнил, что туда любила уединяться Миннетаки, чтобы помечтать. Но его надежды не оправдались, молодой девушки там не оказалось, и он возвратился обратно. На крыльце его поджидал Ваби, рядом с ним стояли его отец и мать, Миннетаки-индеанка. Они радостно приветствовали его.

– Род, послушайте, – обратился к нему Ваби, когда перед обедом они остались вдвоем. – За наше отсутствие вунги удвоили свою дерзость: они чуть ли не осадили факторию. Тут всем пришлось пережить тяжелые минуты. За их убийства и грабежи правительство объявило им войну и прислало сюда солдат с приказом ловить и истреблять их без пощады.

Глаза Ваби загорелись. Через пару минут он прибавил:

– Несколько дней уже продолжается ловля и рекогносцировка. Если они отступились от нашего преследования и бросили в ложбине такую выгодную добычу, как мы, это значит, я не сомневаюсь, что они почуяли погоню в тылу. Мы присутствуем только при начале стычки. Завтра солдаты отправляются на настоящую чистку. Вы ведь останетесь, Род, правда? И запишетесь со мной в солдаты на всю кампанию?

– Я не могу, Ваби. Вы ведь это сами знаете, мать меня ждет, и вы обещали меня проводить. Солдаты могут обойтись без вас. Едемте в Детруа и уговорите вашу мать отпустить с нами Миннетаки.

Ваби растроганно пожал руку Роду.

– Это невозможно, мой долг остаться здесь. Миннетаки тоже не сможет сопровождать вас. Ее сейчас нет здесь.

Родерик зашатался и побледнел.

– Успокойтесь, она в безопасности! – проговорил Ваби. – Она так нервничала, да и здоровье ее так пошатнулось, благодаря ужасным испытаниям, пережитым ею в течение этих двух месяцев, что отец решил удалить ее немедленно же до окончания всех этих событий. Отец хотел и мать отправить вместе с ней, но она решительно отказалась.

– Миннетаки далеко отсюда? – пролепетал мальчик.

– Она уехала в Кэногами-Хоуз четыре дня тому назад в сопровождении одной женщины и двух провожатых. Это их следы вы видели на санной дорожке.

– Значит, маленькие ножки действительно были ее!

– Вы ведь это говорили, дорогой друг! Значит, решено: вы остаетесь? Таким образом, вы первый будете ее приветствовать по возвращении.

– Я не могу. Моя мать прежде всего.

Миннетаки перед отъездом оставила своей матери-индеанке письмо на имя Родерика. Ваби принес письмо в его комнату, чтоб хоть немного утешить юношу. Девушка писала, что, без сомнения, она вернется раньше возвращения молодого охотника. Если случится обратное и если Род уедет, не дождавшись ее, то она очень просит его не забывать дорогу в факторию и в следующий раз взять с собой миссис Дрюи. За обедом Миннетаки-мать несколько раз повторила это приглашение. Она прибавила, к большой радости Рода, что лично уже несколько раз писала миссис Дрюи, которая все время находится в добром здравии, и что она считает ее своим друюм.

Вечером делили меха, которые директор фактории приобрел у них от имени кампании. Доля Рода вместе с третьей частью золотых самородков составила приблизительно семьсот долларов.

Утром Род написал Миннетаки длинное письмо, и верный Муки взялся доставить его молодой девушке.

Род сел в сани, которые его уже поджидали.

Мальчики пожали друг другу руки.

– Мы вас ждем будущей весной, как только сойдет снег! Это решено, не правда ли?

– Да, если буду жив, – ответил мальчик.

– На этот раз мы отправимся за золотом!

– Да, за золотом!

– И Миннетаки будет здесь! – прибавил Ваби.

Род покраснел. Сани двинулись. И скоро они уже неслись по белой равнине. Род, с устремленным вдаль взглядом, мечтал о материнских ласках. Но порой он все же обращался мыслью назад и снова видел перед собой дорожку в Кэногами-Хоуз, на которой отпечатались следы маленьких, любимых ножек. До весны было еще далеко… И из глаз бедного мальчика скатились две крупные слезы.

Гризли

В этой моей второй книге о животных, которую я предлагаю читателям, есть нечто, напоминающее исповедь. Исповедь и надежду. Исповедь человека, который долгие годы охотился и убивал, прежде чем понял, наконец, что дикие животные дают собою гораздо больший материал для захватывающего спорта, чем для простого убийства, – и надежду, что то, что я описываю, сможет хоть сколько-нибудь побудить читателя почувствовать и понять, что величайшее наслаждение на охоте составляет не убийство, а именно возможность предоставить животному жить. Совершенно справедливо, что в необъятных пустынях приходится убивать поневоле, чтобы жить; каждый должен питаться мясом, потому что мясо есть жизнь. Но убивать для пищи – не есть убийство; это совсем не та страсть, которую я никогда не забуду и которая заставила меня однажды в горах Британской Колумбии в течение менее чем двух часов убить четырех медведей гризли, то есть погубить сто двадцать лет жизни всего только в сто двадцать минут. И это только один пример из тех тысяч, в которых я вспоминаю себя, как преступника, потому что убийство ради удовольствия ничем не отличается от самого настоящего убийства. Я задался целью в этих моих скромных книжках хоть чем-нибудь искупить мой грех, и мое искреннее желание состоит не только в том, чтобы предложить их публике, как интересные романы, но и в том, чтобы сделать себя ответственным за правдивость сообщаемых фактов. Как и у человека, в жизни диких зверей бывают свои трагедии, юмор и пафос; там – факты высокого интереса, именно там вы натолкнетесь на настоящие случаи и на настоящие переживания, которые так и просятся, чтобы их зафиксировали в книгах. В «Казане» я пытался дать читателю представление о моем долгом пребывании среди ездовых собак на Дальнем Севере. В этой же книге я предлагаю мельчайшие подробности из жизни тех диких зверей, которых вывожу героями. Маленький Муква прожил у меня в канадских Скалистых горах все лето и всю осень. Пипунаскус погребен в округе Файрпан-Рэндж, причем мы поставили над ним памятник, точно это был белый человек. Два медвежонка, которых мы выкопали из берлоги в Атабаске, уже издохли. А Тир еще жив, потому что обитает в таких краях, куда не заходит ни один охотник, а мы не смогли убить его только благодаря простой случайности. В июле 1916 года я вновь посетил те места, где жили Тир и Муква. Я полагал, что с первого же взгляда узнаю Тира, потому что это был действительно выдающийся во всех отношениях зверь. Так оно и вышло. Что же касается Мукквы, то за два года из маленького медвежонка он превратился в настоящего медведя. Мне приятно вспомнить, что он еще не разлюбил сахар и несколько раз ночевал со мною под одним одеялом; мы вместе с ним охотились на ягоды и корешки и часто забавлялись шуточной борьбой, когда я останавливался на ночлег и разбивал палатку. Но, несмотря на все это, он, по всей вероятности, никогда не простит мне того, что я так грубо бросил его тогда одного, маленького и беспомощного, – но ведь я хотел предоставить ему свободу и возвратить его обратно горам!

Джеймс Оливер Кервуд

Глава I
В своих владениях

Молча и неподвижно, точно рыжеватый камень, Тир простоял несколько минут на одном месте и осматривал свои владения. Он не мог видеть далеко, потому что, как и все медведи гризли, имел маленькие, далеко отстоявшие друг от друга глаза и плохо видел. На пространстве трети или половины мили он мог рассмотреть только козу или горного

барана, но далее этого весь мир представлял для него обширную загадку, то освещенную ярким солнцем, то погруженную в непроглядный мрак ночи, которую он постигал только с помощью слуха и обоняния. Именно обоняние и удерживало его теперь недвижимо на одном месте. Издалека, с самой долины, до его ноздрей донесся еще неведомый ему запах. Он почуял что-то такое, что было совсем необычно в этих местах и что заставило его как-то странно смутиться. Напрасно его неповоротливый ум старался объяснить себе это явление. Это вовсе не был олень, так как он уже несколько раз загрызал оленя; это не была и коза; не был и баран; это не был запах и жирного, ленивого сурка, гревшегося на солнышке, так как он поедал сурков целыми сотнями. Это было нечто такое, что не возбудило в нем ни аппетита, ни страха. Он был вообще любознателен, но на этот раз не рискнул отправиться на поиски. Его удержала от этого осторожность.

Если бы Тир мог отчетливо различать предметы на пространстве мили или двух, то и тогда его глаза увидели бы гораздо меньше, чем сейчас он почуял одним только обонянием по ветру. Он стоял на краю небольшой плоскости; под ним, в восьмой части мили от него, развертывалась долина, а над ним, в таком же расстоянии, находилось то ущелье, из которого он вышел сюда только сегодня после полудня. Плоскость эта представляла собой нечто очень похожее на блюдо чуть не в целую десятину, образовавшееся неожиданно на зеленом скате горы. Оно было покрыто богатой, мягкой травой и июньскими цветами: горными фиалками, группами незабудок, дикими астрами и гиацинтами; в центре этого блюда находилось небольшое болотце, по которому Тир частенько любил прохаживаться, когда у него заболевали подошвы от голых камней. На восток, запад и на север от него развертывалась удивительная панорама канадских Скалистых гор, обласканных золотым послеполуденным июньским солнцем. Со всех сторон долины, из каждого ее уголка, из ущелий между отвесными вершинами гор, из малейшей расселины в сланцевых скалах, которые доползали почти до самой снеговой линии, до него доносился веселый весенний шум. Это была музыка бежавшей воды. Этой музыкой был насыщен весь воздух, потому что речки, ручьи и потоки, которые образовывались от таявшего снега, находившегося с вековечных времен у самых облаков, не переставали течь никогда. Кроме этой музыки, весь воздух был наполнен сладким ароматом цветов. Июнь и июль – время, которым в этих местах заканчивается весна и начинается лето, уже готовы были сменить один другого. Земля разбухала от зелени; ранние цветы превратили обращенные к солнцу скаты гор в сплошные красные, белые и пурпурные пятна, и все живое распевало по-своему на разные голоса – свиристели на скалах, маленькие пышные суслики на своих холмиках, громадный шмель, перелетавший с цветка на цветок, ястреба над долиной и орлы над самыми вершинами гор. Даже сам Тир распевал на свой лад, потому что, когда он незадолго перед этим шлепал лапами по мягкому болотцу, то какой-то странный звук вырывался у него из глубины груди. Это было не ворчание от злости или досады; это был звук, который он издавал от удовольствия. Это была его песнь.

И вдруг, по какой-то таинственной причине, в этот удивительный день внезапно произошла для него перемена. Он остановился без движения и долго внюхивался в ветер. В нем он почуял что-то незнакомое, что его не испугало, а просто обеспокоило. Он так же был чувствителен к этому, появившемуся в воздухе, новому, странному запаху, как и язык ребенка, в первый раз почувствовавшего на себе едкую каплю спирта. И вот, наконец, из его груди вырвалось глухое ворчание, походившее на отдаленный раскат грома. Он был владыкой всех этих мест, и его мозг медленно подсказал ему, что в них не должно было появляться ни малейшего запаха, которого он не мог бы понять, иначе он не был бы в них хозяином.

Он не спеша поднялся на дыбы во всю свою девятифутовую длину и, точно дрессированная собака, стал на задние лапы, а передние, испачканные в тине, сложил у себя на груди. Ведь целые десять лет он прожил в этих своих владениях и ни одного раза до него не доле-

тало подобного запаха. Этот запах не нравился ему. Он все внюхивался в него, а запах становился все сильнее и ближе. Тир даже и не думал вовсе скрываться. Готовый ко всему и смелый, он вытянулся во весь свой рост. Он казался чудовищем по величине, и его новая июньская шуба отливала на солнце коричневым золотом. Его передние лапы были длиной почти в рост человека; три самых длинных из его пяти, острых, как ножи, когтей на каждой из лап – пяти с половиной дюймов; оставленные им на тине следы были по пятнадцати дюймов в длину. Он был жирен, гладок и могуч. Его глаза, величиною не больше ореха, отстояли один от другого на целые восемь дюймов. Два верхних клыка его, острые, как кончики кинжалов, были величиною с большой палец руки человека, а в пространстве между челюстями у него могла бы легко поместиться шея оленя. Вся его жизнь протекла вдали от человека, и потому он вовсе не был зол. Как и все медведи, он не убивал из одного только удовольствия убить. Из целого стада оленей он выхватывал только одного и доедал его до самого мозга его костей. Это был вполне мирный владыка. Он признавал и для себя самого и для всех других существ только один закон – «оставь меня в покое». Этим законом так и веяло от всей его фигуры теперь, когда он стоял на задних лапах и внюхивался в долетавший до него незнакомый запах.

Своей давящей, массивной силой, властностью и одиночеством он походил на горы, с которыми никто не мог соперничать в небесах, так же, как и с ним в долинах; с горами он был связан целым рядом веков. Он был частью их. История его расы началась и умирала среди них; он и они были во многих отношениях подобны. До самого этого дня он не смог бы припомнить, кто стал бы оспаривать в этих местах его власть и права, за исключением разве только таких же точно медведей гризли, как и он сам. С такими соперниками он встречался лицом к лицу, открыто, и часто дело доходило у них до смертного конца. Он всегда был готов сражаться при малейшем оспаривании его прав на эти места, которые он всегда считал своими. Пока он не был побежден сам, он являлся единственным властителем, судьей и деспотом по своему собственному выбору. Он был неограниченным владыкой в этих богатых долинах и зеленых лужайках и единственным повелителем над всеми окружавшими его здесь живыми существами. Он властвовал над ними прямо и открыто, без малейшей стратегии и коварства. Его не любили и боялись, но сам он ни к кому и ни к чему не испытывал ни ненависти, ни боязни. Он был честен от природы. Вот почему он открыто ожидал появления того страшного существа, запах которого до него донесся из долины.

Когда он сидел так на задних лапах, нюхал воздух своим рыжим носом, то что-то внутри его заговорило об его далеких, терявшихся в тумане времени, поколениях. Никогда раньше он еще не ощущал в своих ноздрях подобного запаха, а между тем, почуяв его, вовсе не считал его для себя новым. Он только никак не мог освоиться с ним, не мог его определить. Но тем не менее он знал, что в нем заключалось что-то страшное и полное угроз.

Целые десять минут просидел он, точно изваяние, на задних лапах. Затем ветер переменился, запах стал становиться все менее ощутимым и, наконец, прекратился совсем. Тир немного опустил свои плоские уши. Он медленно повернул свою громадную башку так, чтобы глаза его могли видеть зеленую долину и площадку, на которой он стоял. Теперь, когда воздух по-прежнему был свеж и чист, он моментально позабыл о запахе. Он опустился на все четыре ноги и снова принялся за охоту на кротов. В ней было много забавного. Такая махина в двадцать пять пудов весом, какою был он, – и вдруг занялась охотой на крошечных кротов в какие-нибудь два вершка длиной и в несколько золотников весом. Тем не менее целый час Тир занимался этим с увлечением и был очень доволен, когда, под самый конец, ему удалось поймать единственного крота и проглотить его, как пилюлю; это было для него своего рода лакомством, его bonne-bouche, на добывание которой он тратил чуть не треть весны и лета, вечно роясь в земле. На этот раз он нашел, наконец, наиболее подходящую норку и принялся

раскапывать ее лапами, как собака. Раза два в течение последнего получаса он поднимал голову, но больше уже его не беспокоил тот странный запах, который донес до него ветерок.

Глава II
Нарушители покоя

На расстоянии мили от долины Джим Лангдон осадил своего коня в том месте, где у самого входа в нее стал редеть сосновый и можжевеловый лес; он быстро сориентировался и затем, вскрикнув от удовольствия, перебросил через седло правую ногу и стал поджидать. В двух-или трехстах ярдах позади него, все еще пробираясь через заросли, Отто распекал свою вьючную упрямую кобылу Дисфану. Лангдон весело улыбался, когда до него стали доноситься громкие вопли Отто, которыми он угрожал Дисфане самыми тяжкими мучениями, какие только могут существовать на свете, начиная с немедленного распарывания живота и кончая более милосердным наказанием, а именно раздроблением ей головы на части толстой дубиной так, чтобы во все стороны разлетелся из нее мозг. Лангдон посмеивался потому, что технический словарь всех тех ужасов, которые сваливались у Отто на головы его выхоленных и откормленных вьючных лошадей, составлял одну из главных его радостей. Он знал, что если бы Дисфана была нагружена алмазами и стала прыгать и бить задними ногами, то и тогда бы громадный, добродушный Отто не пошел далее своих страшных, леденивших кровь протестов. Наконец из леса выбрались одна за другой все шесть вьючных лошадей, а позади всех выехал и сам горец. При его появлении Лангдон сошел с лошади и стал опять смотреть на долину. Жесткая, светлая борода его не скрывала на лице густого загара, происшедшего от долговременного пребывания в горах; он расстегнул ворот рубашки и обнажил потемневшую от солнца и ветра шею; у него были серо-голубые, острые, пытливые глаза, и он обозревал ими долину с радостным пылом охотника или искателя приключений. Ему было тридцать пять лет. Часть своей жизни он провел в совершенно диких местах, а другую – в описании того, что слышал и видел там. Его спутник был лет на пять моложе его, но зато дюймов на шесть выше, если только эти излишние дюймы могут считаться достоинством. Брюс же был о них совсем отрицательного мнения. «Черт бы побрал то, что я так вырос!» – часто говорил он себе.

Лангдон указал ему на долину.

– Видели вы когда-нибудь что-нибудь подобное? – обратился он к нему.

– Великолепное место! – согласился и Брюс. – Вот бы где расположиться на ночлег, Джим! В этих местах должны водиться олени и медведи. А у нас уже вышло все свежее мясо. Не найдется ли у вас спички?

У них уже вошло в обычай закуривать трубки от одной спички, когда к этому представлялся случай. И они вспомнили эту церемонию и теперь, не отрывая глаз от долины. Выпустив из своей трубки громадное облако дыма, Лангдон указал подбородком на лес, из которого они только что выехали.

– Хорошее место для привала! – сказал он. – Сухое дерево, проточная вода и за целую неделю – первый можжевельник, из которого можно будет сделать постели. Мы можем спутать наших лошадей на этом лужку. Посмотрите, какая здесь сочная трава и сколько дикой тимофеевки!

Он взглянул на часы.

– Только три часа, – сказал он. – Можно было бы еще отправиться и далее. Но, как вы думаете? Не провести ли нам здесь денек или два и не ознакомиться ли с этими местами поближе?

– Я ничего не имею против, – ответил Брюс.

С этими словами он сел, прислонившись спиной к камню и положив на колени длинный медный телескоп. Лангдон достал привезенный из Парижа бинокль. Телескоп был старый, еще со времен междоусобной войны. Севши рядом, плечо к плечу и упершись спинами в камень, они стали осматривать возвышавшиеся перед ними горы с их крутизнами и зелеными скатами. Они находились теперь в девственной стране для охотников, в «Неведомом краю», как называл ее Лангдон. Насколько оба они – и он, и Брюс – могли судить, до них не проникал сюда еще ни один белый человек. Это была страна, со всех сторон запертая колоссальными горными хребтами; чтобы перевалить через них, путники должны были какие-нибудь сто миль проделать в целых двадцать дней при невероятных усилиях. Они выехали из цивилизованных мест еще десятого мая, а теперь было уже тринадцатое июня. Глядя в бинокль, Лангдон начинал думать, что они достигли венца своих желаний, потому что проработали уже более двух месяцев, чтобы только попасть туда, куда еще не ступала человеческая нога, – и, наконец, им это удалось. Сюда не проникал еще ни один охотник, ни один исследователь. Раскрывшаяся перед ними долина сулила им золото, и это наполняло душу Лангдона тем радостным удовлетворением, которое мог понять только он один. Для Брюса же, его спутника и приятеля, с которым он совершал такое путешествие уже в пятый раз, – все горы были одинаковы; он родился среди них, прожил в них всю свою жизнь и, вероятно, среди них же и умрет.

Вот этот-то самый Брюс и толкнул сейчас неожиданно Лангдона локтем.

– Я вижу головы трех оленей, – сказал он, не отрывая глаз от телескопа. – В полутора милях отсюда они пересекают долину.

– А я вижу какую-то самку с детенышем на черном скате вот этой первой горы направо, – ответил Лангдон. – А вот и орел, который подстерегает их со скалы за тысячу футов над ними! Черт возьми, Брюс, да мы никак попали в настоящий земной рай!

– Надо полагать, – согласился и Брюс, сгибая колени так, чтобы было поудобнее установить на них телескоп. – Если тут нет горных баранов и медведей, то я буду не я.

Пять минут они обозревали местность, не сказав больше друг другу ни слова. Позади них бродили проголодавшиеся лошади и щипали богатую, густую траву. Со всех сторон к путникам доносился веселый шум воды, сбегавшей с гор, и им казалось, что вся долина заснула, залитая солнцем. Лангдон иначе и не мог сравнить это ее состояние, как с дремотой. Долина представляла собой счастливую, избалованную кошку, и все эти журчавшие звуки, которые они слышали вокруг себя, казались им ее сонным мурлыканьем. Лангдон стал наводить бинокль на козу, которая вскочила на самый край скалы и пытливо озиралась по сторонам, когда Отто вдруг прервал молчание.

– Я вижу медведя, громадного, как дом! – спокойно сказал он.

Брюс никогда не позволял себе повышать голоса, за исключением только тех случаев, когда имел дело со своими вьючными лошадьми, и в особенности с Дисфаной. Поэтому такую поразительную новость, как эта, он произнес так же равнодушно, как если бы говорил о пучке фиалок.

Лангдон вздрогнул и насторожился.

– Где? – спросил он.

И с дрожью во всем теле он наклонился в один уровень с телескопом, чтобы лучше видеть.

– Смотрите вот на этот выем на втором плече горы, тотчас же у лощины! – ответил Брюс, зажмурив один глаз, а другим все еще глядя в телескоп. – Как раз на полугоре! Выкапывает что-то из-под земли!

Лангдон навел свой бинокль по указанному направлению и вдруг вскрикнул от возбуждения.

– Ну что? Видите? – спросил Брюс.

– Бинокль приблизил его ко мне чуть не к самому носу, – ответил Лангдон. – Но какое громадное животное, Брюс! Должно быть, крупнее не найдется во всех Скалистых горах!

– Разве только его родной братец, если они родились близнецами, – ухмыльнулся погонщик, не пошевельнув ни одним мускулом. – А ведь он даст вашему восьмифутовому, Джимми, еще с целый фут! А? К тому же… – Он не договорил в этот психологический момент, чтобы, не отнимая глаза от зрительной трубы, успеть достать из кармана щепотку жевательного табаку и заменить им старый. – К тому же, – закончил он наконец, – нам благоприятствует ветер, а он увлекся своим делом, как впившаяся блоха.

Он распрямился и поднялся на ноги; Лангдон быстро вскочил. В таких случаях, как этот, между ними всегда появлялось какое-то немое взаимное соглашение, делавшее излишними всякие слова. Они отвели всех восьмерых лошадей обратно на лесную опушку и привязали их там, вынули из чехлов ружья и вложили в них по шести зарядов. А затем в какие-нибудь две минуты они простыми, невооруженными глазами уже оглядывали гору, на которой находился медведь, и подступы к ней с долины.

– Мы должны держаться расселины, – сказал Лангдон.

Брюс кивнул головой.

– Я думаю, – ответил он, – что если стрелять оттуда, то это будет триста ярдов. Самое лучшее, что мы можем сделать. Если же мы будем подходить к нему снизу, то он может почуять нас по ветру. Вот если бы это было часа на два раньше…

– Тогда мы вскарабкались бы на самую гору, – весело подхватил Лангдон, – и бросились бы на него сверху? Брюс, вы настоящий идиот, когда дело заходит о том, чтобы ползти по скалам. Неужели, по-вашему, нужно залезать на горы только для того, чтобы стрелять в козу сверху, когда ее можно взять на прицел без малейшего труда и с равнины. Я рад, что сейчас не утро. Мы поднимем этого медведя и с расселины.

– Может быть, – буркнул в ответ Брюс.

И они отправились.

Они открыто пошли по прямому направлению через зеленые, покрытые цветами луга. Они оказались наконец всего только в полумиле расстояния от гризли и до сих пор могли ручаться, что медведь их не видел. Ветер переменился и теперь дул им в самое лицо. Они побежали и пока спускались к откосу, в течение нескольких минут громадный холм скрывал от них медведя. В следующие затем десять минут они добрались до расселины, узкой, засыпанной щебнем и с отвесными стенами рытвины, проделанной в течение целых веков в горе весенними ручьями, стекавшими каждую весну со снежных вершин. Здесь они осторожно осмотрелись. Громадный гризли находился наверху, на скате горы, быть может, футах в шестистах над ними и почти в трехстах футах от ближайшего к нему места расселины.

Брюс заговорил на этот раз уже шепотом.

– Вы отправитесь на выслеживание, Джимми, – сказал он. – Если вы промахнетесь или только раните этого медведя, то он может сделать лишь одно из двух. Ну, может быть, одно из трех. Он будет гнаться за вами, или убежит, или же отправится в долину именно этой самой дорогой. Мы не сможем удержать его от побега, но если он погонится за вами, то он кувырком скатится вот в эту самую расселину. Вам одному не управиться с ним, и если вы промахнетесь, то он все равно отправится за вами по этой самой дороге, – а здесь-то я и буду его поджидать. Итак, желаю вам удачи, Джимми!

С этими словами он отошел в сторону и притаился за камнем, откуда одним глазком мог наблюдать за гризли; а Лангдон стал спокойно взбираться по покрытой круглой галькой расселине.

Глава III
Первая неприятность от человека

Из всех живых существ в этой сонной долине Тир был самым деловитым. Вы могли бы сказать, что этот медведь отличался индивидуальностью. Как и некоторые люди, он очень рано ложился спать; особенно сонливым он становился в октябре, а в ноябре уже спал беспробудно. Спал он до самого апреля и пробуждался обыкновенно на неделю или дней на десять позже всех остальных медведей. Спал он чутко и просыпался сразу. В апреле и в мае он позволял себе подремывать где-нибудь на скале под теплым солнышком, но с начала июня и вплоть до середины сентября он закрывал глаза, чтобы поспать по-настоящему, часов по восьми в сутки, каждый раз по четыре часа подряд.

Он был очень увлечен своей работой, в то время как Лангдон с громадными предосторожностями подползал к нему из расселины. Ему удалось выкопать из земли крота, жирного, старейшего патриарха, так сказать, стоявшего во главе всего местного кротового управления, и он уничтожил его в один глоток и уже собирался закончить свой обед лакомством – белой личинкой, подвернувшейся ему случайно под лапу, и несколькими кисленькими муравьями, которые выползли из-под сдвинутых им с места камней. Эти лакомства Тир всегда добывал себе правой лапой, переворачивая ею камни. Девяносто девять медведей из ста, а может быть, даже и сто девяносто девять из двухсот – всегда левши. Но Тир работал только правой лапой. А это давало ему большое преимущество в драке, в рыбной ловле и в добывании мясной пищи, потому что у гризли правая лапа всегда длиннее левой; и настолько длиннее, что когда он теряет свое шестое чувство ориентации, то всегда продолжает дальнейший путь, описывая ею круги, чтобы нашарить препятствия.

В своих поисках Тир направился прямо к расселине. Его громадная голова свешивалась до самой земли. На коротких расстояниях он мог видеть так, точно смотрел в микроскоп. Его органы обоняния были настолько чувствительны, что он мог поймать рыжего муравья с закрытыми глазами. Он обыкновенно выбирал для себя плоские камни. Его громадная правая лапа, с длинными когтями, была так же чувствительна, как рука у человека. Приподняв камень, он нюхал, высовывал горячий, плоский язык, лизал и переходил к следующему. Он занимался своим делом с чрезвычайной серьезностью, как слон, который отыскивает кедровые орешки в куче соломы. Он не чувствовал ничего смешного в своей работе. Мать-природа нарочно устроила так, чтобы он не замечал в ней ничего смешного. У Тира было так много свободного времени, что поневоле приходилось летом применять именно эту систему питания, то есть пожирать сотни тысяч кисленьких муравьев, сладкие корешки, всевозможных сочных насекомых, не говоря уже о кротах и еще менее о новорожденных горных кроликах. Надо же было куда-нибудь девать время! И вот из всех этих ничтожных существ составлялись в нем те громадные запасы жира, которые необходимы были ему во время его зимней спячки. Вот почему природа снабдила его такими маленькими зеленовато-коричневыми глазками, зоркими, как микроскопы, непогрешимыми на пространстве всего только пяти футов и почти бессильными, когда надо было видеть то, что происходило от него в тысяче шагах.

Совсем уже принявшись за выворачивание из земли нового камня, Тир вдруг неожиданно прервал свою работу. Целую минуту простоял он почти без всякого движения. Затем медленно опустил голову и уперся в землю. Совершенно отчетливо он ощутил вдруг какой-то необыкновенно приятный запах. Запах этот был еще настолько слаб, что он боялся потерять его, если бы стал двигаться. Поэтому он стоял, как вкопанный, пока не удостоверился окончательно, затем повел громадными плечами и сошел ярда на два ниже, медленно покачивая головой то вправо, то влево и внюхиваясь в воздух. Запах становился все сильнее

и сильнее. Спустившись еще на два ярда ниже, он ощутил, что запах особенно был силен у большего камня, весом около пяти пудов. Тир выворотил его в сторону своей правой лапой и отбросил его с таким видом, точно это был орех. Тотчас же раздался дикий, протестующий крик и в сторону прыснул маленький, застигнутый врасплох кролик, по которому Тир с такой силой ударил левой лапой, что мог бы сломать шею целому карибу, но промахнулся. Не запах самого кролика привлек его к себе, а ощущение в воздухе чего-то необыкновенно вкусного, что этот кролик запасал себе под этим камнем. Эти запасы все-таки уцелели и представляли собой фунта два земляных орешков, тщательно сложенных в небольшую норку и прикрытых травкой. Это были не совсем орехи. Они представляли собой недоразвившийся картофель, величиной не больше вишни, и совершенно походили по внешнему виду на картофель. Они были крахмалисты, сладковаты на вкус и очень питательны. Тир их ужасно любил и обрадовался им безмерно, и когда ел их, то от удовольствия испускал из самой глубины груди звуки, похожие на отдаленный гром; затем он отправился на поиски.

Он вовсе не чуял Лангдона, когда стал спускаться все ближе и ближе к расселине. Он не мог обонять его, потому что ветер роковым образом дул не в его сторону. А о противном запахе, который долетал до него час тому назад, он успел уже позабыть. Он был совершенно счастлив; естественно, что, находясь в цветущем здоровье, полный и гладкий, он был в хорошем расположении духа. Гневный, сварливый и раздражительный медведь – всегда худой. Такого медведя опытный охотник отличит с первого же взгляда. В нем всегда есть что-то общее со вздорным слоном. Все еще продолжая свои поиски пищи, Тир подошел совсем уже близко к расселине. Он находился всего только в полутораста ярдах от нее, когда вдруг донесшийся до него звук заставил его насторожиться. В своих усилиях как можно ближе подползти к нему Лангдон случайно свалил в расселину камешек. Он покатился по ее откосу, зацепил другие камни, и они с шумной трескотней посыпались вниз дождем. Стоявший внизу, в шестистах ярдах у входа в ущелье, Брюс отчаянно выругался. Он увидел, что Тир сел.

С полминуты Тир просидел на задних лапах. Затем он бросился к расселине, ковыляя туда медленно, но решительно. Задыхаясь от волнения и внутренне браня себя за свою неосторожность, Лангдон старался обеспечить за собою последние десять футов у края стремнины. Он слышал долетавшие до него крики Брюса и не знал, что это было с его стороны предостережение. Стараясь как можно скорее покрыть эти последние три или четыре ярда, он дико цеплялся и руками и ногами за выступы шифера и скал. Он был уже почти на самой вершине и только здесь на минуту остановился и огляделся вокруг. Сердце у него похолодело, и он не мог оторвать глаз от того, что видел. Целые десять секунд он не мог двинуться с места. Прямо над ним свесились башка и громадное плечо чудовища. На него смотрел сам Тир, широко разинув пасть, из которой торчали клыки величиной в палец, и гневно и обиженно сверкая зеленовато-красными глазами. В этот момент он в первый раз в жизни увидел человека. Его легкие были полны этого удушливого запаха, и вдруг он отвернулся. Навалившись животом на ружье, Лангдон естественно не мог выстрелить. Не помня себя, он пополз вперед еще на несколько оставшихся футов. Теперь уже целые осколки и даже крупные камни вываливались из-под него и скатывались вниз. Взобраться на самый верх было для него теперь делом какой-нибудь одной минуты.

Тир был от него уже в сотне ярдов и катился к проходу, точно громадный шар. Из глубины ущелья донесся резкий выстрел. Это выстрелил из ружья Отто. Лангдон тоже быстро прицелился и, использовав левое колено в качестве подпорки для ружья, стал палить с расстояния в полтораста ярдов.

Бывает так, что один час, одна минута решают всю жизнь человека; и десять секунд, которые промелькнули с момента выстрела Отто, сразу же изменили Тира. Теперь он понял наконец отлично, что этот запах исходил от человека. Он воочию увидел и самого человека.

И тут же почувствовал… Ему показалось, что это была одна из тех молний, рассекавших темное небо из края в край, которые он уже не раз видел на своем веку, и что эта молния, точно раскаленный докрасна нож, пронизала его тело; но вместе с невыносимой, жгучей болью до него донесся и гром ружей, на который со всех сторон откликнулось эхо. Он повернулся к скату горы, когда пуля ударила его в плечо, пробила на нем шкуру и засела в мясе, не повредив кости. Он был всего только в двухстах ярдах от расселины, когда она догнала его. Не пробежал он еще и следующей сотни ярдов, как жгучий огонь вдруг опять ошпарил ему на этот раз уже бок. Но ни тот ни другой выстрел не причинили его громадному телу особого вреда; и двадцати таких выстрелов было бы недостаточно, чтобы положить его на месте. Но второй все-таки остановил его. Он обернулся с яростным ревом, походившим на мычание взбесившегося быка, и этот ужасный, гневный рев был слышен в долине на целую четверть мили вокруг. Брюс услышал его и бесполезно выпалил в шестой раз с расстояния в семьсот ярдов. Лангдон в это время вновь заряжал свое ружье. Целые пятнадцать секунд Тир открыто подставлял себя под выстрелы, с ревом вызывая на бой и выказывая желание померяться силами со своим невидимым врагом; а затем, когда Лангдон выстрелил уже в седьмой раз, Тира вдруг стегнуло по шее огненной плетью и, вдруг испугавшись этой молнии, с которой он не мог сражаться врукопашную, Тир бросился бежать к пролому. Он услышал за собой другие ружейные выстрелы, походившие на новые раскаты грома. Но они не задели его. Испытывая жгучую боль, он стал спускаться в ближайшую равнину.

Он знал, что был ранен, но не понимал, что это были за раны. Один раз при спуске он остановился на некоторое время, и лужица алой крови вытекла на землю из-под его передней лапы. Он с удивлением и подозрительно обнюхал ее. Затем, спускаясь на восток, он немного позже вдруг опять почуял в воздухе свежий запах человека. Его донес ветер во второй раз и, несмотря на то, что ему хотелось развлечься и заняться своими ранами, он заковылял еще быстрее вперед, потому что узнал уже то, чего не забудет больше никогда во всю свою жизнь – а именно, что вместе с этим запахом приходит и боль. Добравшись до низины, он скрылся в густом лесу; а затем, пройдя через этот лес, он вышел к ручью. Может быть, сотни раз он проходил вверх и вниз по этому ручью. Это был его главный путь, который вел из одной половины его владений в другую. Инстинктивно он всегда держался этого пути всякий раз, как был ранен или болен или когда собирался укладываться в берлогу на зимнюю спячку. В этом был свой особый разум. Он родился в почти непроницаемой гуще зарослей в истоках ручья, и его детство прошло среди сцепившихся веток дикой смородины и ежевики с ее ярко-красными букетами ягод. Здесь был его дом. В нем он мог оставаться один. Это была та часть его владений, в которую не смел проникать никакой другой медведь. Он терпел других медведей – черных, бурых и гризли – на широких, солнечных местах своих владений, но постольку, поскольку они удалялись при его приближении. Они имели право искать там себе пищу, спать на солнышке и жить тихо и мирно до тех пор, пока признавали его верховную власть. Тир жил, как настоящий медведь, и не изгонял из своих владений других медведей, за исключением тех случаев, когда ему требовалось доказать им, что в них он был Великим Моголом. Это случалось только иногда и в таких случаях происходил поединок. И после каждого такого поединка Тир неизменно спускался в эту долину и шел прямо к ручью, чтобы залечивать свои раны.

В этот раз он еле продвигался к нему. В плече стояла невыносимая боль. Иногда делалось так больно, что лапа подвертывалась под него, и он чуть не падал. Несколько раз он входил в воду по самые плечи, и вода охлаждала его раны. Постепенно они перестали кровоточить. Но боль стала ощутимее. Второй причиной того, почему именно, будучи ранен, он всегда уходил в эти места, – была находившаяся здесь трясина. А она была его врачом.

Солнце уже садилось, когда он дошел до нее. Челюсти его были слегка открыты. Громадная голова повисла еще ниже. Он потерял слишком большое количество крови. Его одо-

левала усталость, и плечо так болело, что хотелось ухватиться за него зубами и вырвать из него тот странный огонь, который так сильно сжигал. Трясина была футов двадцать или тридцать в диаметре и в самом центре представляла собой мелкую жидкую грязь, мягкую, холодную, желтоватого цвета. Тир вошел в нее по самые подмышки, а затем улегся на раненую сторону. Глина прилипла к его ранам как охлаждающий пластырь. Он издал глубокий вздох облегчения. Долгое время он пролежал в этой мягкой грязевой ванне. Зашло солнце, наступила ночь и высыпали на небе удивительные звезды. А Тир все лежал и лежал, стараясь залечить первые раны, полученные им от человека.

Глава IV
Планы охотников

У опушки можжевельника и низкорослой сосны Лангдон и Отто сидели после ужина и покуривали свои трубочки, расположившись у самого костра. В этих горных высоких местах воздух по ночам становится холодным, и потому Брюсу пришлось в свое время встать и подбросить в костер новую охапку сухого хвороста. Затем он растянулся вновь во всю свою длину, упершись поудобнее плечами и головой в ствол дерева, и чуть не в пятый уже раз рассмеялся.

– Смейтесь, смейтесь, черт бы вас побрал! – проворчал на него Лангдон. – Говорят же вам понятным языком, что я попал в него два раза! Понимаете? Два раза! И не моя вина в том, что мне так дьявольски не повезло!

– В особенности, когда он глядел вам прямо в глаза, – возразил Брюс, которому было приятно поиздеваться над неудачей приятеля. – Да ведь на таком расстоянии, милейший Джимми, его можно было бы убить прямо камнем!

– А что ж было делать, – уже в двадцатый раз оправдывался Лангдон, – когда ружье было подо мной!

– Самое подходящее место для ружья, – все еще зубоскалил Брюс, – когда идешь на медведя!

– Но обрыв был страшно крут. Я должен был работать и руками и ногами. Если бы он был еще немножко круче, то пришлось бы пустить в дело и зубы.

Лангдон сел, выколотил из трубки пепел и набил ее свежим табаком.

– А ведь это, Брюс, – сказал он, – был самый крупный из всех медведей на всех Скалистых горах!

– Да, – согласился и Брюс. – Одной его шкурой можно было бы устлать всю вашу комнату, если бы ружье у вас не оказалось под животом.

– И она будет моей, – объявил Лангдон. – Без этого я отсюда не уйду. Я уже твердо решил это. Мы останемся здесь еще на долгое время. Я не отвяжусь от этого гризли, даже если бы для этого потребовалось все лето. Я готов добиться лучше его одного, чем поднимать целый десяток других медведей во всех этих горах. Ведь он девяти футов ростом! Одна головища с целую сорокаведерную бочку. Шерсть на плечах в четыре фута длиной. Я и не воображал, что меня так глубоко заденет то, что я не убил его. Он ранен и, вероятно, куда-нибудь убежал. Теперь придется нам с ним похлопотать.

– Безусловно, – согласился Брюс. – В особенности, если мы встретимся с ним опять в течение этих двух недель, пока еще не совсем заживут у него раны от выстрелов. Вы уж позаботьтесь, Джимми, о том, чтобы ружье опять не оказалось под вами!

– А что вы скажете насчет того, чтобы остаться здесь надолго?

– С большим удовольствием. Свежее мясо, прекрасные пастбища и великолепная вода, – чего же еще желать? – И минуту спустя он добавил: – А здорово он изранен! Следы крови по всей вершине!

При свете костра Лангдон стал чистить свое ружье.

– А вы не думаете, – спросил он, – что он может удрать, оставить эти места совсем?

Брюс презрительно фыркнул.

– Удрать? – ответил он. – Оставить эти места совсем? Да что он, простой черный медведь, что ли? Не забывайте, что это – гризли, то есть хозяин всей здешней местности. Он может уйти из нее на время, но вы можете побиться об заклад, что он ни за что на свете не оставит своих родных мест навсегда. Чем сильнее вы поранили гризли, тем больше ожесточили его, и если вы возобновляете на него охоту, то тем самым заставляете его сражаться с вами до последней капли крови. Если вы хоть однажды поранили его, то уж пеняйте на себя: он ни за что на свете не отстанет от вас.

– Превосходно! – с увлечением воскликнул Лангдон. – Значит, он побьет всякие рекорды! Я хочу его, Брюс, и со своей стороны не отстану от него. Как вы думаете, удастся нам напасть на его след завтра же утром?

Брюс покачал головой.

– Все будет зависеть от выслеживания, – ответил он. – Необходимо делать облаву. Раненый гризли долго не покидает своего места. Он не покидает своих владений, но зато и не появляется в них после этого открыто, как это было вчера. Метузин должен присоединиться к нам с собаками через три или четыре дня, а когда в нашем распоряжении будет стая гончих, то тогда действительно можно будет надеяться на потеху.

Лангдон посмотрел на огонь и сказал с сомнением:

– Едва ли Метузин подойдет к нам и через неделю. Ведь сколько нам пришлось преодолеть трудностей, чтобы проникнуть в эту страну!

– Этот старый индеец, – убежденно заявил Брюс, – найдет нас, даже если бы мы провалились сквозь землю. Он будет здесь дня через три, не станет баловать своих собак зря на ловле дикобразов. А уж как только придет…

Он встал и потянулся худыми членами.

– …то уж мы потешим нашу душеньку так, – закончил он, – как никогда в нашей жизни не тешили. Мне сдается, что в этих горах столько медведей, что в одну неделю наши десять собак загоняют их всех. Хотите держать пари?

Лангдон со щелканьем запер свое ружье.

– Мне нужен только один медведь, – ответил он, не обратив внимания на предложение. – И я уверен, что мы завтра же покончим с ним. Вы, Брюс, специалист по части облавы на медведей, но я все-таки думаю, что он настолько ранен, что далеко не уйдет.

Из мягких ветвей можжевельника они сделали себе постели около костра, и, последовав примеру своего спутника, Лангдон стал расстилать свои одеяла. День был не из легких, и потому не прошло и пяти минут, как, улегшись, он уже захрапел. Он еще спал, когда на рассвете Брюс выполз из-под своего одеяла. Не будя его, молодой погонщик натянул на себя сапоги и зашагал за четверть мили по тяжелой росистой траве, чтобы посмотреть на лошадей. Возвратился он через полчаса, приведя с собой Дисфану и верховых лошадей. Лангдон уже встал и разводил огонь.

Лангдон часто вспоминал впоследствии, что такое утро, как это, окончательно поколебало его веру в докторов и страх перед могилой. В этом самом июне должно было исполниться ровно восемь лет, как он в первый раз явился на Север, слабогрудый и с затронутыми легкими. «Если уж вы так настоятельно хотите этого, молодой человек, – предупредил его один из докторов, – то, конечно, можете отправляться, но только я должен предупредить вас, что вы отправляетесь на верную смерть». И вот теперь он был крепок и упруг, как кулак. На горах заиграли первые розовые лучи солнца; воздух наполнился благоуханием цветов, росы и всего, произраставшего на земле, и Лангдон глубоко задышал всеми легкими озоном, смешанным с бодрящим запахом хвои. Он гораздо ярче, чем его спутник, проявлял ту жизне-

радостность, которая являлась следствием их кочевой жизни. Ему хотелось всегда кричать, петь и свистать. Но в это утро он сдерживал себя. Им целиком овладела жажда охоты; то же испытывал и Отто, но только в более мягкой степени. Пока погонщик оседлывал лошадей, Лангдон принялся за печение лепешки. Он был профессором в этом деле и самую лепешку называл «первобытным» хлебом; его метод состоял в том, чтобы сэкономить сразу и место и время. Он развязал тяжелый мешок с мукой, отвернул в нем края и обеими ладонями сделал в муке углубление прямо в мешке; влив в нее кружку воды и положив полную ложку оленьего жиру, необходимое количество сухих дрожжей и щепотку соли, он стал всю эту массу там же, в мешке, размешивать. Через пять минут лепешки лежали уже на сковороде, а еще через полчаса было поджарено баранье мясо с картофелем, и лепешки запеклись.

Солнце уже совсем вышло из-за горизонта, когда они снялись с лагеря. Они проехали через долину верхом, но к горам стали приближаться пешком, причем лошади послушно следовали за ними позади. Было нетрудно обнаружить следы Тира. Там, где он останавливался вчера, чтобы огрызнуться на своих врагов, до сих пор еще были на земле красные пятна; а далее, до самой вершины, они уже продолжали путь по ярко-алому кровавому следу. Три раза, спускаясь отсюда в другую долину, они обнаруживали те места, где останавливался Тир, и каждый раз замечали, что кровь впитывалась в землю или же сбегала вниз по скале. Они прошли через лес и наткнулись на ручей, и здесь ясно оттиснувшиеся на черном песке следы медведя заставили их остановиться. Брюса это поразило. Лангдон вскрикнул от удивления. Не говоря ни слова, он вытащил карманную рулетку и опустился на колени перед следом.

– Пятнадцать с четвертью дюймов! – воскликнул он.

– А ну-ка измерьте и другой, – сказал Брюс.

– Пятнадцать с половиной!

Брюс посмотрел кверху на узкий проход.

– В лапе самого большого, какого я когда-либо встречал, было четырнадцать с половиной, – сказал он, и в его голосе послышалось благоговение. – Он был убит в Атабаске и считался самым громадным из всех убитых в Британской Колумбии медведей. Но этот, Джимми, – нечто необыкновенное.

Они отправились далее и снова измерили следы на берегу первой лужи, в которой Тир обмывал свои раны. Особой разницы в измерениях не оказалось. После этого они находили пятна крови уже только случайно. Было десять часов, когда они подошли наконец к трясине и увидели то место, где лежал в ней Тир.

– Здорово он поранен, – сказал серьезно Брюс. – Он провел здесь почти всю ночь напролет!

И под влиянием одного и того же импульса и одной и той же мысли оба они одновременно подняли головы и посмотрели вперед. В полумиле далее, сжатое между гор, перед ними виднелось темное, беспросветное ущелье.

– Да, он сильно поранен, – повторял Брюс, все еще глядя вперед. – Пожалуй, будет лучше, если мы привяжем лошадей здесь, а сами пойдем дальше одни. Возможно, что он где-нибудь здесь невдалеке.

Они привязали лошадей к карликовым кедрам и сгрузили с Дисфаны багаж.

Затем, с ружьями наперевес и насторожившись, они осторожно вошли в ущелье.

Глава V
Муква

Тир отправился в ущелье на рассвете. Выйдя из трясины, он чувствовал себя одеревенелым, хотя в ранах у него уже не было такого жжения и боли. Правда, они еще болели,

но не так сильно, как вчера вечером. Главное недомогание ощущалось не в плече. Он был болен весь, и если бы он был человеком, то лежал бы теперь в постели с термометром под мышкой и около него стоял бы доктор и считал его пульс. Он брел теперь к ущелью медленно и едва передвигал от слабости ноги. Неутомимый разыскиватель пищи, он был теперь совершенно равнодушен к еде. Он не испытывал голода и все равно ничего не мог бы съесть. Часто по пути он обмакивал горячий язык в холодную воду ручья и еще чаще поворачивал голову назад и нюхал воздух. Он знал, что запах человека, странный гром и еще более необъяснимая молния шествовали за ним по пятам. Всю ночь он был настороже и остерегался даже и теперь.

Для каждой отдельной раны Тир не знал отдельного средства лечения. Он был плохой ботаник в настоящем смысле этого слова, но создавшая его природа все-таки сделала так, что все свои болезни он лечил сам. Как кошка отыскивает для себя мяту или валериану, так и Тир всегда разыскивал для себя одному ему известные предметы, когда чувствовал себя нехорошо. Не всякая горечь представляет собой хинин, но какая-то горечь заменяла для Тира именно его, и когда он шел к себе в ущелье, то волочил нос по самой земле и принюхивался по пути к разным травкам и кончикам веток густых кустарников. Так он дошел по запаху до местечка, сплошь покрытого каким-то ползучим растением высотой два дюйма и усеянным маленькими красненькими ягодками, похожими на горох. Но сейчас эти ягоды были не красными, а еще зелеными. Горькие, как желчь, и вяжущие на вкус, они носят название «медвежьего винограда». За них-то и принялся Тир. После этого он стал пожирать ягодки мыльнянки, которыми почти сплошь были усеяны ветви кустарников, очень похожих по внешнему виду на смородину. Но ягоды эти были гораздо крупнее, чем на смородине, и уже краснели. Индейцы едят их, когда у них бывает лихорадка; поел их и Тир, остановившись для этого на некоторое время, и затем побрел далее. Ягоды эти тоже были горькие. Обнюхал он и деревья и, наконец, нашел то, что искал. Это были корявые, низкорослые сосенки, из которых сочилась свежая смолка на таком расстоянии от земли, что он мог ее слизывать. Медведь редко проходит мимо такой смолки. Она служит для него главнейшим целебным средством, и Тир стал жадно слизывать ее языком со ствола. В ней он поглощал не только скипидар, но, так сказать, и все те целебные средства, которые в фармакопее считаются производными от этого элемента. Таким образом, когда он добрался наконец до ущелья, то его живот уже представлял собой целую москательную лавку. Между прочим, он съел по пути чуть не полтора кило сосновых и можжевеловых иголок. Когда заболевает собака, то она начинает есть траву, а когда прихварывает медведь, то траву для него всегда заменяют именно хвойные иголки, если он может их достать. Точно так же он набивает ими свой желудок и кишки в самый последний час перед тем, как ложится в долгую спячку на целую зиму.

Солнце еще не всходило, когда Тир дошел до ущелья и остановился на некоторое время у входа в пещеру, зиявшего в отвесной стене горы. Сколько времени понадобилось Тиру для того, чтобы он мог припомнить о ней все, сказать мудрено, но что-то подсказывало ему, что из всех мест, какие только были ему известны, именно эта пещера была его настоящим домом. В ней было не более четырех футов в вышину и восьми в ширину, но она была очень глубока и вся устлана мягким белым песком. В незапамятные времена через эту пещеру тек ручей и в отдаленном конце ее прорыл пространство, очень удобное для зимней спячки медведя, когда температура спускается до пятидесяти градусов ниже нуля. Десять лет тому назад мать Тира впервые вошла сюда на зимнюю спячку, и когда потом проснулась и заковыляла к выходу, чтобы взглянуть на весеннее солнце, то вместе с нею поплелись туда же и три ее новорожденных медвежонка. Тир был одним из них. Он был тогда еще полуслепым, потому что медвежата обыкновенно прозревают совсем только к концу пятой недели; и шерсти на нем тоже не было, так как детеныш у гризли всегда рождается таким же голым,

как ребенок у человека. Шерсть обыкновенно начинает расти у него одновременно с открытием глаз. С тех пор Тир перезимовал в этой пещере, ставшей его домом, восемь раз подряд.

Он собирался войти в нее и теперь. Ему хотелось залечь в ней в самом дальнем углу и выждать, когда станет легче. Пожалуй, две или три минуты он не решался войти в нее и все осторожно принюхивался к воздуху, выходившему из ее глубины. А затем отвернулся и понюхал ветер, сквозивший по ущелью, и что-то подсказало ему, что он должен непременно идти далее, не останавливаясь перед пещерой.

К западу от ущелья и до самой вершины горы тянулся отлогий подъем, и Тир стал по нему вскарабкиваться вверх. Солнце светило уже ярко, когда он добрался до вершины и, остановившись здесь еще раз ненадолго, он окинул взором другую половину своих владений.

Представившаяся его глазам долина была еще роскошнее, чем та, в которую два-три часа тому назад въехали верхом Брюс и Лангдон. От хребта до хребта она была мили две в ширину и, развертываясь в обе стороны, насколько мог видеть глаз, представляла собой величественную панораму из золотых, зеленых и черных пятен. С того места, на котором стоял Тир, она казалась одним громадным, безграничным парком. Зеленые скаты тянулись почти до самых горных вершин и до половины этих скатов, то есть до крайней линии лесов по этим скатам были рассеяны группами сосны и можжевельники, точно их насадила там человеческая рука. Некоторые из этих групп были не более обыкновенных декоративных групп деревьев в наших городских парках, тогда как другие занимали целые десятины и более. У подошвы этих скатов с каждой стороны, точно декоративные бордюры, узенькими, непрерывными линиями тянулись леса. Между этими двумя линиями лесов простиралась широкая, открытая долина с мягкими, волнистыми лугами, пестревшая ярко-красными пятнами от буйволовой ивы и горного шалфея, зелеными группами дикой розы и терна и отдельными деревьями. Вдоль всей долины, из края в край, бежал ручей.

Тир спустился с того места, на котором стоял, ярдов на четыреста ниже и потом повернул все еще по зеленому скату на север, так что стал теперь переходить от группы к группе деревьев в этом громадном парке, в полутораста или в двухстах ярдах над линиями лесов. На такую высоту между лугами на равнине и первыми голыми скалами горных вершин он взбирался уже не раз во время своих охотничьих экскурсий. Жирные горные сурки уже стали посвистывать на своих скалах, радуясь солнцу. Их продолжительные, мягкие, пугливые посвистывания, которые приятно было слышать среди общего рокота горных потоков, уже наполняли воздух своей музыкой. Иногда эти посвистывания раздавались вдруг громко и с намерением предостеречь, совсем под самыми ногами, и сурок вдруг плотно прижимался к своей скале, когда близко около него проходил медведь, и тогда на некоторое время все они вовсе затихали и уже долго не нарушали общего мурлыканья долины. Но в это утро Тир вовсе не думал об охоте. Раза два ему попадались по пути дикобразы, самое лакомое для него блюдо, и он проходил мимо них, не обратив на них ровно никакого внимания; теплый, наводивший сон запах карибу донесся до него резко и определенно из кустарников, но он даже и не подошел к ним, чтобы их исследовать; из узкой, мрачной расселины, походившей на глубокую канаву, он вдруг заслышал запах барсука, но прошел мимо. Целые два часа он все шел и шел на север вдоль крайней линии лесов по скату горы, прежде чем пересечь лес и начать спускаться к ручью.

Прилипшая к его ранам грязь уже стала подсыхать, и он снова вошел по плечи в воду и простоял в ней несколько минут. Вода смыла с него грязь. Другие два часа он побродил вдоль ручья и часто из него пил. Затем, через шесть часов после того, как он залег в болотную тину, с ним случился «сапус-увин», как называют в тех местах индейцы рвоту. Ягоды ежевики, мыльнянки, смолка, сосновые и можжевеловые иглы и вода, которую он выпил, – все это смешалось в его животе в изрядную массу и выскочило из него вон, –

и Тиру сразу стало легче, настолько легче, что в первую же минуту он даже заворчал и хотел броситься прямо на своих врагов. Плечо у него все еще побаливало, но самая болезнь прошла. Несколько минут после «сапус-увин» он простоял без движения и начинал ворчать. Это рычание, вырывавшееся из самой глубины его груди, теперь приобрело новое значение. До вчерашнего вечера и даже до сегодняшнего дня он не знал, что такое настоящая ненависть. Он сражался с другими медведями, но в его борьбе с ними вовсе не было ненависти. Его злоба так же быстро проходила, как и приходила; после драки в нем не оставалось ни малейших признаков злопамятства; он зализывал раны своему задранному им же самим врагу и бывал необыкновенно счастлив, когда залечивал их совсем. Но это новое, появившееся в нем чувство было далеко не таково. Он возненавидел человечий запах; он возненавидел это странное белолицее существо, которое подползало к нему из расселины. В этой его ненависти ассоциировалось все, относившееся к человеку. Это была ненависть инстинктивная, пробудившаяся в нем внезапно после долгого сна, благодаря случайному опыту. Никогда не видя человека ранее и никогда не ощутив его запаха, он все-таки знал, что человек был его злейшим врагом и что он должен был бояться его больше, чем кого бы то ни было в горах. Он мог вступить в борьбу с самым громадным гризли; он мог выдержать нападение со стороны самой злейшей стаи волков. Наводнение и лесные пожары были ему нипочем. Но перед человеком он должен был трепетать. Он должен был убегать от него, скрываться! На самых ли горных вершинах или внизу в долинах, он должен был вечно находиться на страже и ни на минуту не ослаблять зрения, слуха и обоняния! Почему именно он сразу почувствовал это, почему именно он сразу понял, что это существо, этот ничтожный пигмей, которого он должен был бояться больше, чем какого-нибудь другого известного ему врага, втерлось вдруг в его жизнь, – это было чудом, которое могла бы объяснить одна только природа. Это была в умственной фабрике всей расы Тира отрыжка еще от тех давно минувших, туманных, позабытых времен, когда впервые появился на земле человек, вооруженный сначала дубиной, потом копьем, окованным на конце железом, потом меткой стрелой, затем силком и западней и, наконец, ружьем. И на протяжении всех этих веков человек являлся единственным его владыкой. Природа вколотила в медведя это сознание, и оно перешло к Тиру через сотни, тысячи и даже десятки тысяч поколений. И теперь в первый раз за всю его жизнь этот дремавший в нем инстинкт вдруг пробудился в нем, и он понял все. Он ненавидел человека и потому ненавидел и все то, что им пахло. И вместе с этой ненавистью в первый раз за всю его жизнь появился в нем *страх*. Не нападай на Тира и на всех его родичей человек и не старайся добиваться его смерти во что бы то ни стало, не было бы и зоологического названия Тира Ursus horribilis, то есть ужасный.

Он все еще брел вдоль ручья, медленно и нерешительно обнюхивая все, но не сворачивая в сторону никуда; голова его волочилась чуть не по самой земле, и его задние ноги то припадали, то поднимались во время движения, что составляет особенность походки всех медведей и, главным образом, гризли. Его длинные когти постукивали о камни; под лапами хрустел гравий; на мягком песке он оставлял громадные следы. Эта часть долины, в которую он теперь вступал, имела для Тира особое значение, и потому он стал то и дело задерживаться, часто останавливался и со всех сторон нюхал воздух. Он не был моногамистом, но уже несколько брачных сезонов подряд приходил именно сюда к своей супруге, именно на этот удивительный лужок и на эту равнину, сжатую между двух горных кряжей. Обыкновенно он поджидал ее здесь в июле, зная, что и она со своей стороны будет искать его с диким до странности желанием иметь от него детей. Это была прекрасная гризли, приходившая сюда с западных гор, когда ее охватывало стремление к материнству; громадная, сильная, с великолепной золотисто-коричневой шерстью, так что дети ее от Тира во всех этих горах представляли собой самое красивое молодое поколение. Мать уносила их с собой еще в себе, и они открывали глаза, жили и дрались между собой уже без отца, в далеких доли-

нах и на горных склонах запада. Если в следующие затем годы Тир и изгонял потом своих же собственных детей из своих охотничьих владений или даже вступал с ними в борьбу, то мудрая природа скрывала от него, что это были именно его дети. Он в высокой степени походил на старого угрюмого холостяка и поэтому не любил малышей. Он терпел детей так же, как старый, разочарованный женоненавистник терпит около себя краснощекого пузыря-младенца, но никогда не доходил до такой жестокости, чтобы убивать детей. Он только отвешивал им звонкие пощечины всякий раз, как они подвертывались ему под лапу, но всегда шлепал их ладонью плашмя, хотя и настолько сильно, что они откатывались от него во все стороны, как пушистые шары. Это было только выражением со стороны Тира его неудовольствия всякий раз, как чужая медведица вторгалась в его владения, именно со своими детенышами. Во всех же остальных случаях он держал себя как рыцарь. Он не отгонял от себя медведицы-матери с ее семьей и не вступал с ней в драку, как бы она строптива и неприятна ни была. Даже и в тех случаях, когда он заставал их за уплетанием той добычи, которую он убил только для себя, он ограничивался лишь тем, что давал медвежатам пощечины. Но не обходилось и без исключений. Только в прошлом году он разделался по-своему с настоящей Ксантиппой – с медведицей нового стиля, которая так настойчиво заявляла ему о своих правах, что для того, чтобы поддержать престиж своего пола и отвязаться от нее, он должен был дать ей здорового тумака. После этого она так стремительно бросилась от него убегать, что три ее прытких медвежонка покатились за ней, точно черные мячики.

Все это необходимо иметь в виду, чтобы объяснить себе то внезапное и полное тревоги волнение, которое охватило Тира, когда он вдруг почувствовал исходивший откуда-то из-за груды камней теплый, знакомый запах. Он остановился, повернул голову и низко и хрипло заворчал. В шести футах от него, лежа животом на кучке белого песка, скуля и дрожа всем телом, точно полуиспуганный щенок, который еще не успел отдать себе отчета – видит ли он перед собой друга или врага, смотрел на него одинокий медвежонок. Ему было не больше трех месяцев – слишком молодой возраст, чтобы обходиться уже без матери; у него была остренькая мордочка и белое пятнышко на груди, что обозначало, что он принадлежал к черной породе, а не к гризли. Казалось, что он хотел сказать следующее: «Я брошен, или потерялся, или украден. Мне хочется кушать, и в мою лапку вонзилась иголка от дикобраза». Но, несмотря на это, страшно зарычав, Тир стал оглядываться по сторонам, надеясь увидеть его мать. Но ее не было видно нигде и даже не чуялось в воздухе ее запаха, – два факта, которые заставили Тира опять повернуть свою громадную голову к медвежонку. «Муква» – индеец, наверное, назвал бы так этого малыша! – подполз на фут или на два поближе и приветствовал это вторичное внимание со стороны Тира доверчивыми движениями своего тельца. После этого он подполз к Тиру еще на полфута, и тот предостерег его низким грудным ворчанием. «Не подходи близко, – казалось, хотел он ему сказать. – Иначе от тебя мокрого места не останется». Муква понял. Он застыл на месте, легши на живот и растопырив на песке во все стороны ноги; и Тир опять посмотрел на него. Когда он оглядывал его, то Муква на этот раз находился от него всего только в трех футах, все еще распростершись на песке, и тихонько повизгивал. Тир приподнял от земли правую лапу на четыре дюйма. «Еще дюйм – и тебе будет капут»! – проворчал он. Муква опять заерзал всем телом и задрожал; он стал облизывать себе губы розовым язычком, частью от страха, а частью прося этим пощады; и все-таки, не обратив внимания на приподнятую лапу Тира, он подполз к нему еще на шесть дюймов ближе. Вместо ворчания в горле у Тира вдруг что-то захрипело. Его тяжелая лапа опустилась на песок. В третий раз он огляделся по сторонам и понюхал воздух и опять злобно зарычал. Сухой, старый холостяк отлично понял бы это ворчанье: «Куда же, к черту, девалась его мать?»

А затем случилось нечто неожиданное. Муква совсем близко подполз к раненой ноге Тира. Здесь он приподнялся и, почуяв запах еще не зажившей раны, стал ее зализывать.

Его язычок был точно бархат. Его так приятно было чувствовать на себе, что Тир несколько времени простоял не двигаясь и не издавая звука, пока медвежонок зализывал его рану. Тогда он опустил к нему свою громадную башку. Он стал обнюхивать этот маленький пушистый ласковый шарик, который подкатился к нему. Мусква заплакал так, точно ребенок, лишившийся матери. Тир заворчал, но на этот раз уже более ласково. Угрозы больше не слышалось. Большой, теплый язык вдруг облизал всю мордочку медвежонку.

– Пойдем! – сказал ему Тир и вновь направился на север.

И у самых его ног засеменил маленький, осиротевший медвежонок с рыженькой мордочкой.

Глава VI
Тир совершает убийство

Ручей, вдоль которого шел Тир, стекал с Бабины и устремлялся прямо к Скине. По мере того как Тир поднимался по этому потоку, местность все возвышалась и становилась суровей. Он прошел с вершины горы никак не менее семи или восьми миль, когда наткнулся на маленького черного медвежонка Мускву. От этого места горные скаты стали приобретать уже совсем иные формы. Их стали прорезать темные, узкие овраги и загромождать громадные массы камней и отвесные плиты шифера. Ручей становился шумливее, и вдоль него было уже трудно пролагать себе путь.

Тир вступал теперь в одну из своих твердынь – в страну, где для него открывались целые тысячи укромных местечек, в которых он мог бы скрыться, если бы только захотел; это была дикая, развороченная местность, в которой было нетрудно поохотиться на порядочную дичь и в то же время можно было быть уверенным, что не встретишься с противным запахом человека. Целые полчаса Тир брел с того каменистого места, где встретил Мускву, совсем даже позабыв, что за ним по пятам следовал медвежонок. Но все-таки он слышал и обонял его. Для Мусквы же настали тяжкие времена. Его жирное маленькое тело и толстые короткие ноги совершенно не привыкли к подобного рода путешествиям, но зато он был еще молод, и потому только два раза за все эти полчаса заплакал: в первый раз, когда свалился с камня в воду ручья, и во второй – когда слишком неосторожно ступил на ту лапку, в которой находилась заноза, иголка дикобраза. Наконец, Тир оставил ручей и свернул в глубокую расселину, по которой дошел до площадки, своего рода плато, находившегося как раз на середине ската. Здесь он нашел выступ на солнечной стороне заросшего травой утеса и остановился. Возможно, что детская привязанность маленького Мусквы и ласковое прикосновение в самый психологический момент его мягкого, розового язычка и, главным образом, та настойчивость, с которой он следовал за Тиром – все это вместе тронуло соответствующие струны в душе громадного грубого животного, потому что, понюхав с некоторой тревогой воздух, оно завалилось на бок у большого камня и разлеглось. До самой этой минуты, несмотря на тяжкую усталость и изнеможение, маленький медвежонок с рыжей мордочкой не прикорнул ни разу и только теперь наконец, получив возможность лечь, повалился на землю как мертвый и через три минуты уже крепко спал.

Два раза в течение этого утра с Тиром происходил «сапус-увин», и потому он стал чувствовать голод. Это был не такой голод, который можно было удовлетворить муравьями, личинками или даже кротами и куропатками. Возможно, что он догадывался, что и маленький Мусква тоже был очень голоден. А медвежонок за это время ни разу не открыл глаз и спокойно лежал на припеке, когда Тир решил, наконец, встать и идти на промысел. Было уже около трех часов, время наибольшего покоя и сонливости во всей природе в конце июня и в начале июля в северных горных долинах. Сурки уже достаточно насвистались и угомонились и грелись на солнышке на своих скалах; орлы парили настолько высоко над верши-

нами, что были похожи на маленькие точки; наевшись до отвала мясом, коршуны скрылись в леса; козы и горные бараны отдыхали далеко у себя чуть не под самыми небесами, а если еще и бродили кое-какие животные, то были уже совершенно сыты и неповоротливы. Горные охотники знают, что именно в такие часы им и следует обшаривать зеленые скаты гор и открытые места между группами деревьев, так как в них-то и залегают в это время медведи и, в особенности, медведи-хищники.

Это был главный промысловый час Тира. Инстинкт подсказывал ему, что когда все другие животные сыты и предаются отдыху, то он может двигаться вполне открыто и без опасения, что его смогут обнаружить, может найти свою дичь и выследить ее. Случайно он может загрызть козу или горную овцу или карибу, несмотря на яркий день, потому что на короткие пространства он может бегать гораздо скорее, чем коза и овца, и с такою же быстротой, как и карибу. Но главным временем его охоты были заход солнца и сумерки раннего вечера.

Он поднялся из-за своего камня с ужасным ревом, от которого, как встрепанный, вскочил Мусква. Он огляделся по сторонам, замигал глазами на Тира и на солнце и так встряхнулся, что чуть не упал. Тир искоса посмотрел на рыжеголового малыша. После «сапусувин» он жаждал красного, кровавого мяса, точь-в-точь как проголодавшийся человек хватается сразу за борщ и за кашу, а не за соуса и майонезы; Тиру нужно было именно мясо, да еще как можно больше, и его так и подмывало отправиться сейчас же на охоту и зарезать карибу, тогда как его озадачивал этот полуголодный, но в высокой степени заинтересовавший его медвежонок, который вертелся у него под ногами. А Мусква, казалось, и сам понял его сомнения и тотчас же ответил на них тем, что отбежал от Тира вперед ярдов на десять и затем вдруг остановился и вызывающе поглядел назад, насторожив ушки вперед и с таким видом, с каким мальчишка старается доказать своему отцу, что он уже достаточно вырос для того, чтобы отправиться вместе с ним на охоту на кроликов. Издав во второй раз свой рев, Тир бросился вперед, тотчас же догнал Мускву и так поддал ему правой лапой сзади, что тот, как мяч, отлетел на двенадцать шагов назад, причем Тир заворчал так, точно хотел этим сказать: «Если уж лезешь со мной на охоту, то знай свое место!»

Затем Тир медленно отправился в путь, насторожив специально для охоты зрение, слух и обоняние. Он спускался до тех пор, пока не очутился не свыше ста ярдов над речкой, и при этом выбирал не самую легкую тропинку, а нарочно места поугрюмее и потяжелее. Он брел не спеша и делал зигзаги, осторожно обходя большие массы камней, обнюхивал каждую рытвину, прежде чем в нее войти, и обследуя каждую группу деревьев и каждую кучу валежника. Одно время он поднимался так высоко, что под ним уже не было никакой растительности и оставались одни только голые скалы, и вдруг спускался настолько вниз, что шествовал по песку и гравию ручья. Он улавливал в воздухе массу разнородных запахов, но ни один из них не заинтересовал его и не захватил его глубоко. Однажды, уже под самыми облаками, он почуял запах козы, но так высоко он никогда не охотился. Два раза он чуял невдалеке от себя овцу, а совсем уже поздно, почти к вечеру, увидел вдруг горного барана, который смотрел на него с неприступной вышины, футах в ста выше его. Внизу он нападал на тропинки дикобразов и часто склонял голову над следами карибу, запах которых ощущал в воздухе и впереди себя. Кроме него в этой долине были и другие медведи. Большинство из них шествовало вдоль ручья; все это были бурые и черные медведи, и только один раз Тир обнаружил запах другого гризли и тотчас же злобно заворчал. В течение двух часов с того времени, как они покинули солнечное местечко, Тир не раз проявлял особое внимание к Мускве, который с течением дня становился все голоднее и слабее. Ни один мальчик не был так забавен, как этот маленький рыжеголовый медвежонок. В каменистых местах он то и дело оступался и падал; на те места, на которые Тир всходил за один шаг, он вскарабкивался с отчаянным видом и выбиваясь из сил; три раза Тир переходил через ручей вброд, и Мусква следовал за ним, едва не утопая; он весь был избит, исцарапан, промок до костей,

и все ноги у него были изранены, – но все-таки не отставал. Иногда он шел рядом с Тиром, а в другие разы должен был догонять его. Солнце уже садилось, когда Тир наконец нашел свою дичь, а Муква еле дышал от усталости.

Он не понял, зачем это Тиру вдруг понадобилось сползать всем своим громадным телом вдоль скалы вниз, где виднелась небольшая котловина. Ему хотелось плакать, но он побоялся. И если когда-нибудь за всю свою короткую жизнь он хотел видеть свою мать, то это было именно теперь. Он никак не мог дать себе отчета, почему именно она бросила его среди камней одного и не вернулась к нему назад, – трагедия, которую позже разгадали одни только Лангдон и Брюс. Никак не мог он понять и того, почему именно она не приходила к нему и теперь. Как раз наступало то самое время, когда перед самым отходом ко сну она обыкновенно кормила его молоком, ибо он был мартовским детенышем, а согласно всем медвежьим правилам и законам, он должен был сосать ее еще целый месяц. Он был медвежонком, и его рождение прошло не так, как это бывает у всех остальных животных. Его мать, как и все медведицы в холодных странах, произвела его на свет еще задолго до того, как пробудилась от своей зимней спячки в берлоге. Он родился, когда она еще спала. Целый месяц или недель шесть после этого, когда он был еще слеп и гол, она кормила его молоком, в то время как сама не пила, не ела и не видела дневного света. К концу этих шести недель она вышла с ним из берлоги, чтобы поискать себе еды и хоть сколько-нибудь поддержать свои силы. С тех пор прошло еще шесть недель, и Муква стал весить двадцать фунтов. Он весил двадцать фунтов, но в настоящую минуту был пуст так, как еще ни разу в жизни, и, конечно, весил меньше.

В трехстах ярдах ниже Тира находилась группа можжевеловых кустов – небольшая густая заросль, росшая на бережку миниатюрного озерка. В этой заросли скрывался карибу, а может быть, даже два или три. Тир знал это так же уверенно, как если бы видел их воочию. «Наземный» запах копытных животных, или, как его называют индейцы – «уэнипау», был для Тира так же отличен от «мечису» – запаха, разливающегося в воздухе, как день от ночи. Один плавает в воздухе, как легкое дыхание духов от платья и волос женщины, прошедшей мимо, а другой, резкий и приторный, густо стелется по земле, как запах духов из разбитого флакона. Даже Муква, подползший сзади к громадному медведю и улегшийся на животе, – и тот чувствовал этот запах. Целые десять минут Тир не двигался. Глаза его были устремлены вниз, в котловину, на берег озера и на подход к леску, и нос так отчетливо тянулся к запаху в ветре, как стрелка компаса к северу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.